

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065

1(37)
2021

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 4 раза в год
Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Алешковский И. А., Ивахнок И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф., Калининко П. А.,
Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В.,
Режабек Б. Г., Рыбальский Н. Г., Снакин В. В., Стычинский М. С.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай), Ближ-
ковский П. (Бельгия), Вебер А. Б. (Россия), Грачев В. А. (Россия), Гэй У. (США),
Данилов-Данильян В. И. (Россия), Дафферн Т. (Великобритания), Иноземцев
В. Л. (Россия), Камуселла Т. (Польша), Киш Э. (Венгрия), Теймури В. (Иран), Ко-
ротаев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия), Мазур И. И.
(Россия), Робертсон Р. (Великобритания), Сабден О. С. (Казахстан), Серге-
ев М. Ю. (США), Хасбулатов Р. И. (Россия).

Адрес редакции:

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А,
МГУ, факультет глобальных процессов.
Тел.: 8(495) 939-43-23. E-mail: chumakov5@yandex.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru
DOI: 10.30884/vglob/2021.01.00

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Вебер А. Б. Экологические императивы и притязания гегемонизма 3

Мамедов Н. М. Развитие гуманистических идей как глобальный процесс 19

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИСТИКИ

Чумаков А. Н. Глобальный мир с литературной точки зрения (на основе творчества М. И. Веллера) 32

Черкасов-Корнющенко Д. И. «Кротовые норы» романа «Фантомный бес»: глобальный ответ 45

Мюнникс Г. Возможна ли межкультурная коммуникация? О важности адекватного перевода в мире глобальных отношений 59

Щенникова Н. В. Единство в многообразии: к вопросу о понятийно-терминологическом аппарате вариантологии английского языка 70

В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Дробот Г. А. Восхождение Китая с позиций теории транзита власти 79

Го Лишуан. «Экономический пояс Шелкового пути» и Евразийский экономический союз: особенности, преимущества, конкуренция 87

ТРЕНДЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Пфаненштиль И. А., Яценко М. П. Асфатроника как новый конструктивный подход к системе глобальной безопасности 103

Сабден О. С. Мировая цивилизация и модернизация общественного развития 116

РЕЦЕНЗИИ, ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Шестова Т. Л., Арискина Ю. Э. Глобализация в зеркале Большой истории 129

Низами Мустафаевичу Мамедову – 75 лет 134

Contents 135

ТЕОРИЯ

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ И ПРИТЯЗАНИЯ ГЕГЕМОНИЗМА

Вебер А. Б.*

В XX в. масштабы экономической деятельности человечества далеко вышли за пределы биосферного потенциала планеты. В условиях грозящего истощения природных ресурсов, разительного неравенства в их использовании и растущей потребности в них развивающихся стран правящие круги более успешных и богатых государств теряют былую уверенность в прочности достигнутого благополучия. Опасение утраты доминирующих позиций в мире во многом объясняет проявления агрессивного имперского гегемонизма в международной политике США. Она недальновидна и бесперспективна, потому что антагонизирует остальной мир, порождает конфликты и угрозу войн, становясь в конечном счете разрушительной для любого претендента на мировое господство.

Ключевые слова: экологический кризис, несущая способность экосистем, глобальное неравенство, общество потребления, имперский гегемонизм, устойчивое развитие.

In the twentieth century, the extent of human economic activity went far beyond the biosphere potential of the planet. In the face of the looming depletion of natural resources, the striking disparities in their use and the growing need for them in developing countries, the ruling circles of more successful and rich countries are losing their former confidence in the stability of achieved well-being. Fear of the loss of dominant positions in the world largely explains the manifestations of aggressive imperial hegemony in the U.S. international politics. It is short-sighted and unpromising, because it antagonizes the rest of the world, generates conflicts and the threat of war, ultimately becoming destructive to any contender for world domination.

Keywords: environmental crisis, carrying capacity of ecosystems, global inequality, consumer society, imperial hegemony, sustainable development.

В экспертном сообществе сложилось понимание того, что социальное развитие необходимо изучать, оценивать и прогнозировать в самом широком социо-природном контексте, то есть с точки зрения взаимосвязи и взаимовлияния общества и природной среды. Первооснова, необходимая предпосылка этой взаимосвязи – *обмен веществ* человека с внешней природой, те процессы, которые еще называют «социально-экологическим метаболизмом» [Яницкий 2016: 14]. Но со-

---

* Вебер Александр Борисович – д. и. н., доцент, г. н. с. Института социологии ФНИСЦ РАН. E-mail: mailbox@polisma.ru.

циальное развитие – нечто большее, чем просто «обмен веществ». Природу и общество можно и нужно рассматривать в их взаимосвязи, как единую систему, но с той оговоркой, что социальное развитие существенным образом отличается от биологической эволюции.

Положение человека как наделенного *сознанием* действующего субъекта мировой системы двойственно: с одной стороны, растет его воздействие на окружающую среду, с другой – увеличивается его зависимость от вызываемых вследствие его деятельности изменений в состоянии окружающей среды. Столкновение этих противоположных тенденций постепенно усиливалось по мере развития цивилизации, особенно с переходом от традиционного к современному обществу.

На более высоком уровне развития научно-технический прогресс, промышленная революция, индустриализация, урбанизация, успехи медицины создали ситуацию, когда антропогенное воздействие на природную среду стало выходить за пределы «несущей способности» экосистем. Решающий сдвиг произошел в XX в.: за столетие мировое население увеличилось почти в четыре раза, совокупный продукт (ВВП) вырос в 17,6 раз, потребление всех видов энергоресурсов – в 10 раз, минерального сырья – почти в 30 раз [Данилов-Данильян 2006: 239].

Человек и Природа

...Естественный мир – это не бездонный источник, из которого человек может черпать до бесконечности, а целостная экологическая система, частью которой является сам человек и которую он не может нарушить без катастрофических последствий для самого себя.

Арнольд Тойнби

Глобальный экологический кризис возник как непреднамеренный результат возросшего до планетарных масштабов воздействия человека на внешнюю природную среду. Возможные последствия этого предсказывались давно. Знаменитый французский естествоиспытатель Жан-Батист Ламарк, развивая теорию эволюции живых организмов, допускал, что человек – вершина этой эволюции – может когда-нибудь сделать земной шар непригодным для обитания и обречь тем самым человеческий род на уничтожение. Но прошло еще много времени, прежде чем действительные масштабы угрозы были осознаны в научном сообществе.

Теперь последствия хозяйственной деятельности человека для природной среды хорошо изучены, документированы и, если можно так выразиться, «оцифрованы».

Превышение биоемкости планеты. Под биоемкостью (biocapacity) понимают способность экосистем регенерировать потребляемые людьми ресурсы и поглощать отходы. Биоемкость, как и фактическое потребление, так называемый «экологический след» (ecological footprint), измеряют в условных «глобальных гектарах» (гга) биологически продуктивной площади суши и акваторий, необходимой в течение года для воспроизводства потребляемых ресурсов и поглощения отходов. Учитывается, естественно, рост мирового населения. Согласно исследо-

ваниям организации *Global Footprint Network*, в 2016 г. биологический баланс человечества в расчете на душу населения выглядел следующим образом:

Биологическая емкость планеты (воспроизводство)..... 1,6 гга/чел.

Экологический след человечества (потребление)..... 2,8 гга/чел.

Превышение порога биоемкости (дефицит) .....1,2 гга/чел.

Биологическая емкость планеты – это тот порог, который нельзя переходить без риска нарушить биосферное равновесие. Как видно из приведенных цифр, этот порог уже превышен на 75 %. Это равнозначно тому, как если бы человек имел в своем распоряжении не одну планету, равную земному шару, а 1,75 такой планеты [National... 2019]. Можно выразить это иначе: при нынешнем темпе роста ежегодного потребления биоресурсов превышение порога биоемкости (*overshoot*) наступает в течение нескольких месяцев, и этот период все более сокращается. В 2000 г. символическая календарная дата превышения пришлась на 4 октября, в 2019 г. – уже 29 июля [Earth... 2019].

Мы берем ресурсы в долг у природы, и этот долг растет! Впервые экологический след человечества превысил биоемкость планеты в начале 70-х гг. прошлого века, и затем этот разрыв продолжал нарастать, достигнув объема, равного 17-летней земной биопродукции. За полвека, с 1970 по 2016 г., общий объем извлечения биомассы из окружающей среды увеличился на планете примерно в 2,7 раза – с 9 млрд т в год до 24 млрд т [UN Environment 2018]. Почти половина от этого количества приходится на четыре страны – Китай, Индию, Бразилию и Соединенные Штаты.

Перед мировым сообществом маячила перспектива истощения некоторых возобновляемых ресурсов. Сокращаются площади лесных массивов, пахотных земель, запасы пресной воды, популяции позвоночных, рыбные ресурсы, содержание кислорода в атмосфере. Возобновляемые ресурсы фактически перестают быть таковыми, поскольку уже не восстанавливаются в приемлемом количестве и качестве. И недопустимо растет «углеродный след»: эмиссия продуктов сгорания ископаемого топлива превысила поглощающую способность земной поверхности.

Угроза истощения других природных ресурсов. Добыча *всех* природных материалов увеличилась в мире с 22 млрд т в 1970 г. до 70 млрд т в 2010 г., то есть более чем в три раза [Global... 2017]. С начала XXI в. темпы роста добычи ускорились, и к 2017 г. общая масса добываемых природных материалов возросла до 86 млрд т – почти в четыре раза по сравнению с 1970 г. [Ibid.] По данным одного специального исследования, учитывавшего расход как возобновляемых, так и невозобновляемых ресурсов, в 123 странах из 140 оцениваемый природный капитал в 1990–2014 гг. сокращался в среднем на 0,7 % ежегодно, тогда как их ВВП продолжал расти. При этом невозобновляемые ресурсы (особенно ископаемое топливо) сокращались быстрее, чем возобновляемые [Inclusive... 2018].

Изменение климата. Нарастающие масштабы и темпы использования ископаемого топлива в качестве источника энергии привели к изменению климата на всей планете. По оценке Межправительственной группы экспертов по изменению климата, с 1750 по 2011 г. совокупный объем антропогенной эмиссии CO₂ в атмосферу составил 2040 (±310) млрд т. Половина этого количества пришлась на последние полвека. Часть выбросов (около 40 %) остается в атмосфере, вызывая существенное повышение концентрации углекислоты – основной причины гло-

бального потепления, провоцирующего изменение климата. Вероятность повышения приземной температуры на планете в текущем столетии, то есть к концу XXI в., оценивается экспертами, согласно самому неблагоприятному, но реалистическому сценарию, в пределах от 2,6 до 4,8 °C [Climate Change 2014]. Это привело бы к самым пагубным и необратимым последствиям для человека и экосистем.

Повышение средней приземной температуры в период между 2030 и 2052 г. эксперты прогнозируют как минимум на 1,5 °C, что повлечет дальнейшее увеличение рисков для природных систем и человека. Допускается, правда, возможность стабилизации глобального потепления к этому времени на уровне 1,5 °C при условии ускоренного и далеко идущего сокращения эмиссии CO₂. Но нужно, чтобы эмиссия сократилась при этом на 40 % к 2030 г. и до нуля к 2050 г. [Global... 2018], что маловероятно.

Природные катаклизмы. Изменение климата сопровождается в последние несколько десятилетий все более частыми и разрушительными стихийными бедствиями, связанными с погодой – ураганами, штормами, наводнениями, засухами, волнами сильной жары, лесными пожарами. По данным доклада ООН о людских потерях в результате стихийных бедствий, связанных с погодой, с 1995 по 2015 г. в мире произошло 6457 таких природных бедствий, в них погибло более 600 тыс. человек; 4,1 млрд пострадали, то есть получили ранения, лишились жилья или оказались в категории лиц, нуждающихся в помощи [Новости... 2015]. Замечено, что число геофизических катастроф (землетрясения, извержения вулканов) остается практически неизменным, тогда как количество гидрометеорологических, связанных с нарушением устойчивости биосферы, растет.

Загрязнение окружающей среды. Продукты сгорания углеводородного топлива оседают в атмосфере. Сброс сточных вод отравляет реки и водоемы. Химикаты загрязняют почвы. Гербициды убивают пчел. Кислотные дожди губят леса. Бытовой мусор оседает целыми островами на поверхности океанов. Загрязнение среды бумерангом бьет по здоровью самих людей. По оценке экспертов, 3,5 млрд человек, то есть половина мирового населения, живет на территориях, где уровень загрязнения атмосферы (unsafe air quality) превышает порог безопасности для людей. В мире ежегодно из-за загрязнения воздуха преждевременно умирает более 5 млн человек [Wending *et al.* 2018: 39]. К 2060 г. эта цифра может достичь 6–9 млн. Заболеваемость вследствие загрязнения воздуха может к тому времени увеличиться в три раза – до 36 млн случаев в год у детей и до 10 млн случаев у взрослых [Upton...].

Под угрозой геном человека. Антропогенное изменение окружающей среды приводит к тому, что она все меньше соответствует биологическим константам человека, хотя люди на первых порах могут этого и не замечать. При этом на человека воздействуют не только изменения в природной среде, но и антропогенные факторы, порождаемые техногенной сферой, неблагоприятными социально-экономическими условиями, и они могут быть даже более губительны. В силу экологических причин происходит массовое снижение иммунитета. Отсюда рост числа генетически обусловленных заболеваний, психических расстройств, суицидов, перверсий разного рода и пр. Возникает угроза для устойчивости генома человека [Данилов-Данильян, Лосев 2003: 259; 2006: 923]. Ослабляется, несмотря на

все усилия медицины, его сопротивляемость инфекционным заболеваниям, создаются условия (вследствие качественно возросшей интенсивности человеческих коммуникаций) для распространения опаснейших эпидемий, их перерастания в пандемии, последняя из которых, пандемия коронавируса, поразила в 2020 г. десятки миллионов людей и унесла более миллиона жизней.

Природа и Общество

Экзамен на разумность мы еще не сдали...

Частное мнение

Европейские мыслители с давних времен стремились найти подтверждения для оптимистического взгляда на будущее с позиции Разума человека. В 20-е гг. прошлого века это естественное желание привело, на волне достижений современного естествознания, к появлению учения о ноосфере (царстве Разума) как новой стадии естественной эволюции (Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден) или как нового состояния биосферы, возникающего в результате сознательного и целенаправленного воздействия на нее человека – в понимании В. И. Вернадского. Этот взгляд получил развитие в трудах академика Н. Н. Моисеева, в его концепции универсального эволюционизма и в трактовке ноосферы как синонима коэволюции природы и человека, то есть их *взаимной адаптации*, совместного, согласованного развития. С появлением человека, полагал он, роль Разума в дальнейшем постепенном развитии биосферы становится определяющей [Моисеев 1995].

Идея коэволюции сразу же вызвала веские возражения. Временные параметры эволюции природы и развития общества несопоставимы. Уже по этой причине нет оснований предполагать возможность эволюции биосферы «в сторону человека» [Данилов-Данильян 1998], если не говорить о ее деградации в результате чрезмерной антропогенной нагрузки. Непреодолимым препятствием для искусственного регулирования окружающей среды как целостной системы является то, что энергетическая мощность биосферных процессов на много порядков превосходит возможности имеющихся ныне в распоряжении человека технических средств. Если же человечество когда-нибудь в будущем сумело бы овладеть техническими средствами и источниками энергии, способными обеспечить регулирование окружающей природной среды, то пришлось бы затрачивать на это почти все созданные энергетические мощности, причем побочный ущерб превзошел бы ожидаемые позитивные результаты [Данилов-Данильян, Лосев 2003: 265–267]¹.

В представлении о возможности *взаимной* адаптации природы и общества просматривается невольная, может быть, дань старой традиции телеологического мышления. На деле это человечество в конечном счете должно приспосабливать свои организацию и бытие к изменяющимся вследствие его же деятельности природным условиям. Не увеличение воздействия человека на природную среду, что ведет к ее деградации, а снижение антропогенного воздействия до предельного

---

¹ Упомянуть об этом приходится потому, что и сейчас в серьезных научных публикациях приходится встречать ссылки на идею коэволюции человека, природы и общества как на некую аксиому [Залиханов, Степанов 2018: 135].

уровня несущей емкости биосферы – вот что является единственной реальной альтернативой.

Справедливости ради надо сказать, что Н. Н. Моисеев не был столь категоричен в вопросе о коэволюции, как можно было бы подумать, судя по отдельным его высказываниям. Он говорил об этом как о возможности – *если* человеку «хватит мудрости и воли» [Моисеев 1995: 212]. Будучи частью природы, считал Моисеев, человечество «не может не подчиняться ее законам» [Там же: 230]. Придавая особое значение «проблеме человека», он подчеркивал необходимость изменения самого общества, общественных потребностей, нравственных ценностей как главных условий «согласования человеческой деятельности с возможностями Природы» [Там же: 222].

Понятие коэволюции сопровождалось у Моисеева существенными оговорками: оно «расплывчато», его еще требуется «уяснить», «конкретизировать» [Там же: 230]. Не скрывал он и своих сомнений в способности «коллективного Разума» обеспечить «направляемое развитие» биосферы. Важный психологический штрих: как он сам признавался, его всегда тяготил «диктат реальности», хотелось в самой действительности найти, увидеть возможности оптимистических исходов [Там же: 255]. «Но состоится ли нынешний человек как носитель этого объединенного Разума? – размышлял он. – Хочется думать, что так оно и будет. Но такое предположение представляется даже не гипотезой, а догматом веры» [Там же: 263]. И, возлагая надежды на торжество Разума, сопровождал это примечательной оговоркой: «...хотя может оказаться, что именно он и является основным разрушителем» [Там же: 140].

Н. Н. Моисеев предвидел – и с большой тревогой говорил и писал об этом, – что при ускоряющемся росте антропогенной нагрузки на биосферу сохранение гомеостаза *Homo sapience* невозможно. Человек «потенциально способен уничтожить не только самого себя, но и всю биосферу» [Там же: 208]. Его худшие опасения, как мы знаем теперь, подтверждаются, преобладание негативных, разрушительных тенденций становится все более очевидным. И, напротив, не оправдались надежды на нечто такое, что свидетельствовало бы о движении в сторону коэволюции общества и природы (если не относить это понятие к явно недостаточным пока природоохранным мерам).

Понятное желание видеть будущее в более привлекательном виде приводит к появлению различных, подчас весьма экзотических и максималистских экологических утопий. Это можно сказать, например, о проекте «универсального конструктивизма», презентуемого в качестве «новой философии глобальной цивилизации» [Ильин 2019: 16]. Здесь человек-творец мыслится в роли *сверхчеловека*, «хозяина, господина, владетеля, распорядителя мирового целого», упраздняющего «привычное сущее» и учреждающего «человекообразное сущее», определяемое не объективным природным, а субъективно-проектным законом. Поскольку «царство природы с его законами не удовлетворяет потребностей Homo», человек должен и может «путем применения штыкового удара (!) творческого полагания» превозмочь царство природы и сформировать «иноприродное царство культуры – собственного антропоного существования» [Там же: 25].

Философия «универсального конструктивизма» наглядно показывает, как далеко может завести и, возможно, уже заводит субъективистский подход с позиции

восторженного технооптимизма – этого побочного продукта впечатляющих достижений современного научно-технического прогресса. Однобокое увлечение техницизмом сопряжено с немалыми рисками и опасностями, оно уводит в сторону от решения актуальных задач, которые ставит перед мировым сообществом глобальный экологический кризис, перерастающий на наших глазах в общий кризис цивилизации.

Стихийность, несмотря на все достижения информационно-коммуникационных технологий, остается характерной чертой мирового общественного развития. Преобладание стихийности придает ему инерционность, которая имеет некий неопределенный *вектор*, но не имеет осознанной общей *цели*. Современное общество, проникнутое рыночными отношениями, гипертрофирует частные, эгоистические интересы. Побудительные мотивы деятельности большинства людей определяются обычно повседневными нуждами и заботами, а не проблемами общественного целого и тем более не общечеловеческими интересами. Долгосрочные интересы, отдаленные последствия принимаемых решений, горизонты будущего воспринимаются – причем не только на обывательском, но часто и на политическом уровне – как нечто слишком неопределенное, чтобы исходить из этого «здесь и сейчас».

Будучи результатом бесчисленного множества индивидуальных действий, побуждаемых обстоятельствами, которые люди сами, как правило, не выбирали, и разными, несовпадающими или противоположными мотивами, общественное развитие не может не приводить к непредвиденным последствиям. Поэтому императивным требованием становится осознание опасных последствий стихийности общественного развития и подчинение его известной степени сознательного контроля, основанного на предвидении грозящих опасностей и способного ограничивать их и предотвращать [Вебер 2020].

Пока что перспективы решения этой задачи выглядят туманно. Даже индивидуальный и групповой эгоизм (в его самых негативных проявлениях) удается сдерживать со все большим трудом. С национальным и национально-государственным эгоизмом дело обстоит еще хуже. Пресловутая геополитика с ее упором на национальные интересы, подлинные или мнимые, и пренебрежение глобальными угрозами для человечества все больше сказываются на общем положении в мире. Разрастание очагов вражды и ненависти сопровождается новыми витками гонки вооружений, усилением международной напряженности, балансированием на грани войны. Мир все больше отклоняется от оптимальной с точки зрения общего блага траектории развития.

Глобальное неравенство и гегемонизм

Самые опасные противостояния, которые возникнут и уже начинают возникать, будут связаны с проблемами экологии... И с проблемами раздела ресурсов, то есть богатств, которые дала природа и которых заведомо недостаточно для удовлетворения существующих appetitов.

Н. Н. Моисеев

Крайнее неравенство по условиям жизни и доходам – одна из главных социальных проблем современного мира. Глобальное неравенство, каким оно стало сегодня, – следствие успехов промышленного развития стран Запада в последние полтора-два столетия. Если, по имеющимся данным, в XVIII в. доход на душу населения в Западной Европе превосходил аналогичный показатель в Индии или Китае не более чем на 30 %, то к 1870 г. в индустриальной части Европы он уже был в 11 раз выше, а к 1995 г. превышение стало **50-кратным** [Бауман 2002: 22–23].

Рыночные механизмы наиболее развитых стран ориентированы на потребительский тип поведения – с его современными запросами, все чаще далеко уходящими от того, что можно было бы считать достаточным для нормальных и достойных условий жизни в существующих условиях. В наиболее развитых странах Запада потребление товаров и услуг во много раз превышает уровень потребления большинства населения в развивающихся странах, где очень многие не могут удовлетворить даже самых элементарных своих потребностей. Около 3 млрд человек в этой части мира живут менее чем на **три доллара** в день на душу населения и еще 1,5 млрд – в пределах 10–20 долларов [World Bank. Global...], тогда как в Соединенных Штатах ежедневные затраты на частное потребление в 2018 г. достигали в среднем не менее **140 долларов** на душу населения [World Bank. World...], что по сравнению с беднейшей частью мирового населения примерно в **50 раз больше**. Доля США в мировых потребительских расходах в «нулевые» годы достигала 32 %, а доля всех развитых стран – 78 % [Игнатьева 2010: 81]. Чтобы обеспечить для всех стран мира уровень жизни, привычный для среднего американца, потребовалось бы по меньшей мере пять таких планет, как Земля [Вайцеккер и др. 2013: 7].

Достигнутый странами Запада более высокий уровень жизни, культивируемая там модель «общества потребления» требуют, естественно, соответствующих ресурсных затрат. В промышленную эпоху возникло и распространилось на постиндустриальный период растущее неравенство в использовании природных ресурсов между более развитыми и развивающимися странами. Страны Запада потребляют значительно большую долю земных природных ресурсов, чем их «вес» в мировом населении, что в условиях ограниченности этих ресурсов и избыточной их эксплуатации неизбежно ведет к борьбе за ресурсы, за сферы влияния, к росту напряженности в международных экономических и политических отношениях [Чумаков 2019: 62–68].

Страны мира находятся в неравных условиях с точки зрения величины их экологического следа (использования биоресурсов). В большинстве государств он превышает допустимый расчетный порог (в 2017 г. – 1,7 гга/д.н.), но в разной степени. Как правило, он больше у промышленно развитых стран (США, Япония, большинство европейских), а также у некоторых развивающихся стран с большой численностью и/или плотностью населения (Китай, некоторые другие государства в Азии). Так, в Соединенных Штатах он выше допустимого порога примерно **в 5 раз** (8,1 гга/д.н.), в Германии – в 3 раза (4,8 гга/д.н.), во Франции, Великобритании, Японии – примерно в 2,5 раза (4,4–4,5 гга/д.н.), в Китае – в 2 раза (3,6 гга/д.н.) [UN Environment 2018].

При этом важно иметь в виду не только размер экологического следа как такового, но и его соотношение с показателем биоемкости, обусловленное природными условиями данной страны. В названных выше странах биопотребление существенно превышает их биоемкость, то есть налицо дефицит биоресурсов, возмещаемый, так или иначе, за счет других стран. Но есть и страны, где биоемкость превышает экологический след, и хотя потребление ими биоресурсов тоже выше допустимого порога, у них сохраняется тем не менее значительный резерв биоемкости. В их числе Россия, а также, и даже с большим запасом, Канада, Австралия, Бразилия, Аргентина. А вот Индия, где потребление биоресурсов (на душу населения) не превышает допустимого порога, имеет все же дефицит – ввиду огромной численности населения, суммарные потребности которого в биоресурсах превосходят биоемкость территории страны.

Не менее показателен разрыв между странами мира по их «следу» от использования *всех* природных материалов (material footprint). Так, в США их потребление в 2017 г. составляло 20,7 т/д.н., что **в 5 раз** больше, чем в среднем в Латинской Америке, в 4 раза больше, чем в Африке, и в 2 раза больше, чем в странах Азии [UN Environment 2018]. Хотя Китай, Индия и некоторые другие развивающиеся страны сумели в последние десятилетия нарастить темпы промышленного развития, увеличив свою долю используемых природных ресурсов (доля стран Азии и Тихоокеанского региона в общем объеме экстракции возросла с 25 % в 1970 г. до более 50 % в 2010 г.), разительный контраст в возможностях их использования сохраняется. Это особенно хорошо видно при сравнении показателей стран с самым высоким индексом человеческого развития (ИЧР) и с самым низким. Первые, по данным на 2017 г., использовали 25 т природных материалов на душу населения, тогда как бедные страны с низким ИЧР – 2,5 т, то есть **в 10 раз** меньше [Global... 2017].

В этих условиях на Западе не могли не возникнуть, а потом и все больше усиливаться сомнения в прочности достигнутого странами «золотого миллиарда» благополучия. Стремление сохранить доминирующие позиции в мире перед лицом естественного стремления бедных стран улучшить свое положение, уровень жизни населения и меняющейся расстановки сил на мировой арене получает выражение в агрессивных гегемонистских притязаниях со стороны США и некоторых их европейских союзников, особенно после распада СССР.

После Второй мировой войны в правящих кругах Соединенных Штатов, постепенно освобождавшихся от влияния изоляционистских взглядов, укрепилось мнение, что в интересах своей национальной безопасности США должны стремиться к глобальной гегемонии. Более того, возникло убеждение, что Америка ввиду своей «исключительности», своей экономической и военной мощи вправе претендовать на мировое господство. На смену потерпевшему крушение пангерманизму пришла идея *Pax Americana* – представление о том, что грядущие годы должны стать американским веком, а Америка – гарантом распространения и внедрения американских ценностей по всему миру.

Идея *Pax Americana* основывается на уверенности в «избранности» американской нации, в собственном превосходстве и непогрешимости, в вытекающем отсюда праве навязывать другим свои моральные установки и правила, вмешиваться во внутренние дела других народов и стран, вплоть до применения силы. Эта

система взглядов стала идеологическим стержнем американской политики имперского гегемонизма, своим острием направленной в первую очередь против государств, способных и готовых занимать независимую позицию, противостоять гегемонистским притязаниям и препятствовать тем самым доминированию Запада на мировой арене.

Распадом Советского Союза, воспринятым в американских правящих кругах как их «победа» в холодной войне, они воспользовались для активизации геополитической экспансии. Тем более что, оставшись единственной ядерной сверхдержавой, США оказались вместе с тем перед лицом новых для них глобальных вызовов, связанных с изменяющейся расстановкой сил на мировой арене, с возвышением Китая, с укреплением экономических и политических позиций некоторых других развивающихся стран, с обострением проблемы доступа к ограниченными мировым ресурсам сырья и т. п.

В этих условиях главная задача усматривалась в том, чтобы не допустить возрождения и укрепления России, ее международных позиций как «доминирующей и антагонистичной» евразийской державы [Бжезинский 2010]. В первую очередь имелось в виду противопоставить России бывшие советские республики, ставшие самостоятельными государствами, привязать их к западной системе союзов. Чтобы «соответствовать интересам Америки», Россия должна быть изолирована, ослаблена, в лучшем случае ей отводилась роль «младшего партнера», ассимилированного в западноевропейское сообщество [Overextending... 2019]².

Эти геостратегические цели подразумевали не в последнюю очередь перспективу новых возможностей беспрепятственного доступа США, американского капитала к богатейшим природным ресурсам Евразии. Особое значение в этой связи придавалось возможностям Украины с ее природным потенциалом, Азербайджана – как коридора для доступа Запада к богатому энергетическими ресурсами бассейну Каспийского моря, Узбекистана – как регионального центра Средней Азии.

Значение природных ресурсов, особенно энергетических, как фактора национальной безопасности имеет под собой объективные основания. Испытывая растущие потребности в природных ресурсах, промышленные страны становились все более зависимыми от их импорта, а они к тому же стали все больше дорожать по причине ограниченности, истощения и необходимости для добывающих компаний обращаться к менее доступным и более удаленным месторождениям [Чумаков 2019: 62–63].

Правящие круги США возвели гарантии ресурсного обеспечения в ранг одной из главных государственных задач. «Стратегия национальной безопасности США для нового столетия» [A National... 1998] трактовала возможность «чрезмерной» (nonsustainable) эксплуатации другими странами (своих!) природных ресурсов как угрозу национальной безопасности Америки. Природные ресурсы других стран, а также более чистая окружающая среда были отнесены к числу жизненно важ-

---

² Занимающийся стратегическими исследованиями американский аналитический центр *RAND Corporation* разработал для администрации США конкретные рекомендации, как лучше использовать «уязвимости» России, чтобы заставить ее «перенапрягаться» и тем самым ослаблять. Особое место в этих рекомендациях отводится рассчитанным на изматывание России «геополитическим мерам» в отношении Украины, Беларуси, Молдовы, Закавказья, а также Центральной Азии.

ных интересов Соединенных Штатов. Поэтому, по мнению разработчиков «Стратегии...», США вправе делать все, что может потребоваться для защиты этих интересов, в том числе, при необходимости, использовать «в одностороннем порядке и самым решительным образом» свою военную мощь.

Эта политика как в прошлом, так и сегодня недальновидна и бесперспективна. Она не только антагонизирует остальной мир, подрывая способность США претендовать на роль лидера хотя бы в рамках трансатлантического сообщества, но и обернулась глубоким социально-политическим кризисом самого американского общества. Оправдалось пророческое предостережение Генри Киссинджера: «Путь к имперскому статусу ведет к загниванию самой страны, поскольку с течением времени претензии на всемогущество разрушают внутренние барьеры. <...> И по мере того как вызовы, с которыми сталкивается империя, становятся все более многочисленными и возникают вне исторической связи с внутренними проблемами, борьба внутри страны принимает все более ожесточенный, а со временем и все более агрессивный характер. Намеренное стремление к гегемонии – это наиболее верный путь к разрушению ценностей, сделавших Америку великой» [Киссинджер 2002: 325].

Гегемонистские соблазны порождают ложные надежды, отвлекают и уводят в сторону от решения насущных задач внутренней и внешней политики, которые диктуются меняющимися условиями бытия человечества. Противодействие действительным глобальным угрозам требует скоординированных и целенаправленных коллективных усилий всего мирового сообщества. Ни одно государство, даже самое мощное, не может в одиночку противостоять этим угрозам, а следовательно, не может и сколько-нибудь эффективно защитить собственные национальные интересы. Мир нуждается в международном взаимодействии, адекватном новым угрозам, в соглашениях и институтах, способных обеспечивать необходимый уровень глобального регулирования мировых процессов.

Заключение

Гегемонистские притязания западных держав загоняют мировое развитие в зловещий тупик, блокируя фактически перспективу единственной разумной альтернативы – политики устойчивого развития, основанной на согласованных общих целях и международном сотрудничестве. Хотя программа целей устойчивого развития была декларирована саммитом ООН, на практике она не стала и в сложившихся обстоятельствах не может стать приоритетом в мировой политике. Отдельные государства и международные организации пытаются кое-что делать в этом направлении, но их усилия недостаточны и не могут переломить преобладающие негативные, разрушительные тенденции.

У концепции устойчивого развития много противников, руководствующихся своими эгоистическими интересами и/или идеологическими предрассудками. Одни ссылаются на дурную практику повседневности (в этом, конечно, нет никакой логики); другие утверждают, что цели устойчивого развития вообще нереализуемы. Это утверждение было бы справедливо, если исходить из первоначального определения устойчивого развития, когда в качестве критерия принималось сохранение для будущих поколений потребительских возможностей, существующих сегодня в развитых странах.

Действительная цель устойчивого развития в ее современном понимании – выживание человечества, то есть развитие мирового социума в пределах несущей способности экосистем, в согласии с природой [Данилов-Данильян 2006]. На смену бездумному консюмеризму и утилитарному, потребительскому отношению к природе должна прийти иная ценностная ориентация – осознание самоценности природы, ограниченности доступных ресурсов, невозможности бесконечного экономического роста, этические принципы достаточности, умеренности и ответственности.

Мир нуждается в *фундаментальном пересмотре* всего технологического, экономического и политического подхода к тому, как развитие практиковалось на протяжении многих десятилетий ранее [Weizsäcker, Wijkman 2018: 44]. Мировому сообществу представлено немало убедительных доказательств того, что устойчивое развитие – это в принципе достижимая цель, если идти по пути отказа от иррациональных способов производства и потребления и придерживаться принципа достаточности. Римский клуб опубликовал на эту тему два фундаментальных доклада, содержащих конкретные примеры практической возможности радикального сокращения удельных материальных затрат в различных отраслях хозяйства без ущерба для роста производства [Вайцзеккер и др. 2000; 2013]. Аргументированное обоснование возможностей и реальных выгод перехода к экологически ориентированной модели производства и потребления представлено в докладе Глобальной комиссии по вопросам экономики и климата [The New Climate... 2018]. Есть другие подобные исследования. Доказана и практическая возможность сокращения эмиссии парниковых газов, снижения уровня промышленных и бытовых отходов, их переработки и т. п.

Продвижение в этом направлении требует изменения политики, переноса упора с решения военно-стратегических задач на созидательные цели, готовности к необходимым компромиссам, скоординированных совместных усилий великих держав, всего мирового сообщества. Именно это предлагали лидеры России и Китая в своих выступлениях на 75-й юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Однако правящие круги США и их союзники по НАТО упорно держатся за неолиберальную модель общества и ищут решения своих проблем на путях гегемонистской политики. Пресловутая ноосфера становится ареной «организованного безумия» (Вилли Брандт). Избежать худшего можно лишь в том случае и тогда, если и когда большинство государств, их руководителей станут исходить в своих действиях на мировой арене из той высшей цели, какой должно быть сохранение на планете условий для выживания человечества.

Когда и как это произойдет, трудно сказать. Впереди долгий и трудный путь. Речь идет о долгосрочных целях, решаемых лишь в вековом масштабе. Потребуется терпеливые усилия нескольких поколений, чтобы достичь желаемого результата. Возможно, человечеству придется еще пережить жесточайшие потрясения, прежде чем в сознании людей произойдет мировоззренческий поворот такого масштаба, чтобы это привело к изменению вектора цивилизационного развития в нужном направлении.

Литература

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2002.
- Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М. : Международные отношения, 2010.
- Вайцеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. Фактор четыре. Затрат половина, отдача двойная. Новый доклад Римскому клубу. М. : Academia, 2000.
- Вайцеккер Э., Харгроуз К., Смит М. и др. Фактор пять. Формула устойчивого роста – доклад Римскому клубу. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013.
- Вебер А. Б. Почему социальное развитие приводит к разладу человека с природой // Социологическая наука и социальная практика. 2020. № 1. С. 9–26.
- Данилов-Данильян В. И. Возможна ли коэволюция природы и общества? // Вопросы философии. 1998. № 5. С. 15–25.
- Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие // Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред.: И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й. : ИД «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006.
- Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Глобальный экологический кризис: теоретический анализ и возможные сценарии // Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. М. : Альпина-Паблишер, 2003.
- Залиханов М. Ч., Степанов С. А. Академик Н. Н. Моисеев и некоторые его методологические подходы к пониманию современной научной картины мира // Век глобализации. 2018. № 1. С. 131–142.
- Игнатьева А. А. «Потребительский переход»: сможет ли из экономического кризиса появиться обновленная экономика // Россия в окружающем мире: 2010. Аналитический ежегодник / отв. ред. Н. Н. Марфенин. М. : Изд-во МНЭПУ, 2010.
- Ильин В. В. Универсальный конструктивизм – новая философия глобальной цивилизации // Век глобализации. 2019. № 4. С. 16–25.
- Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М. : Ладомир, 2002.
- Моисеев Н. Н. Современный рационализм. Б. м. : МГВП КОКС, 1995.
- Новости ООН, 23 ноября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2015/11/1275681> (дата обращения: 12.05.2016).
- Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2019.
- Яницкий О. Н. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 3. С. 5–22.
- A National Security Strategy for a New Century [Электронный ресурс] : The White House. 1998. October. URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/2959pdf/> (дата обращения: 30.06.2020).
- Climate Change 2014. Synthesis Report. (Summary for Policymakers) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar5/syr> (дата обращения: 24.09.2019).
- Earth Overshoot Day was July 29 [Электронный ресурс]. URL: https://overshootday.org/content/uploads/2019/07/2019_Past_Overshoot-Days-withlogo.jpg (дата обращения: 21.10.2019).

Global Material Flows and Resource Productivity: Forty Years of Evidence // *Journal of Industrial Ecology*. 2017. No. 22(1) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.researchgate.net> (дата обращения: 20.09.2020).

Global Warming of 1,5 °C. An IPCC Special Report on the Impacts of Global Warming of 1,5 °C... IPCC, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2019/05/SR15_SPM_version_report_LR.pdf (дата обращения: 15.08.2019).

Inclusive Wealth Report 2018: Executive Summary [Электронный ресурс]. URL: greengrowthknowledge.org/sites/default/files/downloads/resource/inclusive_wealth_report_2018_executive%20... (дата обращения: 30.10.2019).

National Footprint and Biocapacity Accounts 2019 Edition [Электронный ресурс]. URL: <https://www.footprintnetwork.org/resources/data> (дата обращения: 21.10.2019).

Overextending and Unbalancing Russia. Assessing the Impacts of Cost-Imposing Options. Research Brief. April 2019; Proposal for a Revised Regional Order in Post-Soviet Europa and Eurasia. October 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rand.org/> (дата обращения: 08.10.2020).

The New Climate Economy. The 2018 Report of the Global Commission on the Economy and Climate [Электронный ресурс]. URL: https://newclimateeconomy.report/2018/wp-content/uploads/sites/6/2019/04/NCE_2018_Report_Full_FINAL.pdf (дата обращения: 01.11.2019).

UN Environment, 2018. Global Material Flows Database. Accessed through Resource Watch [Электронный ресурс]. URL: www.ressourcwatch.org (дата обращения: 20.09.2020).

Upton S. Air Pollution's True Costs [Электронный ресурс] : Project Syndicate. URL: <https://project-syndicate.org/print/human-cost-of-air-pollution-by-symon-upton-2016-08> (дата обращения: 15.12.2016).

Weizsäcker E. U. von, Wijkman A. Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018. New York : Springer, 2018.

Wending Z. A., Emerson J. W., Esty D. C., Levy M. A., de Sherbinin A. *et al.* 2018 Environmental Performance Index. New Haven, LT: Yale Centre for Environmental Law & Policy [Электронный ресурс]. URL: <https://epi.envirocentre.yale.edu/downloads/epi2018reportv06191901.pdf>.

World Bank. Global Consumption Data for Inclusive Business. URL: <https://databank.worldbank.org/> (дата обращения: 27.09.2020).

World Bank. World Development Indicators [Электронный ресурс]. URL: <https://databank.worldbank.org/> (дата обращения: 27.09.2020).

References

Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [The Individualized Society]. Moscow : Logos, 2002.

Brzezinski Z. Velikaja shahmatnaja doska: gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy [The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2010.

Weizsäcker E., Lovins A., Lovins L. Faktor chetyre. Zaträt – polovina, otčacha dvojnaja. Novyj doklad Rimskomu klubu [Factor Four. Halving Resorce Use, Doubling Wealth. New Report to the Club of Rome]. Moscow : Academia, 2000.

Weizsäcker E., Hargroves Ch., Smith M. *et al.* Faktor pjät'. Formula ustoyčivogo rosta – doklad Rimskomu klubu [Factor Five. Sustainable Growth Formula – Report to the Club of Rome]. Moscow : AST Press Kniga, 2013.

Weber A. B. Pochemu sotsialnoje razvitije privodit k razladu čeloveka s prirodoy [Why Social Development Leads to Discord between Man and Nature] // Sotsiologičeskaja nauka i sotsialnaja praktika. 2020. No. 1. Pp. 9–26.

Danilov-Danil'yan V. I. Vozmozhna li koevoljucija prirody i obshhestva? [Is it Possible to Co-Evolve Nature and Society?] // Voprosy filosofii. 1998. No. 5. Pp. 15–25.

Danilov-Danil'yan V. I. Ustojchivoe razvitie [Sustainable Development] // Globalistika: Mezhdunarodnyj enciklopedičeskij slovar' [Global Studies: International Encyclopedic Dictionary] / ed. by I. I. Mazour, A. N. Chumakov. Moscow; St. Petersburg; New York : ELIMA Publishers, Piter Publishers, 2006.

Danilov-Danil'yan V. I., Losev K. S. Global'nyj ekologičeskij krizis: teoretičeskij analiz i vozmozhnye scenarii [A Global Ecological Challenge: Theoretical Analysis and Tentative Scenarios] // Grani Globalizacii: trudnye voprosy sovremennogo razvitija [Facets of Globalization: Difficult Issues of Contemporary Development]. Moscow : Alpina Publishers, 2003.

Zalihanov M. Ch., Stepanov S. A. Akademik N. N. Moiseev i nekotorye ego metodologičeskie podhody k ponimaniju sovremennoj nauchnoj kartiny mira [Moiseev and Some of his Methodological Approaches to Understanding of the Modern Scientific Worldview] // Vek globalizatsii. 2018. No. 1. Pp. 131–142.

Ignat'eva A. A. "Potrebitel'skij perechod": smozhet li iz ekonomičeskogo krizisa poyavit'sja obnovlennaja ekonomika? ["Consummation Transition": Can a New Economy Emerge From the Recession?] // Rossiya v okružhajušhem mire: 2010 [State of Russia in the Surrounding World: 2010] / ed. by N. N. Marfenin. Moscow : MNEPU-IIEPS Press, 2010.

Il'in V. V. Universal'nyj konstruktivism – novaja filosofija global'noj civilizacii [Universal Constructivism – a New Philosophy of Global Civilization] // Vek globalizatsii. 2019. No. 4. Pp. 16–25.

Kissinger H. Nuzhna li Amerike vneshnjaja politika? [Does America Need a Foreign Policy?] Moscow : Ladomir, 2002.

Moiseev N. N. Sovremennyy racionalizm [Modern Rationalism]. N. p. : MGVP KOKS Publ., 1995.

Novosti OON [UN News]. 2015. November 23. URL: <https://news.un.org/ru/story/2015/11/1275681> (accessed: 12.05.2016).

Chumakov A. N. Global'nyj mir: stolknovenie interesov [Global World: The Clash of Interests]. Moscow : Prospect, 2019.

Janickij O. N. Sociobiotehničeskie sistemy: novyj vzgljad na vzaimodejstvie čeloveka i prirody [Sociobiotechnical Systems: A New Approach to Humanity-Nature Interaction] // Sotsiologičeskaja nauka i sotsial'naya praktika. 2016. Vol. 4. No. 3. Pp. 5–22.

A National Security Strategy for a New Century. The White House. 1998. October. URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/2959pdf/> (accessed: 30.06.2020).

Climate Change 2014. Synthesis Report. (Summary for Policymakers). URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar5/syr> (accessed: 24.09.2019).

Earth Overshoot Day was July 29. URL: https://overshootday.org/content/uploads/2019/07/2019_Past_Overshoot-Days-withlogo.jpg (accessed: 21.10.2019).

Global Material Flows and Resource Productivity: Forty Years of Evidence // Journal of Industrial Ecology. 2017. June. No. 22(1). URL: <https://www.researchgate.net> (accessed: 20.09.2020).

Global Warming of 1,5 °C. An IPCC Special Report on the Impacts of Global Warming of 1,5 °C... IPCC, 2018. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2019/05/SR15_SPM_version_report_LR.pdf (accessed: 15.08.2019).

Inclusive Wealth Report 2018: Executive Summary. URL: greengrowthknowledge.org/sites/default/files/downloads/resource/inclusive_wealth_report_2018_executive%20... (accessed: 30.10.2019).

National Footprint and Biocapacity Accounts 2019 Edition. URL: <https://www.footprintnetwork.org/resources/data> (accessed: 21.10.2019).

Overextending and Unbalancing Russia. Assessing the Impacts of Cost-Imposing Options. Research Brief. April 2019; Proposal for a Revised Regional Order in Post-Soviet Europa and Eurasia. October 2019. URL: <https://www.rand.org/> (accessed: 08.10.2020).

The New Climate Economy. The 2018 Report of the Global Commission on the Economy and Climate. URL: https://newclimateeconomy.report/2018/wp-content/uploads/sites/6/2019/04/NCE_2018_Report_Full_FINAL.pdf (accessed: 01.11.2019).

UN Environment 2018. Global Material Flows Database. Accessed through Resource Watch. URL: www.ressourcewatch.org (accessed: 20.09.2020).

Upton S. Air Pollution's True Costs // Project Syndicate. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/human-cost-of-air-pollution-by-simon-upton-2016-08> (accessed: 15.12.2016).

Weizsäcker E. U. von, Wijkman A. Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018. New York : Springer, 2018.

Wending Z. A., Emerson J. W., Est D. C., Levy M. A., de Sherbinin A *et al.* Environmental Performance Index. New Haven, LT: Yale Centre for Environmental Law & Policy. URL: <https://epi.envirocentre.yale.edu/downloads/epi2018reportv06191901.pdf> (accessed: 01.11.2019).

World Bank. Global Consumption Data for Inclusive Business. URL: <https://data-bank.worldbank.org/> (accessed: 27.09.2020).

World Bank. World Development Indicators [Электронный ресурс]. URL: <https://databank.worldbank.org/> (accessed: 27.09.2020).

РАЗВИТИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Мамедов Н. М.*

В статье рассматриваются предпосылки, становление идей гуманизма в истории человечества, неоднозначное, противоречивое проявление этих идей в культуре и философии. Показано соотношение понятий «гуманизм» и «гуманность». Сделана попытка представить гуманность как одно из родовых, атрибутивных качеств человека, а понимание смысла и значения гуманистических ценностей и установок, всемерное поддержание их распространения – как необходимое условие выживания и устойчивого развития современного общества.

Ключевые слова: антропотеизм, антропоцентризм, гуманность, гуманизм, исторический процесс, устойчивое развитие.

The article examines the preconditions and formation of the ideas of humanism in the history of the humankind, as well as the ambiguous and contradictory manifestation of these ideas in culture and philosophy. The correlation between the concepts of “humanism” and “humanity” is shown. An attempt is made to present humanity as one of the generic and attributive qualities of a human, while understanding of the meaning and significance of humanistic values and attitudes, their all-round supported spread are considered as a necessary condition for the survival and sustainable development of modern society.

Keywords: anthropotheism, anthropocentrism, humanity, humanism, historical process, sustainable development.

Беспрецедентный прогресс в развитии науки и техники впечатляет. Еще в начале XX в. фантастичной казалась идея использования энергии атома, раскрытия генома человека, освоения космоса. Никто не предполагал появления информационных технологий, интенсивного развития других средств коммуникации, изменивших представление о социальном пространстве и времени. Человечество сейчас находится на пути к высоким технологиям, которые еще больше изменят образ жизни и быт людей, позволят создать новые способы освоения природы.

Однако все эти эпохальные свершения интеллекта не затрагивают природу человека. Люди и в древние времена прибегали к насилию и убивали друг друга, и сейчас продолжают это делать: кажется, ничего не изменилось в их поведении за тысячелетия. История человечества – это история бесчисленных войн. С древнейших времен и до наших дней их насчитывается десятки тысяч. В ходе истории происходили социальные пертурбации, исчезали целые народы.

---

* Мамедов Низами Мустафа оглы – д. ф. н., профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, действительный член Российской академии естественных наук и Российской экологической академии, эксперт ЮНЕСКО. E-mail: nizami-mamedov@mail.ru.

Сквозь призму хаоса социально-политических взлетов и падений, неоднозначных переплетений человеческих судеб многие мыслители видели апокалиптическую перспективу для человечества (Артур Шопенгауэр, Фридрих Ницше, Карл Ясперс и др.). На представлении особой созидательной миссии человека в универсуме основывались оптимистические воззрения (Жан Антуан Кондорсе, Иммануил Кант, Карл Маркс, Владимир Вернадский и др.).

Таким образом, остается открытым вопрос: в каком направлении идет человечество, нас ждет социальная, культурная идиллия или конец истории? На наш взгляд, связующей нитью истории все же является движение в гуманистическом направлении. Попытаемся обосновать данное положение.

Метаморфозы природы человека

Гуманизм относится к числу тех великих идей, которые позволяют раскрыть взаимосвязь, переплетение антропо-, культуро- и социогенеза, проникнуть в суть исторического процесса. Известно, что развитие разума, рождение основ нравственности, подавление диких первобытных инстинктов определили становление человека. Понимание смысла и значения гуманизма, соответственно, предполагает пристальное внимание к природе и сущности человека, особенностям проявления биологических, психических и социальных факторов в поведении человека.

Лауреат Нобелевской премии К. Лоренц подчеркивает, что вопреки широко распространенному мнению культурное развитие человека не отделено «горизонтальной чертой» от результатов предшествовавшей биологической эволюции. Не имеет основания мнение, что все «высшее» в человеческой жизни – и прежде всего все более «тонкие» структуры социального поведения – обусловлено духовной культурой, а все «низшее» происходит от инстинктивных реакций. «На самом деле человек сделался культурным существом, каким он является теперь, в ходе типичного эволюционного становления. В развитии человека участвуют процессы двух типов, хотя и различные по своим темпам, но теснейшим образом взаимодействующие между собой: медленное эволюционное развитие и во много раз более быстрое культурное» [Лоренц 2009: 4].

Ограниченность, недостаточность биологических качеств человека стала предпосылкой возникновения надприродных признаков, способствовала формированию социокультурных качеств человека. Это то основание, которое выделяет человека из животного мира, как бы переводит его в надприродную область и открывает принципиально новые возможности развития.

Фундаментальное значение в данном случае имеет выявление особенностей психики человека. Чарльз Дарвин в работе «Выражение эмоций у человека и животных» раскрыл связь биологических и психических явлений. Он показал, что эволюционный принцип применим не только к биофизическому, но и к психолого-поведенческому развитию живого, что между психикой животного и человека нет непреодолимой пропасти. Так были обоснованы единство и непрерывность развития психики на всех уровнях эволюции живого.

В принятии человеком решений участвуют все уровни психики. Бессознательное и подсознание неявно играют в жизни человека значительную роль. Человек осознает те психические процессы, которые происходят на уровне созна-

ния. В стрессовых ситуациях регулирующая роль бессознательного и подсознания возрастает.

Эволюционное учение подтверждает, что мы с животными имеем общее происхождение, что и нами руководят такие же инстинкты, какие управляли нашими дочеловеческими предками. Вопрос, таким образом, сводится к тому, как овладеть, управлять этими инстинктами.

З. Фрейд полагал, что все проявления человеческой активности (действия, мысли, чувства, стремления) подчиняются определенным законам и детерминированы мощными инстинктивными силами, в особенности половым и агрессивным инстинктами. Этот вопрос получил иное, неожиданное освещение благодаря фундаментальным работам К. Г. Юнга и представителей его школы об архетипах, коллективном подсознательном. Согласно этим работам, вдобавок к нашему непосредственному сознанию и личному бессознательному существует другая психическая система коллективной природы. Коллективное бессознательное наследуется, а не развивается индивидуально. Система архетипов – своего рода «генетический код», программа деятельности и развития. Таким образом, человеческий разум обладает собственной историей, и психика сохраняет много следов от предыдущих стадий своего развития.

Регуляторами, тормозящими естественные инстинкты человека, выступают культурные формы поведения, наиболее ранние из которых – обычаи, ритуалы. Кроме них умирляют «зверя в человеке» нравственные, религиозные запреты – табу и воспитательные приемы, способные вызывать воодушевление, спланировать людей против врага, пропагандировать ценности, священные для каждого. Ответственные нормы и правила, зафиксированные в культуре, препятствуют реализации скрытых бессознательных побуждений. Получается, что моральное совершенствование человека, отказ от хищнического потребления связаны с гуманизирующей функцией культуры.

Можно сказать, что биологическая субстанциональность природы человека предопределяет ее психосоциальную направленность. Нередко они вступают в противоречие с проявлениями социокультурной сущности человека. Эти природные, глубинные особенности человека являются источником не только антропологических, но и социальных кризисов. К. Лоренц замечает, что опасность для современного человечества происходит не столько из его способности властвовать над физическими процессами, сколько из его неспособности разумно направлять процессы социальные, которые во многом обусловлены архаичной природой человека [Лоренц 2009: 284–285].

Наши знания об инстинктах вообще и об агрессии в частности однозначно позволяют утверждать, что нельзя абстрагироваться от наличия агрессивного инстинкта в современном человеке. В условиях беспрецедентного возрастания технической мощи человечества это становится чрезвычайно опасным фактором для цивилизации.

Представляется, что способы регулирования человеческой агрессии в ближайшее время должны выйти на передний план теоретической и практической деятельности современного общества. Осознание необходимости переориентирования агрессии и повсеместная реализация этой глобальной программы может стать поворотным моментом в истории человечества.

Основания гуманизма

Считается, что человек вырвался из животного мира благодаря осознанию необходимости табу «Не убий!» Однако факты говорят о том, что данное табу до сих пор представляется как должное, к чему люди стремятся. В древние времена жизнь отдельного человека не представляла никакой ценности. Ужасающие для современного человека картины каннибализма отражали повседневность древних обществ. Жестокостью отличались и последующие века. Только после неолитической революции пленников и провинившихся членов своего племени перестали рассматривать как пищевой ресурс, их стали преимущественно превращать в рабов для поддержания земледелия и скотоводства. Благодаря этому людоедство уменьшилось, но окончательно не исчезло. В тех или иных формах каннибализм еще долго сохранялся в отдельных частях нашей планеты. Аборигены Африки и Америки уже в Новое время удивлялись, что белые колонизаторы не едят людей. Даже в XX в. миссионеры в отдельных регионах нашей планеты встречались с фактами людоедства.

Однако в ходе истории отношение к человеку менялось, и каннибализм искоренялся. Решительная борьба с каннибализмом началась с распространением мировых религий. Христианство и ислам объявили людей равными перед Богом, а в буддизме была признана равноценность каждого человека.

Представляется, что без гуманистических идей не было бы развития человечества от каменного века и ужасов каннибализма к современному цивилизованному обществу. Гуманизм сейчас предстает как теоретическая концепция, обосновывающая необходимость формирования общества, в котором доминируют высокие нравственные нормы, гармоничные межличностные отношения и бережное отношение к природе. Понятие это является производным от понятия «гуманность», характеризующее фундаментальное, но зачастую неявное человеческое качество. Гуманность проявляется в понимании другого человека, готовности прийти на помощь, проявлении заботы о других людях... Эти качества, без которых трудно представить сущность человека. Не случайно в словаре В. Даля читаем: «Гуманный – человеческий, человечный, людской...человеколюбивый, милостивый, милосердный» [Даль 2005: 408].

Гуманизм в обыденном представлении означает действие в интересах людей, их будущего, реализацию высшей этической установки. Понятие гуманизма, однако, тесно связано с антропоцентрическим мировоззрением и предполагает представление о человеке как о сотворце Бога, самостоятельном субъекте истории. Это можно считать онтологической интерпретацией гуманизма.

Нетрудно заметить, что выявление предпосылок гуманизма в общем и целом связано с определением истоков морали. Существуют разные взгляды на данный вопрос, в частности, хорошо известны натуралистический, космологический, теологический, культурологический, социологический подходы, объясняющие происхождение морали. Согласно натуралистической концепции, мораль возникла как продолжение и усложнение групповых инстинктов животных. Она была необходима для выживания вида в борьбе за существование. В этом отношении интересна точка зрения П. Кропоткина о взаимной помощи в мире животных, которую он перенес на социальный уровень. Кропоткин ввел понятие «инстинкта общительности», который развивался среди животных и людей в течение чрезвы-

чайно долгого периода времени. Сформулированный ученым закон взаимной помощи лег в основу его этического учения. Идеи Кропоткина о взаимопомощи как факторе эволюции оказались не только дополнением и уточнением дарвинизма, но и существенным вкладом в понимание истоков социального поведения людей. Он писал: «Общество зиждется на сознании – хотя бы инстинктивном – человеческой солидарности, взаимной зависимости людей. Оно зиждется на бессознательном или полуосознанном признании силы, заимствуемой каждым человеком из общей практики взаимопомощи; на тесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех, и на чувстве справедливости или беспристрастия, которое вынуждает индивидуума рассматривать права каждого другого, как равные его собственным правам» [Кропоткин 2007: 5].

Небезынтересно, что Г. Спенсер вообще не отличал нравственных отношений людей от отношений, распространенных в животном мире, рассматривал их как один из видов поведения, свойственных всем живым организмам, как высший результат эволюционного развития. По его мнению, в процессе эволюции животных все более ощутимую роль играет альтруизм, который способствует сохранению и развитию вида в целом. Инстинктивные корни морали признавали З. Фрейд и К. Г. Юнг.

Однако в данном случае особую ценность имеют представления И. Канта о морали, так называемая этика долга. Долг, по его мнению, – это соблюдение нравственного закона, отклонение от которого есть несправедливость по отношению к человечеству. Он был уверен, что гуманизм победил бы, если бы все следовали категорическому императиву (безусловному повелению), четко сформулированному им:

- поступай так, чтобы максима твоей воли имела силу закона для всех людей;
- поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству [Кант 1963].

Становление гуманистических идей

В целом исторический процесс можно рассматривать в контексте проявления гуманистических идей, которое происходило в разных регионах нашей планеты. В Древней Греции это усилилось с появлением школы софистов. Развитие демократии в древнегреческих обществах содействовало увеличению интереса к политической деятельности людей, ораторскому искусству, риторике. Появились «учителя философии», которые, кроме всего прочего, основательно стали заниматься анализом значения и смысла слов, обратили внимание на социализацию индивида, на значение образования, воспитания, культуры в жизни человека. Можно сказать, что деятельность софистов была ориентирована на интересы широких слоев населения. Благодаря их просветительской деятельности сформировался духовный климат, имеющий существенный гуманистический контекст. Соответственно возник интерес к статусу человека, предпосылкам гармонизации его жизнедеятельности.

Можно сказать, что до софистов человек в древнегреческой философии находился на периферии познавательного интереса, внимание было сосредоточено на

природе, космосе. Считалось, что жизненные цели человека, закономерности его бытия производны от космического миропорядка, задаются извне.

И вот среди софистов появился такой гений, как Протагор (485–410 гг. до н. э.), который стал решительно обосновывать тезис «Человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют» [Маковельский 1940: 15]. Это утверждение, кроме всего остального, символизировало поворот от натурфилософии к философии человека, к греческому антропоцентризму. Софисты, таким образом, сместили направление познавательного интереса в Древней Греции от космоса к человеку, от всеобщего к особенному, от объективного к субъективному [Гусейнов, Ирритц 1987: 50].

Так что появление философии Сократа (469–399 гг. до н. э.) отвечало духу времени. Сократ, условно полемизируя с элеатами (Ксенофаном, Парменидом, Зеноном), довел до логического конца положение, из которого следовало, что «если не дано познать природу, то мы можем познать самих себя». Сократ делает предметом философии вопросы блага и добродетели, добра и зла, пользы и счастья. На первый план выдвигаются вопросы нравственного самосовершенствования личности.

Появление и торжество христианства, затем ислама «придавило» идею Протагора и отчасти идею Сократа. Монотеистические религии отталкивались от проблемы человека, поставленной в античной философии, но пытались ее решить утопическими представлениями. Так, вопросы равенства людей и социальной гармонии разрешаются в потустороннем (загробном) мире при подчинении на этом свете библейским условиям смирения, терпения при любых обстоятельствах. Ключевое значение при этом приобрели понятия ада и рая, которые были призваны выполнять регулятивную роль для поддержания социального порядка.

Проповедуемая этими мировыми религиями идея о человеке как творении Бога, личностном и свободном от внешнего миропорядка существе, первоначально была ориентирована против системы ценностей рабовладения, приравнивающей человека (раба) к вещи. Ведь христианство возникло как религия рабов, угнетенных, низшего сословия. Оно победило древний мир не насилием, а силой духа и жертвенностью. Но, победив и создав могущественную церковь, как известно, христианство повернуло от мученичества праведников к мучительству инквизиции [Горелов 2008: 44–60].

Несомненно, христианство и ислам в той или иной степени повлияли на развитие гуманизма. Но в целом они концентрируются не на индивидуальной личности, а на том, что выше личности, что ее превосходит и поглощает: образе Божьем. Ведь ни христианство, ни ислам не обещают счастья человеку в этом мире (что для гуманизма является высшей целью). Согласно этим религиозным учениям, люди получают воздаяние в соответствии со своими земными грехами и заслугами в загробном мире. Гуманная идея о равенстве людей в мировых религиях искажалась представлениями о «первородном грехе», о «потустороннем мире», о «царстве вечного блаженства» и «царстве вечных мучений».

По существу, мировые религии осуществили в Средние века сакрализацию власти, как это было в эпоху господства мифологического мышления. Не случайно просветители в Новое время, а вслед за ними Людвиг Фейербах и Карл Маркс считали религию «опиумом для народа». И сейчас большинство государств под-

держивают, реанимируют религию, исходя из политических соображений, как стабилизирующий фактор социальной действительности.

Очень важно подчеркнуть, что в V в. н. э., вопреки господствующим религиозным догмам, было сделано великое открытие, акцентирующее внимание на наличии у человека, помимо разума, также воли, которая позволяет ему выйти за пределы природной необходимости и божественного предустановления, причем это открытие было сделано духовным лицом – Пелагием.

В учении Пелагия о свободе воли нашло отражение античное представление о моральных возможностях человека. С точки зрения Пелагия, возможность добра дарована человеку свыше, а совершает ли он добро на деле – это уже целиком прерогатива человека, результат его свободного решения. Для того чтобы воля стала доброй, она не нуждается в непосредственном божественном участии [Гусейнов 1987: 51].

Учение Пелагия о свободе воли действительно подрывало представление о Боге как источнике, содержании и цели морали, поскольку следовал однозначный вывод: человек свободен в своих действиях, и он изначально не создан, чтобы творить зло.

В ортодоксальном христианстве считается, что если дать человеку волю, то он будет совершать грехи, как это сделал Адам, и творения человека рано или поздно обернутся несчастьем. Поэтому над человеком должен быть контроль, и этот контроль может осуществлять только Церковь. С этих позиций Пелагий был подвергнут жесткой критике со стороны Августина Блаженного (354–430 гг.), известного философа и теолога Средневековья [Августин 1991].

Бог, с точки зрения Августина, создал человека свободным, но дал заповеди, которым он должен был следовать. Свобода воли не означает ни произвола, ни беспредельности творческих возможностей человека, она с самого начала имеет определенную целевую установку – выполнять предписания творца. Адам нарушил божественную заповедь, самоуверенно полагая, что он сам может решать, что ему делать. Нравственное падение Адама состояло в отступлении от воли Бога, он захотел стать как Бог, стать причиной своих действий.

Пелагий и его последователи подверглись гонениям, но великие идеи обладают невероятной жизненной силой. По аналогии с утверждением, что рукописи не горят, можно сказать, что идеи не умирают, не исчезают бесследно.

Проявление гуманистических идей в философии

Одна из первых версий гуманизма представлена в философии Конфуция. Мораль, по Конфуцию, несовместима с насилием над человеком. На вопрос: «Как вы смотрите на убийство людей, лишенных принципов, во имя приближения к этим принципам?» учитель отвечал: «Зачем, управляя государством, убивать людей? Если вы будете стремиться к добру, то и народ будет добрым». На вопрос «Правильно ли отвечать добром на зло?» он говорил: «На зло отвечают справедливостью» [Древнекитайская... 1973: 161].

В древнеиндийской философии доминировал универсальный принцип ахимсы – непричинения вреда всему живому, который впоследствии стал одной из предпосылок индуизма и буддизма.

В Древней Греции Сократ обосновал известное положение о возможности предотвращения насилия путем нахождения в диалоге универсальной истины. Сократу принадлежит тезис: «Лучше терпеть несправедливость, чем причинять ее».

Классический гуманизм восходит в эпоху Возрождения к антропоцентрическому мировоззрению, пришедшему на смену средневековому, теоцентрическому мировоззрению. Гуманизм стал пониматься как утверждение ценности самодостаточной личности, которая стремится к счастью, то есть к самореализации посредством преобразующей деятельности.

Первоначально гуманистические мысли в Италии излагались иносказательно, в художественной форме. Философы-гуманисты одновременно были писателями. Это прежде всего Данте Алигьери, Франческо Петрарка и Лоренцо Валла. Гуманизм как особое философское направление получил распространение в Италии с конца XIV в.

Человек у ранних гуманистов ставился в центр Вселенной и представлялся творцом самого себя. Как писал Дж. Пико делла Мирандола (1463–1494 гг.), «призвал Бог человека и сказал ему: Я ставлю тебя в центре мира, чтобы отсюда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные» [Пико делла Мирандола 1981: 250].

Мирандола четко выразил главное открытие своего времени: в мире природной необходимости и божественного предопределения существует еще мир человеческой свободы. Человек создает такое (мир культуры), что не делает ни природа, ни Бог. И сделал вывод: человек – творящее существо, субъект истории.

В целом путь к гуманизму, открытию индивидуальной свободы в европейской культуре был непростым, необходимо было пройти этапы Возрождения (XIV–XV вв.), Реформации (XVI–XVII вв.) и Просвещения (XVII–XVIII вв.).

Основной замысел эпохи Возрождения – реабилитация творений античных философов, художников, скульпторов, литераторов. В результате произошло открытие: «высокое творение» может быть вне культа, вне религии. Так была определена суть светской культуры, которая опирается на письменность и образование. Отличительной чертой эпохи Возрождения стал светский характер культуры, ее антропоцентризм и гуманизм.

Как было показано, в V в. Пелагий считал, что свобода воли как дар Божий делает свободным каждого. Но свобода выбора может вести и к добру, и к злу. Имевший место острый диалог по данной проблеме между Пелагием и Августином возродился в XVI в. как предмет дискуссии, в которой наиболее активно участвовали Эразм Роттердамский (1469–1536 гг.) и Мартин Лютер (1483–1546 гг.).

В 1524 г. Эразм Роттердамский опубликовал работу «О свободе воли», в которой он рассуждал о позитивной роли свободы. В ответ Мартин Лютер издал работу «О рабстве воли», в которой обосновывал, что без Бога человек станет дьяволом, ему нужен наставник, необходим церковный контроль.

Но диалог Эразма Роттердамского и Мартина Лютера происходил уже в другое время, в общественном сознании были сильны веяния секуляризации, и дово-

ды Лютера не привели к печальным последствиям, как это имело место после критики Августином Пелагия.

Французский философ Огюст Конт, основоположник позитивизма и социологии, в середине XIX в., как известно, предложил выделить в эволюции человеческого сознания три стадии: теологическую, мифологическую (действительность объясняется фантастическими измышлениями как проявление сверхъестественных сил); метафизическую, философскую (объяснение осуществляется рациональным путем с указанием на гипотетические первоосновы) и позитивную, научную (объяснение основывается на знаниях, полученных опытным путем [Конт 2011]).

В периодизации Конта не учитываются изменения отношения к человеку, историческое развитие гуманистической линии в познании. Вообще до появления философии Артура Шопенгауэра в XIX в. однозначно считалось, что развитие разума неизбежно ведет к прогрессу гуманизма. Достаточно в этой связи вспомнить философию французских просветителей XVIII в., особенно Мари Жана Антуана Кондорсе.

В целом оптимистическая вера в силу разума является доминирующей в истории европейской философии, этот подход восходит к Аристотелю, которого можно считать не только философом, но и ученым в современном понимании, рассуждающим не отвлеченными, а четкими, логически осмысленными понятиями. «Разум» абсолютизируется потом у Г. В. Ф. Гегеля, материалистически преломляется у Маркса, находит оригинальное воплощение в учении В. И. Вернадского о ноосфере (сфере разума).

Классический гуманизм выводит человека из природы и ставит его над нею как того, кто может (а значит, имеет право) ее преобразовать и устроить по своему (человеческому) образу и подобию. Это имело как позитивные, так и непредвиденные, негативные социально-экологические последствия.

Жан-Поль Сартр писал, что когда под гуманизмом понимают теорию, которая «рассматривает человека как цель и высшую ценность», то это в конечном итоге приводит к индивидуализму и фашизму [Ницше и др. 1989: 343].

В целом абсолютизация индивидуализма в Новое время привела к торжеству агрессивно-потребительских ценностей, усилила социально-экономическое расхождение и насилие в обществе.

Единство рационального и иррационального в истории: парадокс Гегеля – Шопенгауэра

Как известно, Г. В. Ф. Гегель в свое время оптимистично считал: «Все действительное разумно, все разумное действительно» [Гегель 1990: 5]. Тогда, возражал ему А. Шопенгауэр, почему вокруг нас столько несуразностей, страданий, трагедий? В основе всего, по его мнению, – не разум, а воля (совокупность иррациональных факторов). Этим он и объяснял, почему в мире так много неразумного, случайного... Вот эти два противоположных воззрения, на наш взгляд, можно условно представить как парадокс Гегеля – Шопенгауэра [Мамедов 2018: 62].

Г. В. Ф. Гегель и А. Шопенгауэр исходили из противоположных посылов. Для Гегеля сущность мира определяется непрерывным развитием абсолютной идеи, ведущей к гармонии. Для Шопенгауэра реальность мира непостижима и опреде-

ляется волей. Воля может знать, чего она хочет здесь и сейчас, но не может знать, чего она хочет вообще, у нее нет единой цели [Шопенгауэр 2015].

Два великих мыслителя, противоречащих друг другу, в данном случае открыли двуединое основание общественного развития. Именно единство разума и воли (интеллекта и аффективной сферы сознания) определяет динамику и общую картину исторического процесса. Предстает поразительная аналогия – как деятельность отдельного человека определяется единством осознаваемых и неосознаваемых уровней психики, так и социальная деятельность определяется сочетанием коллективного разума и коллективного бессознательного. При этом стратегические ориентиры, контуры допустимого, и на уровне индивидуального, и на уровне социального развития в конечном счете все же определяет (оценивает) разум. Это, конечно, не спасает от впечатления, что человечество идет по острию ножа.

Если рассматривать историческое развитие в большом временном масштабе (несмотря на зигзаги, длительные движения вспять), налицо общая гуманистическая тенденция в историческом развитии. Данный вектор исторического развития – квинтэссенция гигантской статистической закономерности, отражающей эволюцию человеческих качеств от первобытных времен до наших дней.

Гуманизм – главный ориентир социализации индивида

Поиски предпосылок и условий гуманистической ориентации общества являются глобальной проблемой. И пути ее решения следует искать в изменении «человеческих качеств» [Печчеи 1985]. Необходимо для этого формировать новое мышление, новые ценностные установки, определить соответствующую стратегию действий. Становится очевидным, что в ближайшем будущем эволюция будет определяться не выживанием сильнейшего, а выживанием мудрейшего [Чумаков 2021].

В связи с этим огромное неизведанное поле деятельности открывается перед институтами социализации. Социализация индивида начинается с его рождения и продолжается на протяжении всей жизни. Она реализуется системой воспитания и образования, всеми средствами коммуникации, искусства, литературы, кинематографа. Вызывает удивление, что процесс социализации носит хаотический характер, нет целостной, действенной политики в данной сфере.

В ходе истории человек чрезвычайно медленно, постепенно очищается от естественных, животных инстинктов. Этот процесс происходит стихийно, на него лишь косвенно оказывают влияние различные структуры общественного сознания – религия, мораль, право. Настало время целенаправленно управлять этим судьбоносным для человечества процессом. Ведь движение общества к подлинно гуманистическому состоянию зависит от перспектив всестороннего развития человека, его нравственных качеств. Особого внимания в этой связи заслуживают работы А. Маслоу, одного из основателей гуманистической психологии, и Э. Фромма – создателя гуманистической этики. Эти выдающиеся ученые на основе исторических данных, положений психологии и социологии попытались обосновать объективные и субъективные стороны гуманизации общественного развития.

Э. Фромм и А. Маслоу независимо друг от друга исходят из положения, что необходимой предпосылкой изменения человека, гармонизации общества является осознание человеком самого себя, своего подлинного положения. А. Маслоу придает в этой связи особое значение творческой активности субъекта и исследует внешние условия, способствующие ее развертыванию. Он считает, что гуманизация общества и личностный рост – диалектически связанные, взаимно обуславливающие друг друга процессы. Будущее человечества Маслоу видит в необходимости осознания и решения следующих, по его терминологии, «Больших Проблем». «Первая всеобъемлющая Большая Проблема состоит в том, чтобы создать Хорошего Человека. Люди должны стать лучше, иначе, вполне возможно, все мы или будем сметены с лица Земли, или если даже выживем, то как биологический вид будем жить в напряжении и тревоге... Другая Большая Проблема, столь же безотлагательная, – это проблема создания Хорошего Общества. Между Хорошим Обществом и Хорошим Человеком существует своего рода обратная связь. Они нуждаются друг в друге и являются друг для друга необходимыми условиями» [Маслоу 2011: 28–29]. И далее Маслоу подчеркивает, что именно эти две проблемы следует считать главными, жизненно важными проблемами, от их решения зависит, быть или не быть человечеству. Он справедливо обращает внимание на то, что если мы не вкладываем наши технологические и биологические усовершенствования в руки «хороших людей», то эти усовершенствования становятся опасными.

Э. Фромм, исследуя различные исторические эпохи, приходит к выводу, что психологический склад личности подвергается лепке, оформляется господствующими моральными ценностями. И это понятно. Ценности упорядочивают социальную действительность, создают основу для самооценки. В большинстве случаев они соотносятся не с научными истинами, а с представлениями об идеале.

Фромм констатирует тот факт, что человек стремится к счастью и здоровью, но не знает, как достигнуть этой цели. Согласно положениям гуманистической этики, ценностные, в том числе и этические, суждения могут быть выработаны на основе разума. Но для этого необходимо глубже познать себя, свою природу, понять человеческий характер. «Источник норм нравственного поведения следует искать в самой природе человека, моральные нормы основаны на врожденных качествах человека, нарушение этих норм приводит к эмоциональному и психическому распаду... Чтобы быть уверенным в своих ценностях, человек должен знать самого себя и свою способность к добру и продуктивности» [Фромм 2009: 5].

Гуманистическая этика для Фромма – это «прикладная наука искусства жить». Тяга к жизни присуща всем живым существам (независимо от того, что они об этом думают!), и одновременно это тяга стать самим собой. Человек как разумное существо сам должен устанавливать законы и нормы своего поведения. Поэтому в гуманистической этике добро – это раскрытие человеческих сущностных сил, а добродетель – ответственность по отношению к собственному существованию. Злом же является всякая помеха развитию человеческих способностей, а пороком – безответственность по отношению к себе.

Итак, как поведет себя человек в конкретной жизненной ситуации, какой делает выбор, способен ли он развивать в себе новые качества, отвечающие вызовам времени, зависит во многом от эффективности действующих в обществе институ-

тов социализации. Разумеется, человек волен выбирать те или иные ориентации, но это может происходить не в результате беспредельного своеволия, а в соответствии с системой ценностей культуры, обоснованных моральными установками.

Литература

Августин. Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского. М. : Ренессанс, 1991.

Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990.

Горелов А. А. Эволюция гуманизма (от древности до наших дней) // Гуманистические основы взаимодействия цивилизаций: доклады и выступления: междунар. науч. конф., 26–27 октября 2007 года, г. Москва / сост., общ. ред. У. Новотный, С. Андреева. М. : РУДН, 2008.

Гусейнов А., Ирритц Г. Краткая история этики. М. : Мысль, 1987.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М. : Русский язык, 2005.

Древнекитайская философия: в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1973.

Кант И. Основы метафизики нравственности / И. Кант // Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М. : Мысль, 1963.

Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении. М. : ЛИБРОКОМ, 2011.

Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М. : Самообразование, 2007.

Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М. : АСТ, 2009.

Маковельский А. Софисты. Вып. 1. Баку, 1940.

Мамедов Н. М. Гуманистическая ориентация истории: иллюзия или реальность // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 4. С. 62–68.

Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М. : Смысл, 2011.

Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж. П. Сумерки богов. М. : Политиздат, 1989.

Печчеи А. Человеческие качества. М. : Прогресс, 1985.

Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: антология: в 2 т. Т. 1. М. : Искусство, 1981.

Проблема человека в западной философии / под ред. Ю. Н. Попова. М. : Прогресс, 1988.

Фромм Э. Человек для самого себя. М. : АСТ, 2009.

Чумаков А. Н. Путь в философию. Работы разных лет. М. : Проспект, 2021.

Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М. : Эксмо, 2015.

References

Avgustin. Ispoved' blazhennogo Avgustina, jepiskopa Gipponnskogo [Confessions of St. Augustine, Bishop of Hippo]. Moscow : Rennessans, 1991.

Gegel' G. V. F. Filosofija prava [Philosophy of Law]. Moscow : Mysl', 1990.

Gorelov A. A. Evolyucija gumanizma (ot drevnosti do nashih dnei) [The Evolution of Humanism (from Antiquity to the Present)] // Gumanisticheskiye osnovy vzaimodeystvija

civilizacij : reports and presentations: international scientific conference. October 26–27, 2007, Moscow / ed. by U. Novotny, S. Andreeva. Moscow : RUDN. Pp. 44–60.

Guseynov A. Irrlite G. Kratkaja istorija etiki [A Brief History of Ethics]. Moscow : Mysl', 1987.

Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: in 4 vols. Vol. 1. Moscow : Russkij jazyk, 2005.

Drevnekitajskaja filosofija [Ancient Chinese Philosophy]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow : Mysl', 1973.

Kant I. Osnovy metafiziki npravstvennosti [Groundwork of the Metaphysics of Morals] // Sochinenija v shesti tomah [Works in six vols.]. Vol. 4. Part I. Moscow : Mysl', 1963.

Comte O. Duh pozitivnoj filosofii: Slovo o polozhitel'nom myshlenii [The Spirit of Positive Philosophy: A Word About Positive Thinking]. Moscow : LIBROCOM, 2011.

Kropotkin P. A. Vzaimopomoshh' kak faktor evolyucii [Mutual Aid: A Factor of Evolution]. Moscow : Samoobrazovaniye, 2007.

Lorenz K. Agressija (tak nazyvajemoje "zlo") [Aggression (So-called "Evil")]. Moscow : AST, 2009.

Makovel'skij A. Sofisty [The Sophists]. Vol. 1. Baku, 1940.

Mamedov N. M. Gumanisticheskaja orijentacija istorii: illjuzija ili real'nost' [The Humanist Orientation of History: Illusion or Reality] // Ekonomicheskije i social'no-gumanitarnyje issledovanija. Moscow, 2018, No. 4, Pp. 62–68.

Maslow A. Novyje rubezhi chelovecheskoj prirody [The Farther Reaches of Human Nature]. Moscow : Smysl, 2011.

Nietzsche F., Freud S., Fromm E., Camus A., Sartre J. P. Sumerki bogov [Twilight of the Gods]. Moscow : Politizdat, 1989.

Peccei A. Chelovecheskije kachestva [The Human Quality]. Moscow : Progress, 1985.

Pico della Mirandola G. Rech' o dostoinstve cheloveka [The Oration on the Dignity of Man] // Estetika Renessansa: Antologija: in 2 vol. Vol. 1. Moscow : Iskusstvo, 1981.

Problema cheloveka v zapadnoj filosofii [The Problem of Man in Western Philosophy] / ed. by Yu. N. Popov. Moscow : Progress, 1988.

Fromm E. Chelovek dlja samogo sebja [Man For Himself]. Moscow : AST, 2009.

Chumakov A. N. Put' v filosofiju. Raboty raznyh let [The Road to Philosophy. Works from Various Years]. Moscow : Prospekt, 2020.

Schopenhauer A. Mir kak volya i predstavleniye [The World as Will and Representation]. Moscow : Eksmo, 2015.

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИСТИКИ

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР С ЛИТЕРАТУРНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ (НА ОСНОВЕ ТВОРЧЕСТВА М. И. ВЕЛЛЕРА)

Чумаков А. Н.*

В статье анализируются глобальные, региональные и локальные аспекты мирового развития и России, как они представлены в творчестве известного писателя М. И. Веллера. Проводится принципиальное различие между литературой, философией и наукой. Отмечается, что литературная деятельность Веллера в той части, где она касается глобальной или глокальной проблематики, оказывается тесно связанной с философией, а также затрагивает сферу науки, имея при этом ярко выраженную прагматическую направленность. Анализируя творчество писателя, автор статьи делает вывод, что в системе современного междисциплинарного знания – глобалистике никак не представлена литература в качестве особого средства отражения и познания мира. В итоге он приходит к заключению, что введение литературы в систему современных глобальных исследований даст новое видение уже известных проблем и откроет дополнительные возможности для их осмысления, а также привлечет к ним дополнительное внимание широкой общественности.

Ключевые слова: глобалистика, литература, философия, наука, М. Веллер, творчество, писатель, энергоэволюционизм, глокализация.

The article analyzes global, regional and local aspects of world development and Russia, as they are presented in the works of the famous writer M. I. Weller. A fundamental distinction is made between literature, philosophy and science. It is noted that Weller's literary activity, in the part where it concerns global or glocal issues, is closely related to philosophy, and also affects the sphere of science, while having a pronounced pragmatic orientation. Analyzing the writer's work, the author of the article concludes that in the system of modern interdisciplinary knowledge (Global Studies) literature is not represented in any way; meanwhile it is a peculiar means of reflecting and cognizing the world. As a result, he comes to the conclusion that the inclusion of literature in the system of modern global studies will give a new vision of already known problems and provide additional opportunities for their understanding, as well as attract the attention of the general public to them.

Keywords: Global Studies, literature, philosophy, science, M. Weller, creativity, writer, energoevolutionism, glocalization.

---

* Чумаков Александр Николаевич – д. ф. н., профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: chumakov@iph.ras.ru.

Междисциплинарная область научного знания глобалистика объединяет всевозможные исследования глобальной проблематики, в которых задействованы не только различные науки и философия, но, так или иначе, политика, идеология, экономика и другие сферы общественной жизни. Не является исключением и литература. Однако в силу своей специфики, предназначения и особых приемов и методов познания литературный жанр пока еще не имеет заметного влияния и не занял своей, во всяком случае, вполне определенной ниши в современной глобалистике.

В предлагаемой статье-рецензии предпринята попытка привлечь внимание профессионального сообщества и широкой общественности к тем возможностям и особой роли литературы, которую она может сыграть в комплексных глобальных исследованиях, еще больше расширив сферу их приложения. А поводом обращения к такому двуединому жанру обсуждения глобальной, точнее было бы сказать, глокальной проблематики стало поистине фонтанирующее творчество широко известного писателя и яркого публициста Михаила Иосифовича Веллера. И дело даже не в том, что огромное количество всего написанного и опубликованного им буквально зашкаливает за обычные представления о том, что может сделать один человек, и явно заинтересует (если еще не заинтересовало) издателей «Книги рекордов Гиннеса»¹. В данном случае важнее другое – широкий диапазон тем, к которым он обращается, во многом касается глобального мира и современной глобализации, не говоря уже о ее региональных и локальных проявлениях, именуемых в специальной литературе глокализацией [Global... 2014: 242].

При этом особый интерес вызывает то, что эту, казалось бы, сугубо научную и философскую тему обсуждает именно писатель, коим М. И. Веллер в основе своей и прежде всего, несомненно, является, хотя не чурается он и философии, о чем, в частности, прямо говорит в своем интервью «Независимой газете»: «Вы меня извините, в современной России не существует философии, кроме, простите великодушно, моего энергоэволюционизма» [Веллер 2008]. Этой его идеи, претендующей на роль философской, а то и научной «всеобщей теории всего», мы вкратце еще коснемся ниже, но прежде отметим принципиальную разницу между *литературой*, *философией* и *наукой*, что нужно будет иметь в виду в последующем, дабы потом не отвлекаться на несущественные вопросы и возражения.

Итак, в основе каждой из указанных трех сфер творческой деятельности наряду с чувствами, догадками, интуицией, наитием, озарением и т. п. лежит преимущественно и прежде всего *рациональность*. При этом между *литературой* и *философией*, а также между *философией* и *наукой* не всегда можно провести четкие границы, но каждая из них имеет свой генезис, свою уникальную нишу в системе той или иной национальной, а в конечном счете и мировой культуры.

Так, самая ранняя из них – *литература*, появление которой в письменной форме датируется примерно 2000 г. до н. э. (эпос о Гильгамеше в его шумерской

¹ Одних только книг у М. И. Веллера такое множество, что здесь представляется возможным назвать лишь некоторые из них, изданные за последние пять лет: *Бомж* (2015); *Конец подкрался незаметно* (2015); *Наш князь и хан* (2015); *Накануне неизвестно чего* (2016); *Подумать только* (2017); *Звон теней* (2018); *Веритофобия* (2018); *Перпендикуляр* (2018); *Огонь и агония* (2018); *Один на льдине* (2019); *Поправки к отражениям* (2019); *Не бойся завтра* (2019); *На волю, в пампасы!* (2019); *А вот и завтра* (2019); *Еретик* (2019); *Все легенды* (2020); *Шайка идиотов* (2020) и др.

версии). Древнейшим литературным источником является и египетская Книга мертвых, записанная в папирусе Ани примерно в 1250 г. до н. э. «Ядро Ригведы может датироваться серединой 2-го тысячелетия до нашей эры... Илиада и Одиссея датируются VIII веком до н. э. и знаменуют начало классической античности» [История...]. Таким образом, *литература*, несомненно, предшествовала другой, отличной от нее сфере творческой деятельности – *философии*, появление которой относится к VI в. до н. э. А уже в ее лоне зародилась и к Новому времени окончательно сформировалась в качестве особой сферы интеллектуальной и практической деятельности *наука*. Отмечая в этой связи принципиальное отличие друг от друга литературы, философии и науки, будем иметь в виду также специфику творческой деятельности, которая имеет свои особенности для каждой из них.

Литература определяется по большей части как вид искусства, отличительной чертой которого является создание художественных образов при помощи слова, языка. Иными словами, это повествование, рассказ, заочный разговор автора с читателем, в основе которого авторское мироощущение, мировосприятие и миропредставление, преломленные конкретными жизненными обстоятельствами автора, его соответствующим настроением, впечатлением и т. п. Литературное произведение – товар всегда штучный! Здесь не принято цитировать первоисточники и ссылаться на авторитеты. Основной, если можно так выразиться, инструмент, оружие писателя – *слово*, которым он увлекает, забавляет, интригует, разит, поражает читателя, побуждая его размышлять, соучаствовать, сопереживать... Отсюда настоящий большой писатель – непременно *Мастер слова*! В этой связи «специфика художественной литературы выявляется в сопоставлении, с одной стороны, с видами искусства, использующими иной материал вместо словесно-языкового (*музыка, изобразительное искусство*) или наряду с ним (*театр, кино, песня*), с другой стороны – с иными типами словесного текста: философским, публицистическим, научным и др.» [Литература...].

Иное дело *философия*, которая изначально определяется как любознательность, где основной целью является познание человеком самого себя и окружающего его мира. Опираясь на достоверные знания, факты, интуицию, философ на основе рационального мышления формулирует свои предположения, догадки, идеи, выстраивает теоретические конструкции и системы в области онтологии, гносеологии, антропологии, теологии, этики, эстетики и т. п. Как и литературный, философский текст также всегда персонифицированный, но уже относительно «штучный». В основе своей он чаще всего так или иначе имеет связь с определенной школой, течением, направлением, задающими базовые основы авторскому тексту, где нередко воздается должное тем или иным авторитетам, когда автор соглашается с ними или полемизирует, а то и вовсе опровергает, отвергает их. Слово, понятие (категория) в философии важны, но значительно важнее аналитические суждения и уже, как их итог, умозаключения. «Пройти школу аналитической философии в высшей степени полезно... Она учит строгости мысли, логической последовательности, доказательности, умению четко аргументировать, правилам критического анализа, говоря коротко – интеллектуальной ответственности. Эти качества крайне важны для современного философа, их не хватает авторам веле-речивых, размашистых, расплывчатых текстов» [Кто делает... 2007: 75–89].

Наконец, еще более строгая, теоретически выверенная, в принципе подтверждаемая или опровергаемая система знаний и представлений о мире именуется *наукой*. В науке даже великие ученые всегда отталкиваются от открытий, достижений и результатов, полученных до них. Иными словами, они стоят, как правило, «на плечах» своих предшественников. В науке также важны понятия, не менее важны суждения, но главную ценность представляют конечные результаты научного творчества – умозаключения и утверждения, оцениваемые как непротиворечивые и достоверные, то есть истинные. Такая истина определяется как адекватное соответствие представлений о той или иной действительности самой этой действительности и имеет соответствующие критерии, важнейшим из которых является практика.

Таким образом, если *литератор*, предлагая читателю свой текст, повествует языком правды, *философ* в стремлении познать истину (которая в философии может определяться по-разному) по факту и в конечном счете всегда имеет дело с правдой, то *ученый* в своей познавательной деятельности ориентирован на установление объективной истины. В итоге в *литературе* мы имеем дело с субъективными оценками и практически нерегламентированной строгими правилами критикой; в *философии* – с творческой полемикой и целенаправленным обсуждением идей; а в *науке* – с подчиненной определенным правилам дискуссией, обсуждением научных результатов и доказательностью (фактическим подтверждением или опровержением) каких бы то ни было утверждений, доводов, аргументов.

Наконец, отметим и то обстоятельство, что философию от литературы отделяет тонкая, порою едва различимая грань. Так, например, Ф. М. Достоевский или Л. Н. Толстой – философствующие писатели, тогда как такие представители экзистенциализма, как Ж.-П. Сартр, А. Камю, Г. Марсель или ключевые фигуры прагматизма У. Джеймс, Дж. Дьюи – философы, если можно так выразиться, литературного жанра. Что касается науки, то у нее немало общего с ее «прародительницей» философией, но, по сути, нет ничего общего с литературой.

А вот теперь впору вернуться к заявленной теме данной публикации, сделав, однако, еще одно замечание. Поскольку междисциплинарный журнал «Век глобализации» ориентирован на обсуждение различных аспектов глобальной проблематики на серьезном философском и научно-теоретическом уровне, то на первый взгляд может показаться, что сказанное выше было разговором в сторону или абстрактным отвлечением как от основной направленности журнала, так и от темы данной статьи, посвященной творчеству М. И. Веллера в области глобалистики. И в самом деле, М. И. Веллер, как уже отмечалось, прежде всего писатель. И как искушенный литератор, мастерски владеющий словом, он стремится завладеть вниманием читателя, используя не научный или философский, а свой, особый стиль письма. Употребляя по большей части лапидарные предложения, короткие, а то и вовсе рубленые фразы, он позволяет себе легко жонглировать эпатажными высказываниями и не слишком озабочен тем, чтобы обходить острые углы, подбирать выражения или соблюдать политкорректность. В то же время Веллер – литератор философствующий. Причем не только обсуждающий тему «философствование насчет философии» [Веллер 2011а: 37–46], но и анализирующий актуальные социально-политические, экзистенциальные проблемы и, что еще более важно для нас в этом контексте, мыслящий категориями, в том числе

и глобальными, общечеловеческими, не говоря уже о его суждениях касательно региональных и локальных проявлений глобального мира. Конечно, это относится далеко не ко всем его произведениям, но значительная их часть явно соответствует сказанному. На некоторых из них как раз и остановим свое внимание.

Так, обстоятельному разговору на философскую тему о диалектике истины, правды и лжи посвящена объемная книга М. И. Веллера «Веритофобия», в которой он рассуждает о том, «как добраться до своей человеческой сути, перестать бояться правды и видеть жизнь в истинном свете» [Веллер 2018: 189]. При этом автор резонно замечает, что «нет на свете такой лжи, которую при случае не считали бы правдой. И нет такой правды, которую при случае не обернули бы ложью. Чтобы впарить вам» [Там же]. Нельзя не согласиться и с финальной фразой этой книги, которая кумулятивно выражает итог всего повествования: «Трудность восприятия правды и причина ее отрицания – не в недостатке аргументов. Конкретная правда может обладать абсолютной объясняющей силой, и все равно быть гонимой. А ложь может всех устраивать. Но надо же что-то делать! – как сказал в отчаянии Крокодил Гена, дав в ухо Чебурашке и глядя вслед уходящему поезду». Вот так по-веллеровски на оптимистической ноте заканчивается это его увлекательное погружение в мир этических, эстетических и аксиологических жизненных проблем современного человека.

Еще более высокий философский и научный уровень задает разговору М. И. Веллер, когда в четырех объемных книгах развивает свою неординарную концепцию «энергоэволюционизма» [Его же 2011б; 2011а; 2011в], претендуя таким образом на создание «всеобщей теории всего». Основная идея данной теории состоит в том, что существование Вселенной рассматривается как эволюция первичной энергии Большого взрыва. Эта энергия, по мнению автора, связывается во все более сложные материальные структуры, которые, в свою очередь, распадаются, выделяя энергию. Как поясняет сам Михаил Иосифович, «этот циклический процесс идет с ускорением. С возникновением жизни процесс ускорился на порядки, с появлением культуры – еще на порядки. Человек, с его психологическим обеспечением социальной структуризации и прогресса, есть высшее и органичное звено энергоэволюции Вселенной, играя в ней необходимую и важную роль, неся свою функцию. Человек культурный есть звено и этап ускорения энергоэволюции Вселенной» [Его же 2012: 60].

В одном из интервью М. И. Веллера спросили: «Как к вам пришла идея энергоэволюционизма и можно ли связать это с глобалистикой?», на что он ответил: «Я думал об этом со школьных лет: почему хорошие люди редко торжествуют в жизни и обычно несчастливы, почему жизнь несправедлива, и в чем же смысл такого устройства жизни? А затем в годы студенческие и позднее: почему человечество уничтожает свою планету, сознавая это, и как это можно увязать со всем сущим?» [Глобализация... 2020]. Далее, поясняя свою позицию в контексте заданного вопроса, он продолжил: «В парадигме энергоэволюционизма открываются базовые принципы глобализации. Любая социальная система стремится к экспансии, к максимальной значимости. Экспансия военная сегодня сменилась экономической и информационной. Западная матрица форматирует мир по своему образцу и без войн. И степень мирового объединения будет зависеть не от гуманизма, а от производственной эффективности созданной системы. Больше даст гло-

бализация – движемся к ней, потом станет выгоднее раздробиться – разделимся. Очень важно: рост производства зависит не от нужды в товарах, не от удовлетворения потребностей людей – а от объективного, вселенского стремления к максимальной переработке материи и энергии. Это необходимо понять! Этот объективный закон развития не зависит от воли людей. Деятельность человечества – это острое эволюции Вселенной» [Глобализация... 2020].

«А что вы думаете о своей концепции энергоэволюционизма в контексте современных научных данных, отражает ли она объективную реальность?», – был задан следующий вопрос в упомянутом интервью. «Именно она и отражает, – ответил Михаил Иосифович и уточнил свою позицию следующим образом: – Энергоэволюционизм – это развитие позитивизма, инструментализма, в основе его натурфилософский подход на базе современного естествознания. Человек – часть Вселенной, ее порождение и ее орудие. Человек состоит из атомов, возраст которых – около 4,5 млрд лет. За эти миллиарды лет эти атомы не раз комбинировались во все более сложные и энергопотентные структуры и не раз распадались: это и есть суть эволюции. Космическая эволюция и эволюция неорганической материи – первый этап, эволюция органической материи, биологическая – второй этап, социальная эволюция – третий этап. Это звенья одной цепи, и здесь действуют законы одной Вселенной. Рассматривать любой этап или его часть без учета остальных – элементарная ошибка. Все, что появлялось в последние десятилетия – развитие теории систем, синергетика, исследования психической деятельности человека, поведенческая экономика – укладывается в модель энергоэволюционизма и подтверждает ее» [Там же].

Как отмечает сам автор этой теории, четырехтомник «Энергоэволюционизм» составлен на основе книг «Все о жизни», «Кассандра» и «Человек в системе», плюс литературный обзор-историю в начале и кое-что дописанное. Он также подчеркивает, что это именно философия, излагаемая нормальным человеческим языком, хотя по форме – литература, художественная эссеистика и популярная очеркистика в предельно раскованной, свободной форме. По сути, можно определенно сказать, что мы имеем дело с цельной философской концепцией самобытного мыслителя, что отчасти порождает иллюзию возвращения к античным истокам философии, когда греки полагали самым благородным путем постижения истины путь рассуждения, мысли, логики.

Итак, вполне очевидно, что уже сама по себе тема эта весьма сложная, требующая специальных знаний и профессиональной подготовки, а когда выдвигаются еще и столь радикальные идеи, то вполне закономерно, что это не может не вызывать определенную реакцию, разногласия и возражения в профессиональном сообществе [Дубровский 2008]. Не обладая необходимыми познаниями, не стану вдаваться в детали таких дискуссий, к тому же обозначенная тематика столь обширна, что ее обсуждение потребовало бы отдельной рецензии, причем предназначенной для другого журнала.

А вот глобальная проблематика для нас представляет особый интерес. В этой связи обратим внимание еще на две новейшие книги М. И. Веллера, где эта тема активно обсуждается [Веллер 2019; 2020]. Поскольку в литературных текстах одного и того же автора зачастую непросто провести логическую связь или установить смысловое совпадение его высказываний по тому или иному конкретному

вопросу, для более адекватного понимания авторской позиции обратимся к самой свежей его книге «Шайка идиотов», где он говорит о «реальной глобализации», называя так предпоследний раздел эпилога данного издания.

С учетом сказанного выше об особенностях литературного творчества не будем с философской, тем более научной строгостью оценивать вольное изложение автором его представлений о глобализации или отсутствие дефиниций там, где в научном или философском тексте они были бы необходимы. Для нас важнее другое – какие аспекты он выделяет, какие смыслы вкладывает в свои суждения, наконец, какие выводы делает, когда касается этой актуальной темы. К тому же какого-то внятного и вполне законченного определения глобализации мы в книге не находим. Хотя по отдельным высказываниям можем сделать вывод о том, как М. И. Веллер хорошо понимает генезис глобальных процессов в обществе, например, когда пишет, что «всерьез современная глобализация началась после эпохи Великих географических открытий: мир был поделен на колонии европейских держав. Силовая экспансия сопровождалась товарной, культурной, научной, подмяная под себя и растворяя культуры местные (менее развитые, говоря откровенно, так что процесс этот объективен)» [Веллер 2020: 275]. Это, несомненно, правильное суждение, как можно согласиться и с тем, что «предтеча глобализации – торговля, особенно со времени изобретения финикийцами денежных знаков» [Там же]. С определенными оговорками (если иметь в виду, что сколь бы важными не были экономика и политика, глобализация только к ним не сводится) можно принять и такое утверждение: «Глобализация – аспект империализма. То есть сущность ее определяется сущностью экономики и политики передовых государств. Объединение мира на базе политико-экономической экспансии» [Там же: 275–276].

Наконец, верно и то, что глобализация по сути своей – процесс *объективный*. Но тогда трудно однозначно понять автора, когда он, критически оценивая гипотетическую возможность объединения христианской, китайской, исламской и африканской цивилизаций, задается вопросом «на засыпку: на какой почве объединяться будем?». И тут же добавляет: «А вы, господа изобретатели теории глобализации, китайцев с арабами спросили насчет согласия?» [Там же: 273]. Понимать ли это так, что у глобализации есть «изобретатели»? Или, если буквально воспринимать изначальный текст, а в нем речь идет об «изобретателях» *теории* глобализации, то кто они тогда, эти «изобретатели», и в чем изъясн такого «изобретения», делающий теорию неприемлемой?

Заслуживает внимания и такое предельно актуальное рассуждение М. И. Веллера: «Культуры постоянно конфликтуют между собой – неизбежность конфликта следует из самой их различности. А противоречия культурные и экономические неизбежно имеют тенденцию к обострению в военной форме... Если же для достижения истинной и полной глобализации нам необходимо все культуры взиморастворить и получить единую, гибридную – это проблематично» [Там же: 273–274]. Разумеется, с этим трудно, да и не стоит спорить. Но вот что имеет в виду автор, когда говорит о достижении «истинной и полной глобализации»? Неужто такое возможно?! Во всяком случае, с позиции современной глобалистики разговор об этом был бы сопоставим с рассуждениями об изобретении вечного двигателя.

А вот уже совсем интересная и достаточно острая тема, которую М. И. Веллер обсуждает весьма критически и без оглядки на толерантность. Так, справедливо отмечая, что «сегодня процесс глобализации стремительно, рывком, ускорился и принял тревожные, мягко говоря, формы» [Веллер 2020: 276], он относит к ним и явление мультикультурализма, получившего наибольшее распространение на Западе. В этой связи утверждается следующее: «Если при колониализме дикари втягивались в высокую западную культуру, приближаясь к европейцам – то сегодня анклавы мусульман, азиатов и африканцев из малоразвитых регионов, ширятся и множатся в теле западных стран. С ними растет преступность, паразитизм и варваризация Запада. То есть: подъем отсталых народов и регионов – сопровождается культурным упадком ведущих народов и стран. Глобализация как механическое перемешивание народов и культур.

Народы развитых стран этого, естественно, не хотят. Но элиты, захватившие власть, навязывают народам “мультикультурализм”. Мультикультурализм – это механическая глобализация методом насильственного перемешивания народов и культур в развитых странах – опускающего их ближе к уровню отсталых» [Там же]. Здесь фактически все правильно, за исключением того, что мультикультурализм – это не только не «механическая», но и вообще никакая не глобализация.

И в самом деле, мультикультурализм – это концепция (теория, идеология и основанная на них политика) необходимости сосуществования различных культур внутри одного общества, тогда как глобализация – *объективно-исторический процесс* (и ведь по сути, скорее всего, именно такое понимание глобализации можно вынести из контекста этой и других публикаций М. И. Веллера²). Конечно, о связи мультикультурализма и глобализации говорить вполне правомерно, но эта связь будет примерно такой же, которая имеет место между фортепиано и исполняемым на нем музыкальным произведением. Так вот, если кто-то будет утверждать тождество между музыкальным произведением и фортепиано и в то же время негативно воспринимать музыкальное произведение, то вполне понятным будет желание такого человека ополчиться против фортепиано в желании разрушить его. Не так ли и в случае с этой вышеприведенной, казалось бы, несущественной неточностью, отождествившей действительно девальвировавшуюся идеологию и политику мультикультурализма с глобализацией?!

Несложно представить себе, что те, кто согласится с указанным отождествлением, а также с приведенной выше вполне справедливой критической оценкой мультикультурализма, будет выступать не только против такой культурной политики, но и против глобализации, коль это воспринимается как одно и то же. Но такое отождествление не столь безобидно, как может показаться на первый взгляд. Именно здесь и кроются корни неконструктивных проявлений всех форм антиглобализма, когда движимые в общем-то справедливыми и вполне понятными желаниями изменить сложившийся порядок вещей к лучшему те или иные

---

² Так, в частности, по мнению М. И. Веллера, глобализация «не зависит от волевых и политических решений каких-либо лидеров или правительств. Она происходит как бы сама по себе, неконтролируемо, через отдельные желания и поступки совершенно частных лиц, устраивающих собственные жизни... Глобализация на самом деле уже наступила. Просто она оформляется постепенно. Хотя исторически это – очень, очень быстро» [Веллер 2019: 337].

активисты выдвигают лозунги борьбы с глобализацией, о которой у такого рода антиглобалистов в лучшем случае превратные представления. В итоге ложно выбранные цели в лучшем случае как миражи недостижимы и как минимум не приводят к желаемым результатам. В этой связи хотелось бы заметить, что та волевость в определениях и оценках, которую в целях заострения проблемы и привлечения к ней дополнительного внимания может позволить себе писатель, для серьезного философа и тем более для ученого неприемлема.

И все-таки, в отличие от философа или ученого, которые специализируются, как правило, на какой-то одной теме или проблеме, у писателя есть еще одно неоспоримое преимущество. Он не стеснен жесткими методологическими требованиями, равно как и рамками конкретных профессиональных интересов, и пишет о том, о чем считает нужным высказаться и что интересует, волнует его в определенный период времени. Более того, даже в одной книге писатель может легко обращаться от одной темы к другой без необходимости соблюдать логические переходы и проводить содержательные связи между ними. Эта особенность повествования как раз в полной мере соответствует стилю письма М. И. Веллера, хотя и не является для него общим правилом. Подтверждение тому дает его замечательная книга «Великий последний шанс», которую он целиком посвятил одной предельно важной теме для каждого, кто живет в России (или кровно связан с нею) [Веллер 2006]. Как сказано в аннотации к этому изданию, «новая книга Михаила Веллера в простой и эмоциональной форме дает анализ российской действительности. Скандальные выводы перерастают в неожиданно обнадеживающие прогнозы».

В этой работе Михаил Иосифович с разных сторон мастерски препарировывает внутреннюю и внешнюю составляющие прошлого, настоящего и будущего России, одновременно предлагая читателю посмотреть на все это в различных ракурсах: локальном (национальном), региональном (межнациональном) и глобальном (общечеловеческом). Так, в контексте извечного спора славянофилов и западников о выборе исторического пути развития для нашей страны он резонно задается по существу риторическим вопросом: «Если Россия, тысячу лет соседствуя с Европой, за тысячу лет не стала Европой, но неизменно и всегда находились обстоятельства и случайности непреодолимой силы – то какие у нас, собственно, основания полагать, что в течение ближайших лет двадцати все изменится, и Россия на наших глазах Европой станет?» [Там же: 256–257]. И далее, рассуждая о выборе стратегии и тактики поведения России в современном глобальном мире, он делает однозначный вывод, с которым трудно спорить, что для России Америка лучше Китая. «Эта идеология, этот образ жизни нам ближе, – говорит он. – С американцами мы договоримся легче. И территории наши им не нужны. И помощи от них дожидаться можно, как не раз уже в прошлом...

Что мы хотим иметь с Америки? – Пользу.

Можно ли вообще иметь с Америки пользу? – Еще бы нет.

Надо ли для этого делать все, что она советует? – Избави Бог!

Чью пользу преследует Америка? – Свою, чью еще.

Расходится ли польза России и Америки? – Очень во многом.

Совпадает ли польза России и Америки? – Кое в чем.

А что хочет Америка с России? – Тоже пользу, чего же.

Можем ли мы доверять друг другу? – Мы не в ЗАГСе. Проверять!» [Веллер 2006: 128–129].

Конечно, это не научный (хотя и явно геополитического свойства) текст, опирающийся на специальные исследования, фактические данные, таблицы, графики и соответствующую методологию. Это даже не аналитическая записка в соответствующие инстанции, а всего лишь частное мнение. Но это мнение (к тому же по очень значимому вопросу) умудренного жизненным опытом, авторитетного и широко известного писателя, взгляды которого разделяет явно далеко не только его обширная читательская аудитория. С ним можно соглашаться или не соглашаться, но его нельзя проигнорировать, поскольку он поднимает и делает предметом всеобщего внимания такие злободневные вопросы, которые в силу их политической, идеологической заостренности или по причине политкорректности не выносятся на всеобщее обсуждение и остаются за пределами должного внимания. Но проблема в том, что такого предлагаемого М. И. Веллером для российского внешнеполитического курса прагматизма (родиной которого является, кстати, Америка), к сожалению, похоже, как раз и недостает тем, кто в силу своего положения определяет внутреннюю и внешнюю политику современной России. И это еще один аргумент в пользу того, чтобы обратить особое внимание на литературные источники, в которых с учетом соответствующего жанра поднимаются актуальные вопросы глобального мира, а сами эти источники, конечно же, должны занять свое достойное место в системе современной глобалистики.

Ну а теперь обратимся еще к одной насыщенной различными локальными идеями и выводами книге М. И. Веллера «Еретик». Первое, на что нельзя не обратить внимание в контексте нашего разговора, касается специального раздела, озаглавленного «Боевая история глобализма». Здесь нет философского дискурса, научной методологии или обстоятельного анализа исторических событий, обусловивших появление глобализации. Зато есть легко читаемый, предельно лапидарный текст, написанный в стиле импрессионизма, когда история предстает в виде легко запоминающихся мастерски нарисованных образов Древнего Египта, Вавилона, Древнего Китая, великих империй персов, Александра Македонского, Чингисхана, Древнего Рима, Арабского халифата... И все это упрощенно и непринужденно работает на понимание того, что, как говорит сам автор, «завоеватель и объединитель – это агент прогресса. А выглядит как серийный убийца» [Его же 2019: 111]. В итоге Веллер задается вопросом о пределах объединения земель и народов. Причем его интересует «не просто предел – но некий оптимум достижимых объединений. На сколько процентов весь территориально-человеческий материал возможно объединить в смысле одного государства» [Там же: 113]. Заключение, к которому он приходит в этой связи, состоит в том, что «еще НИКОГДА никому не удалось объединить ВСЕХ, кого он мог достичь. За границами Великого Государства ВСЕГДА оставались неприсоединенные» [Там же].

Эта, казалось бы, вполне очевидная мысль, весьма ценная с точки зрения современной глобалистики, остается, к сожалению, без должного внимания со стороны тех, кто в стремлении расширить свое идеологические, политическое, экономическое, культурное влияние все еще видит полем реализации своих интересов весь мир, или, на худой конец, распространение и укрепление своего влияния на максимально возможное количество стран и регионов современного мира.

Но, как резонно замечает в этой связи М. И. Веллер, «человечество всегда стремилось стать единым. Под лозунгами разных идей... И когда оно решило, что стало наконец единым – и теперь наступит всеобщее благоденствие, как обещали философы и идеологи – тут-то и начался новый цикл распада и новая страшная война» [Веллер 2019: 116].

Данное замечание особенно ценно в том отношении, что оно фиксирует важнейшую проблему современности, еще до конца не осознаваемую в качестве закономерного следствия глобализации. А именно: по мере усиления глобальных процессов и под их влиянием активизируются и обретают все более острые формы латентные локальные и региональные противоречия и конфликты. Так, усиливающаяся роль и влияние в мире массовой культуры порождают все большее противодействие массовизации со стороны национальных культур, озабоченных сохранением своей идентичности. Повсеместное распространение английского языка в качестве основного средства международного общения ведет к усилению борьбы других национальных языков за укрепление или хотя бы за сохранение своих позиций и право быть выразителем культуры соответствующего народа. Наконец, усиление сепаратистских настроений и стремление к национальной обособленности, а также вспыхивающие на этой почве конфликты в различных точках планеты, что особенно характерно для последнего времени, – это центробежные тенденции в мировом сообществе, обусловленные во многом также нарастающим влиянием многоаспектной глобализации. Понимать это – значит видеть за стремлением к автаркии и самоопределению Каталонии, Тибета, Шотландии, Квебека, Абхазии, басков, уйгуров, курдов и т. д. далеко не только узкие интересы и корыстные притязания местных националистов и определенных сил влияния, но и, прежде всего, нарастание объективных процессов дифференциации во все более глобализирующемся мире, на что в такой живой литературной форме и предельно ясно указывает М. И. Веллер.

При этом с определенной долей реализма и оптимизма он призывает противостоять негативным тенденциям глобального мира и в меру своих сил и возможностей действовать. «Что остается? – задается он вопросом и сам же отвечает: – Стоять на своем! Вопреки фанатам и мракобесам от фашизма-коммунизма, вопреки воплям и законам. Если окажется, что это вопреки Истории – значит, вопреки Истории. Не вечен Мир, не вечна Земля, не вечно Человечество. Но пока мы есть – мы останемся собой! Мужчины, женщины и дети, в своих домах у своих очагов, бойцы и работяги, верящие в себя и свое оружие. А там – еще неизвестно, как все обернется» [Его же 2020: 283]. Конечно, сама по себе интенция такого образа мыслей не является новацией, поскольку она уже была представлена в свое время в работах видных представителей американского прагматизма. Но ценность сказанного Веллером как раз и состоит в том, что говорится это сегодня и в контексте обсуждения насущных проблем прежде всего нашей страны.

А что касается Америки, так она и поднялась резко в XX в. в значительной мере благодаря идеологии и мировоззрению прагматизма, суть которого не сухим философским, а образно-литературным языком доходчиво и ярко выразил У. Джемс. Он, в частности, отмечал, что, решая предельно трудные задачи, мы можем как проявить излишний оптимизм и самоуверенность в способности установить истину, так и впасть в уныние перед сложностью проблемы. «Мы стоим

в горном проходе, среди снегов и вихрей, окутанные туманом, сквозь который иногда открывается вид на тропинки, быть может ненадежные, – гипотетически рассуждал он. – Если мы будем стоять без движения, мы рискуем замерзнуть; если мы выберем ложный путь, мы можем разбиться насмерть; мы даже не знаем наверное, есть ли истинный путь? Что же нам делать? Не терять присутствия духа! Действовать, надеясь, что все к лучшему, а там будь что будет!» [Джемс 1904: 35]. Такого рода прагматика по понятным причинам с порога отвергалась советской идеологией, которая рисовала картины «светлого будущего человечества», подбадривая сомневающихся тонизирующим лозунгом «Верной дорогой идете, товарищи!». С тех пор как обанкротилась эта идеология, прошло уже три десятилетия. Но и теперь, как уже отмечалось выше, прагматизм не стал реальностью в России, что делает творческий вклад М. И. Веллера в решение данного вопроса с позиции литературы (когда русская философия к нему еще не повернулась) особенно ценным.

Так что в итоге? В итоге вполне очевидно, что взгляд с литературной точки зрения на глобальный мир и глобальные процессы, одним из которых как раз и является глобализация со всеми ее позитивными и негативными последствиями, дает не просто новое видение уже, казалось бы, привычных и понятных проблем, но и открывает новые возможности как для осмысления их специалистами, так и для привлечения к ним дополнительного внимания широкой общественности.

В этой связи не менее ценным представляется и включение литературы в систему современных глобальных исследований, где ее художественное восприятие глобального мира, образное описание сложных планетарных, региональных и локальных процессов и явлений, наконец, просветительская роль, прежде всего на уровне обыденного сознания и здравого смысла, просто незаменимы, ибо ни одна другая сфера творческой деятельности не обладает возможностями для решения такого рода задач³.

Литература

- Веллер М. Великий последний шанс. М. : АСТ, 2006.
Веллер М. Перевернутая пирамида // Независимая газета. 2008. 29 мая.
Веллер М. Психология энергоэволюционизма. М. : Астрель, 2011а.
Веллер М. Энергоэволюционизм. М. : Астрель, 2011б.
Веллер М. Эстетика энергоэволюционизма. М. : Астрель, 2011в.
Веллер М. И. Информационно-теоретическое предшествование энергоэволюционизма // Вестник РФО. 2012. № 2(62).
Веллер М. Веритофобия. М. : АСТ, 2018.
Веллер М. Еретик. М. : АСТ, 2019.
Веллер М. Шайка идиотов. М. : АСТ, 2020.

---

³ Дополнительным аргументом в пользу такого вывода служит и публикуемая ниже в этом номере журнала статья Д. И. Черкасова-Корнющенко «Кротовые норы романа “Фантомный бес”: глобальный ответ». Статья посвящена творчеству известного философа и писателя А. В. Кацуры, в частности, анализу его романа «Фантомный бес», который в своем предисловии к этой книге М. И. Веллер охарактеризовал как «неожиданное и мощное литературное явление», где дан «философский анализ эпохи в грандиозной паутине ее связей».

Глобализация в контексте энергоэволюционизма. Интервью М. И. Веллера для интернет-портала <https://www.globalistika.ru> от 30 июня 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalistika.ru/post/глобализация-в-контексте-энергоэволюционизма>.

Джемс У. Зависимость веры от воли. СПб., 1904.

Дубровский Д. И. «Самодельные» философы наступают! // Вестник РФО. 2008. № 3. С. 145–149.

История литературы [Электронный ресурс]. URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/History_of_literature (дата обращения: 06.01.2021).

Кто делает сегодня философию в России. Т. 1 / авт.-сост. А. Нилогов. М. : Поколение, 2007.

Литература [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Литература> (дата обращения: 06.01.2021).

Global Studies Encyclopedic Dictionary / ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazur, W. C. Gay. Amsterdam; New York, NY : Editions Rodopi B.V. : 2014.

References

Veller M. Velikij poslednij shans [The Great Last Chance]. Moscow : AST, 2006.

Veller M. Perevernutaja piramida [Inverted Pyramid] // Nezavisimaja gazeta. 2008. May 29.

Veller M. Psihologija energoevoljucionizma [Psychology of Energoevolutionism]. Moscow : Astrel', 2011a.

Veller M. Energoevoljucionizm [Energoevolutionism]. Moscow : Astrel', 2011b.

Veller M. Estetika energoevoljucionizma [Aesthetics of Energoevolutionism]. Moscow : Astrel', 2011c.

Veller M. I. Informacionno-teoreticheskoje predshestvije energoevoljucionizma [Information-Theoretical Advent of Energoevolutionism] // Vestnik RFO. 2012. No. 2(62).

Veller M. Veritofobija [Veritophobia]. Moscow : AST, 2018.

Veller M. Yeretik [Heretic]. Moscow : AST, 2019.

Veller M. Shajka idiotov [A Gang of Idiots]. Moscow : AST, 2020.

Globalizacija v kontekste energoevoljucionizma. Interv'ju M. I. Vellera dlja internet-portala <https://www.globalistika.ru> [Globalization in the Context of Energoevolutionism. M. I. Veller's Interview for the Internet portal <https://www.globalistika.ru>]. 2020. June 30. URL: <https://www.globalistika.ru/post/глобализация-в-контексте-энергоэволюционизма>.

James W. Zavisimost' very ot voli [Dependence of Faith on Free Will]. St. Petersburg, 1904.

Dubrovskij D. I. "Samodel'nyje" filosofy nastupajut! ["Self-made" Philosophers are Coming!] // Vestnik RFO. 2008. No. 3. Pp. 145–149.

Istorija literatury [History of Literature]. URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/History_of_literature (accessed: 06.01.2021).

Kto delajet segodnja filosofiju v Rossii [Who Makes Philosophy in Russia Today] / comp. by A. Nilogov. Vol. 1. Moscow : Pokolenije, 2007.

Literatura [Literature]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Literatura> (accessed: 06.01.2021).

Global Studies Encyclopedic Dictionary / ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazur, W. C. Gay. Amsterdam; New York, NY : Editions Rodopi B. V., 2014.

«КРОТОВЫЕ НОРЫ» РОМАНА «ФАНТОМНЫЙ БЕС»: ГЛОБАЛЬНЫЙ ОТСВЕТ

Черкасов-Корнющенко Д. И.*

В статье анализируются исторические, научные и философские мотивы ряда последних произведений философа и писателя А. В. Кацуры, но прежде всего истоки и смысл весьма объемного его романа 2020 г. «Фантомный бес». Автор статьи пытается показать, как многочисленные линии и ручейки романного повествования сплетаются в невероятную сеть, где извилистые каналы между локальными событиями, ранее мало кем замеченные (своеобразные «кротовые норы»), создают резонанс поистине глобального характера. Физики и лирики ушедшего века в наступлении века глобализации сыграли роль еще не в полной мере оцененную и, по сути, мало исследованную.

Ключевые слова: война, революция, глобальные проблемы, «кротовые норы», поэтическое пророчество, атомное оружие, бесы, трикстер, нарциссизм.

The article analyzes the historical, scientific and philosophical motives of a number of recent works of the philosopher and writer Alexander V. Katsura, but first of all the origins and meaning of his very voluminous novel “The Phantom devil” published in 2020. The author of article tries to show how numerous lines and streams of the novel’s narrative are intertwined in an incredible network, where winding channels between local events, previously little noticed by anyone (a kind of “wormholes”) create a truly global resonance. Physicists and lyricists of the past century in the coming age of globalization played a role not fully appreciated yet and, in fact, little studied.

Keywords: war, revolution, global problems, “wormholes”, poetic insight, atomic weapons, demons, trickster, narcissism.

В 2008 г. автор этой статьи закончил рецензию на роман Александра Кацуры «Наброски к теории чудес» [Кацура 2007] таким вопросом: «И если это только “наброски”, то какой же может быть собственно “теория чудес”? И будет ли теория чуда мифически целесообразным методом интерпретации?» [Черкасов-Корнющенко 2008: 143].

В 2018 г. в приложении «Размышления по поводу работы Александра Кацуры “Полет над бездной. Глубина человеческого «Я», русское мессианство и американская демократия”» мне довелось сравнить эту книгу с полотном Эдварда Мунка «Крик»: «Если хотите, мы должны спросить себя: “Крик” автора эссе останется таким же безответным? Или людям, населяющим нашу планету, пора присоеди-

---

* Черкасов-Корнющенко Дмитрий Ильич – действительный член Академии творческой педагогики. E-mail: tat.cornushenko@yandex.ru.

ниться к крикам вот таких одиночек, если они хотят сохранить самое жизнь?» [Черкасов-Корнющенко 2018].

В 2020 г. настало время ответа на эти вопросы: из печати вышла завершающая часть трилогии А. Кацуры – роман «Фантомный бес: Музы и бомбы (роман-предупреждение)». Я подчеркиваю: трилогии, так как эти три произведения гомогенны. Новый роман – уже не наброски к «теории чудес», а непосредственно сама «теория чудес», поскольку за прошедшие два столетия не было большего чуда, чем освоение нового могучего и страшного вида энергии, изначально невероятно и неожиданного по своим результатам, каковым оказалась атомная энергия. Связавшись с ядром атома, человечество обрело себя на взывающий (к кому?) непрерывный крик, и этому крику скоро исполнится 100 лет.

Мастер интеллектуальной интеграции Александр Кацура освещает эту теорию чудес фантастической по объему энциклопедической информацией о недавно завершившемся XX веке – во всей его трагичности и нелепости, во всех его великих свершениях и во всех его не менее великих безобразиях. Та энергия, о рождении которой рассказывает автор, имманентно передается изобразительно-художественному литературному напряжению, не отпускающему читателя до последних страниц книги.

Новое чудовище Франкенштейна уже грезилось русским поэтам начала XX в. Серебряный век был не только «серебряным», он был еще и пророческим. Откуда выражение «фантомный бес»? Из поэмы Андрея Белого «Первое свидание»: «Сплетаюсь в вязи аллегорий: Фантомный бес, атомный вес...». На первую страницу романа вынесен символ и его название: «Музы и бомбы». Очень похоже на символ Фридриха Ницше: лук и лира. Это не простая констатация содержания, в котором много и того и другого. Смысл символа все-таки глубже. Философ-эволюционист Герберт Спенсер так мог бы объяснить неожиданное соединение: «Общепринятое мнение, будто наука и поэзия две противоположности, – большое заблуждение. Люди, посвятившие себя ученым изысканиям, постоянно нам доказывают, что они не только так же, как и другие люди, но даже гораздо живее их воспринимают поэзию изучаемых ими предметов». Порою бывает так, что поэзия объясняет мир лучше, чем наука. Иной раз в нескольких поэтических строках прячется больше смысла о «предмете»: о жизни, об эпохе они скажут нам больше, чем многостраничные ученые трактаты [Спенсер 1921].

Приступая к анализу романа, скажу несколько слов о творческом методе писателя и поэта Александра Васильевича Кацуры, характерном для его творчества в целом. Этот метод (сближение, соединение отдаленных и, казалось бы, мало связанных предметов и явлений) проявил себя и в других, в том числе вышеупомянутых произведениях, но в «Фантомном бесе» – особенно плодотворно, с наибольшей силой воздействия на умудренного читателя. Этот метод в том или ином виде можно найти и у других авторов. Скажем, он характерен для выдающегося английского романиста и публициста Джона Фаулза, так и назвавшего один из своих сборников – «Кротовые норы» [Фаулз 2003]. Если хотите, «Фантомный бес» предельно пронизан «кротовыми норами», но при этом заметно сильнее, нежели книга английского романиста. «Кротовые норы» позволяют автору «Беса» находить невероятные совпадения самых различных событий, отделенных друг от

друга множеством лет, делать неожиданные сближения, позволяют увидеть следствия совершенно невероятных причин, порождают в творчестве неожиданные ассоциации. Весь текст романа – это огромный подземный лабиринт ветвистых дорожек, соединяющих, казалось бы, несоединимое: те же музы и бомбы. Опытному читателю достаточно просмотреть несколько страниц оглавления книги, чтобы по названию глав понять, по каким «кротовым норам» ему предстоит продвигаться, где согнувшись, а где – извиваясь, как змея. Автора можно уподобить античному герою Трофонию, прорицателю, делавшему тайные ходы-лазы в Лебодийской пещере и в Дельфийском храме, чьи оракулы погружали узнававших свою судьбу в состояние ужаса. Вот так же и автор романа не намерен скрывать от непосвященных то сокровенное, что открылось ему. Ведь роман неспроста имеет второй подзаголовок – «предупреждение». Антивоенный, антимилитаристский текст вызывающе парадоксально разделен на две части: «Война первая», 1903–1939 гг., и «Война вторая», 1939–2020 гг. (вроде бы еще не оконченная?!). В каком-то смысле это опять «Крик», как и «Полет над бездной», но крик не о будущем, а о прошлом, породившем наше сегодняшнее. Ибо и после всех чудес и ужасов ушедшего века мы слышим сегодня комично-воинственные, параноидальные рассуждения российского президента о том, что можно и не остановиться перед применением ядерного оружия, если возникнет угроза интересам России. Вернее, тому, что этот человек понимает под интересами России. А с экрана телевизора обезумевший от восторга и любви к власти и от безнаказанности пропагандист-холуй грозит миру: мы превратим вас в радиоактивный пепел! Как совсем недавно выяснилось, президент еще долго намерен путать свои личные интересы и интересы вверенного ему народом государства. Мелкий бес грозит миру освобождением фантомного беса.

Роман являет собой новый тип литературного синкретизма. Возможно, в том, чтобы показать, как причудливо могут переплетаться события и жизни многочисленных героев и персонажей романа на протяжении XX в., и заключалась сверхзадача автора. Наиболее замысловато судьбы людей связываются в «Войне первой». Через десяток-другой прочитанных страниц понимаешь: это увлекательно, это поглощает. Читателю представлены два мира, две цивилизации – Востока и Запада. Восток в данном случае – это Россия. Исходя из межполушарной асимметрии, тип мышления Востока – правополушарный: интуитивный, чувственный, конкретный, метафорический; ему свойственно мифологическое сознание. Мышление Востока образно, преимущественно иррационально. Это порождает крайности: высокий интеллект немногих и масса людей – «небокоптителей». Востоку свойственны авторитарный и тоталитарный политические режимы. Грустную оценку подобным традициям дал выдающийся русский историк В. О. Ключевский, утверждавший, что в России нет средних талантов, простых мастеров, а есть одинокие гении и миллионы никуда не годных людей; гении ничего не могут сделать, потому что не имеют подмастерьев, а с миллионами ничего нельзя сделать, потому что у них нет мастеров; первые бесполезны, потому что их слишком мало; вторые беспомощны, потому что их слишком много [Ключевский 2001].

Тип мышления западного мира Европы и Северной Америки левополушарный: рассудочный, интеллектуальный, аналитический, рациональный, историче-

ский. Мышление Запада технократично. Это «фаустовский» (по определению Освальда Шпенглера) человек, желающий максимально точного познания. Это писатели-фантасты с раскованной мыслью, это гениальные ученые, теоретики и эмпирики, пришедшие в итоге к созданию «фантомного беса». Господствующим режимом уже достаточный срок здесь выступает демократический, но неожиданно он способен превратиться в авторитарный и даже тоталитарный. Однако вместе с кризисными явлениями, как правило, растут средства преодоления кризиса. В научном мире существуют свои проблемы. Выдающийся немецкий психолог Эрих Фромм некогда заметил, что для ученого, прожившего жизнь, веруя в могущество человеческого разума, история (создания мира) кончается кошмаром: он поднимается над невежеством, он достиг почти вершины; и вот на этой вершине, сделав последнее усилие, подтянувшись к пику... он сталкивается лицом к лицу с теологами, бывшими здесь столетиями [Фромм 2010].

Россия с ее поэтами-мистиками, с их смутными пророчествами и гениальными озарениями, с мессианскими предсказаниями, с их поисками Христа и ожиданиями Антихриста, казалось бы, вот-вот найдет и укажет другим народам свой, непохожий на другие, особый путь. Но итогом этих поисков оказалось всего лишь долгое царство Большого Беса. «Царствию его не будет конца...» В романе происходит самопознание двадцатого века: в непрерывном диалоге Востока и Запада, между Серебряным веком и научной революцией, между демократией и тоталитаризмом, между нацизмом, фашизмом и коммунизмом. Эти контакты искрят.

Между двумя мирами-цивилизациями проходит долгая жизнь трех женщин. Три русских амазонки, три авантюристки, способные совершить то, на что не способны мужчины, посылающие их на верную гибель. Эти женщины, родившиеся и выросшие в Российской империи, разыгрывают несколько ролей. Прежде всего, они модераторы, бинарные операторы между Востоком и Западом в историческом времени и пространстве. В скандинавской мифологии существует образ мира в виде исполинского ясеня. Это Иггдрасиль, Мировое Древо. На вершине Иггдрасиля восседает орел, у его корней гнездится дракон. Вверх и вниз по Древу снуют проворная белка Рататоск: ее задача состоит в том, чтобы передавать перебранку между орлом и драконом, которая длится бесконечно. Роль белки – бинарного оператора – в романе играют три прекрасные дамы: они в непрерывном движении между двумя мирами.

Феномену русских женщин, обвораживающих европейских мужчин, автор посвятил немало страниц. Три героини – красавицы и умницы – прекрасно демонстрируют свое амплуа обольстительниц. Но следует сказать, что Мария, Елизавета, Маргарита нужны в романе не только для этой роли, с которой легко бы справилась любая другая заурядная красотка. Дело в том, что образованный читатель худо-бедно знаком с большинством событий, фактов, лиц, идей, представленных на страницах «Фантомного беса». Но соединить весь этот конгломерат в увлекательное повествование помогают именно эти три амазонки, их будто сама судьба предназначила для ролей романтических героинь авантюрно-интеллектуального эпоса. Своими женскими поясками-кушачками они стягивают весь каркас романа, как обручем, без которого такая огромная конструкция могла бы и не уцелеть. Не случайно их жизнь проходит в окружении великих и выдающихся

мужчин. Рядом с ними мы видим Г. Уэллса, Б. Локкарта, М. Горького, В. Ходасевича, Я. Блюмкина, Ф. Шаляпина, А. Блока, С. Коненкова, А. Эйнштейна... Каждой из героинь в романе выпадает свой «звездный час» в истории XX в.

Баронесса Мария Игнатьевна Закревская-Бенкендорф-Будберг могла бы сказать о себе словами А. Ахматовой: чужих мужей веселая подруга и многих неутешная вдова. После многочисленных приключений, еле-еле уцелевшая в Советской России, Мура Будберг живет в Лондоне. Она – подруга Герберта Уэллса, по убеждениям фабианского социалиста, сочувствующего Советам. В 1914 г. знаменитый писатель создал два романа: «Освобожденный мир», посвященный военному и мирному использованию атомной энергии, краху буржуазной цивилизации в результате войны, и послевоенному новому всемирному государству на коллективных началах. Название другого романа говорит само за себя: «Война, которая покончит с войнами».

1936 год. В Москве умирает М. Горький, чьей многолетней секретаршей, и не только ею, была Мура Закревская-Будберг. Своей музе Горький посвятил главный свой роман «Жизнь Клина Самгина». В аллее Гринвич-парка Мура встречается с посланцем из Москвы. Происходит сцена встречи и разговора, удивительно напоминающая беседу Маргариты и Азazelло в романе М. Булгакова. Только вместо Воланда, приглашающего на бал, фигура пострашнее – Иосиф Сталин, приглашающий даму к одру умирающего пролетарского писателя. Вместо сожженной рукописи романа Мастера – чемодан с архивом и перепиской Горького, который он категорически запретил кому-либо отдавать. Баронесса может проститься с умирающим другом, но при условии передачи чемодана в руки ЦК ВКП(б). Под угрозой расправы с нею Мура выполняет эти условия. Прощается с Горьким и дарит ему красно-розовую бонбоньерку с шоколадными конфетами. По бытующей в интеллигентском фольклоре легенде конфеты были отравлены и ускорили смерть А. М. Горького. Автор не утверждает эту легенду, но некоторый контекст в диалогах Муры со Сталиным и Горьким позволяет думать, что эти конфеты вроде бы избавили писателя от долгой смертельной агонии. А с другой стороны... Вот последняя беседа Муры Будберг и Горького:

«– Алексей, давай смотреть правде в глаза. Тридцать лет, если не больше, ты служил дьяволу. Всем этим бесам... Книгами своими. Даже делами. Не спрашиваю, зачем ты это делал. Еще в пятом году эти бесы лепили в твоей квартире дидактичные шашки... Ты не знал? (...)

– А сейчас что? – тихо сказала Мура. – ЦК решил, что ты должен выздороветь. Навсегда. А против решения ЦК бессильна даже я. Так что выбора у нас с тобой нету».

Чемодан с архивом и письмами адресатов Горького был передан в руки Сталина. Дело было как раз накануне Большого террора. Для многих и многих известных деятелей партии, государства, культуры письма-улики обернулись смертными приговорами. Кому же служила «железная женщина»?

Вторая героиня романа, Эстер Юльевна Розенцвейг, обучалась в европейских университетах, где усилился ее интерес к левым идеям, тяготение к которым она ощущала еще со школьных лет. Она взяла себе новое имя – Елизавета Юльевна, Лиза. Вернувшись в Советскую Россию, она угодила в разведшколу (как и еще

одна русская амазонка – Вера Гучкова). Повлияло на будущую карьеру разведчицы отменное знание нескольких европейских языков. В школе она стала Горской, потом ее выдали замуж за разведчика Василия Зарубина. Во Франции она станет Марианной Кочек, в Германии супруги будут носить фамилию Вардо. Под фамилией Зубилина Лиза побывает в 1936 г. в Соединенных Штатах Америки, где устроит знакомство профессора Принстонского университета Альберта Эйнштейна с женой скульптора Коненкова Маргаритой, тоже советской шпионкой (третья героиня). Лизе пришлось несладко в годы ежовщины, но в апреле 1941 г. супруги Зарубины под видом дипломатической семьи снова окажутся в США, и теперь уже Маргарита на выставке работ мужа познакомит Лизу Зарубину с Робертом Оппенгеймером, будущим руководителем атомного проекта, и с его женой Кэтрин. От Оппенгеймера дорожка пролегла к Клаусу Фуксу, еще одному симпатизанту левых идей, работавшему на советскую разведку прямо в Лос-Аламосе. Из его рук Лиза Зарубина получит пачку документов – «полную программу атомной бомбы».

С этим грузом шпионка Лиза отправляется на вокзал в столице штата Нью-Мексико Санта-Фе. В ее руках небольшой чемодан, дамская сумочка, а на плече висит ридикюль, в котором и лежат бесценные документы. На перроне она видит у вагонов не только проводников, но и военных полицейских, тщательно обыскивающих пассажиров и их багаж. Красивая стройная женщина действует нестандартно. Она мгновенно преобразилась в растерянную глуповатую дамочку, которая никак не может вспомнить, куда она дела свой билет на поезд. Чемодан она поставила на перрон и стала лихорадочно рыться в сумочке, но ей мешал проклятый ридикюль. Якобы бессознательным движением Лиза повесила его на плечо проводнику и наконец-то «нашла» свой билет. Ее попросили открыть чемодан, в котором, кроме дамского белья, ничего не было. Она прошла в купе. Поезд тронулся. Минуты через три проводник принес ей, «забывчивой пассажирке», ее ридикюль, за содержание которого можно было получить несколько казней на электрическом стуле. «Через четыре дня толстая пачка бумаг оказалась в советском посольстве в Вашингтоне. А еще через два дня дипломатической почтой ушла в Москву». Кому же служила «разведчица» Лиза Зарубина?

Маргарита Ивановна Воронцова, успевшая побывать любовницей А. Блока, Ф. Шаляпина, С. Рахманинова, но ставшая в итоге женой великого скульптора Сергея Тимофеевича Коненкова, в 1923 г. прибыла вместе с мужем в Северо-Американские Соединенные Штаты. В Америке, кроме успешного устройства выставок работ своего мужа, Маргарита занимается шпионажем и, по совместительству, становится возлюбленной Эйнштейна, так как очень заинтересовалась теорией относительности и ядерной физикой. У великого физика не было секретов от очаровательной в своем любопытстве милой Марго. Знакомство их случилось в те дни, когда скульптор работал над бронзовым бюстом Эйнштейна.

Звездный час Марго, в отличие от других амазонок, выписан автором настоящему человечным. Сталин потребовал от супругов Коненковых возвращения в СССР. 1945 год. Марго прощается с Эйнштейном и признается в том, что она русская разведчица, шпионка: «Я работаю не только на свою великую страну, но и на великую идею». Она имеет в виду идею всемирного братства (коммуниз-

ма), по идеальному замыслу – глобальную. Великий физик отвечает ей, что догадывался о ее «работе», но не осуждает ее, добавляя при этом: «В конце концов, наши страны – союзники». Влюбленные будут долго обмениваться письмами. Из груды писем Эйнштейна случайно сохранилось лишь несколько. Некоторые в романе приводятся.

Кому же в итоге служила столь замечательная модель скульптора Коненкова?

Ответ найти нетрудно. Служили эти русские женщины, кто-то больше, кто-то меньше, не России – ее давно уже не было, не великой идее, она была исковеркана, остался лишь идеологический суррогат. Служили не столько фантомному бесу, сколько самому дьяволу, Большому Бесу – Иосифу Сталину. Их роль бинарных операторов, то есть посредниц между Востоком и Западом, между адом и раем оказалась постепенно вытеснена другой ролью. Какой же?

Практически во всех системных мифологиях, в народных многообразных сказаниях, в литературных эпосах существует отрицательный вариант культурного героя, которого он пародирует и которому посылит подражает. Его нарицательное название – трикстер. Это демонически-комический дублер, наделенный чертами плута-озорника. Таков в греческой мифологии глуповатый брат Прометея Эпиметей: боги отдали ему на хранение сосуд со всеми болезнями и несчастьями, а затем создали и подарили ему любопытную красавицу Пандору (что было после, хорошо известно); таков бог Гермес со своими проделками. В скандинавской «Старшей Эдде» таков бог Локи, божественный шут. Таковы немецко-фламандский Тиль Уленшпигель и французский Панург. Таков Васька Буслаев новгородских былин. Озорные проделки трикстера большей частью служат удовлетворению его прожорливости или похоти. Нарушения табу и профанирование святынь иногда носит характер «незаинтересованного» озорства (по-современному: «ради спортивного интереса»). Действуя асоциально и профанируя святыни, трикстер тем не менее большей частью торжествует над своими жертвами, но бывает, терпит серьезные неудачи (см. работы К. Г. Юнга, К. Леви-Стросса, М. Бахтина, С. Токарева, Е. Мелетинского).

Милые русские женщины Мария, Лиза, Маргарита постоянно прибегают к обману, лгут на каждом шагу, нарушают самые строгие табу, направо и налево предают своих близких и друзей, нарушают нормы обычного права и обыденной морали. Каков итог их походов и приключений?

В романе Мура Будберг кончает самоубийством, испытав перед смертью ужас от совершенных ею предательств.

Случайно встретившиеся на выставке Сергея Коненкова Лиза и Маргарита признаются, что в прошлом были большими дурами. Маргарита умирает в состоянии старческого маразма, всеми забытая.

Елизавета еще успевает полюбоваться по телевизору на Михаила Горбачева. Вспоминает стихи, которые когда-то читал ей Яков Блюмкин, погубленный ее доносом. Бредя в магазин за скромным набором продуктов, она погибает под колесами автобуса.

Наверное, А. Кацура – единственный, кто вспомнил и рассказал о жизни этих двух незаурядных женщин.

В лабиринте «кротовых нор» «Фантомного беса» есть три магистральных хода. Первый из них – любовно-авантюрный, о чем уже кое-что было сказано. Второй ход научный – о фантастически-сложном мире ядерной физики. Эти страницы написаны так увлекательно, что я вспомнил книгу популяризатора науки Даниила Данина «Неизбежность странного мира», трижды издававшуюся в первой половине 60-х гг. Ее захлеб читали и «физики» и «лирики», и своими весьма скромными познаниями в этой сфере я обязан именно Данину. Поэтому я надеюсь, что об этом магистральном ходе романа скажет свое слово по-настоящему компетентный критик. Однако свою долю познаний в комментарии к роману я все-таки внесу. Среди многих персональных биографических линий заметна линия, связанная с жизнью и деятельностью Владимира Ивановича Вернадского, выдающегося ученого-энциклопедиста, по размаху научной деятельности не уступающего М. В. Ломоносову. Между двумя гениями науки многие видели перекличку двух голосов, разделенных полуторавековым пространством. Вернадского за его научные достижения в описании развития биосферы и за понимание планетарной роли человека смело можно назвать одним из первых подлинных глобалистов ушедшего века.

На страницах романа ученый-геолог появляется в 1910 г. – в Институте радия Марии Кюри. К этому времени В. И. Вернадский, помимо глубокого интереса к биосфере, на нынешнем этапе развития которой научная мысль становится, по его мнению, решающим фактором, был уже активным политиком, с 1903 г. членом «Союза освобождения», а в октябре 1905 г. на первом съезде был избран членом ЦК Конституционно-демократической партии народной свободы, более известной как партия кадетов, которая была оплотом либеральной оппозиции в Российской империи. С 1906 по 1917 г. Вернадский является членом Государственного совета, выбранный в этот высший орган власти от университетов и Академии наук (вы представляете академика Юрия Пивоварова или доктора исторических наук Андрея Зубова избранными в Совет Федерации?). В 1912 г. Владимир Иванович был избран ординарным академиком по минералогии. В июле-ноябре 1917 г. он занимает должность товарища министра народного просвещения в правительстве А. Ф. Керенского. 28 ноября советское правительство издало декрет, объявивший кадетов «партией врагов народа», а членов руководящих учреждений партии – подлежащих аресту и суду революционного трибунала. В итоге в Советской России ученый оказался вне закона. Оказавшись в Киеве, он участвует в основании Украинской академии наук и избирается ее президентом (при полной поддержке «ставленника немецких оккупантов» гетмана Украины П. П. Скоропадского). В эти дни он официально выходит из партии кадетов, чтобы его, этнического украинца, не считали «москалем». В 1920 г. в Киев приходит Красная армия. Ученый перебирается в Крым. Он получает из Англии приглашение на научную работу, но в октябре 1920 г. его избирают ректором Таврического университета в Симферополе. Университет основан в 1918 г., ему покровительствует Верховный Правитель Юга России барон П. Н. Врангель, «черный барон, послушный пес Антанты». Сын ученого Георгий Вернадский, профессор-историк, будущий белый эмигрант, евразиец, станет по рекомендации Петра Струве главой отдела печати Крымского правительства. В январе 1921 г. семья Вернадских отправляет-

ся санитарным поездом из Симферополя в Москву (кроме сына Георгия, ушедшего в эмиграцию), а затем в Петроград. Удостоверение на выезд было подписано наркомом здравоохранения Н. Семашко. Но уже в июле того же 1921 г. Вернадского арестовывает ЧК. «Почему? Зачем?», – словно бы задается вопросом автор романа. Ответ на поверхности. Раньше у чекистов просто руки не дотягивались до бывшего видного кадета (как раз в эти дни они спешно сооружали провокационное дело Таганцева, профессора-географа, якобы готовившего заговор интеллигенции против большевиков. Именно по этому делу среди сотен других интеллигентов будет расстрелян поэт Николай Гумилев). Вернадского из расстрельного подвала вытащил тот же Семашко, помчавшийся с ходатайством о спасении ученого (уже тогда с мировым именем) к Ленину и Дзержинскому. Те милостиво пошли навстречу. Знали бы эти люди, о чем позднее будет писать Вернадский в своем потаенном дневнике о советской власти, о коммунистической партии и ее вождах! Ему бы сразу же настал конец за такую, например, мысль: уровень среднего члена ВКП(б) значительно ниже среднего уровня гражданина советского общества, а уровень высших партийных руководителей – ниже уровня среднего партийца.

В романе спрятан намек на удивительную цепь событий, приведших к рождению концепции ноосферы. Выпущенный из подвалов ЧК ученый заявил, что он не может дышать, и попросился на время за границу. Чувствуя свою вину, власти отказать не решились и пошли на немислимый по тому времени шаг – выписали «буржуазному ученому» научную командировку в Париж. В Сорбонне Вернадского встретили с восторгом и попросили прочитать курс лекций об эволюции биосферы. Он охотно согласился и в сезон 1922–1923 гг. прочитал курс, который, затаив дыхание, слушала научная общественность французской столицы. Владимир Иванович с увлечением рассказывал о том, что биосфера входит в новый исторический этап, когда на планете в беспрецедентных масштабах начинает господствовать человеческий разум, а сам человек становится геологической силой. Среди слушателей оказались два ученых, которых глубоко тронули идеи русского геолога-космиста – палеонтолог, религиозный мыслитель Пьер Тейяр де Шарден и философ-математик, последователь Бергсона, Эдуард Леруа. В последующие годы эти двое продолжали размышлять в данном направлении, и в 1927 г. Леруа предложил новый термин – ноосфера (в том примерно смысле, что планета, окруженная сферой жизни, ныне все более окружает себя сферой мысли). Об этом новом словечке Вернадский узнал уже в Москве (из частной переписки) и с удовольствием его принял. А к концу жизни (в 1944 г.) написал небольшую, но очень емкую статью «Несколько слов о ноосфере». Уже в послевоенные годы Тейяр де Шарден собрал значительную часть этих идей в единой книге «Феномен человека», получившей всемирную славу. Один из ближайших выводов из этой истории звучит парадоксально и с горькой почти насмешкой: не посади чекисты Вернадского в застенки, не было бы последующей командировки во Францию и, возможно, не появилась бы на свет теория ноосферы.

«Война вторая» (1939–2020 гг.) – это время жизни поколения, к которому принадлежат и автор романа А. Кацура, и я, автор этой статьи, и, думаю, большинство читателей «Фантомного беса». Эту вторую часть продолжает пронизы-

вать третий, пожалуй, главный магистральный ход – ход истории (уже отчетливо в глобальном измерении). Здесь в художественной, метафорической форме затронуты многие из тех глобальных проблем, которые были системно изложены в научной монографии, вышедшей несколькими годами раньше (Кацура и др. 2015).

С некоторым злорадным восхищением, но и с чувством озабоченности за автора я читал исторические страницы романа и пытался представить, как бы могли на них реагировать «просвещенные консерваторы» (или «системные либералы») из окружения президента, зачумленные коммунисты-сталинисты, зоологические патриоты с пещерной идеологией, параноидальные борцы с «фальсификациями и искажениями исторической правды» из Военно-исторического общества, «охранители истории» из НОДа и прочие охотнорядцы. Увы! Русская история пронизана духом национального нарциссизма, духом самовлюбленности и превосходства над всем остальным миром. Когда-то об этом губительном для русского народа феномене замечательно говорил уже упоминавшийся историк В. О. Ключевский в части третьей «Курса русской истории». На примере Смутного времени Ключевский показал, к каким последствиям приводит нацию или народ слепой нарциссизм. На Руси его источником было православное общество церкви, наполнившее к началу XVII в. религиозной самоуверенностью и мирское население, и верховную власть. Основным мотивом этой самоуверенности была мысль, что только православная Русь, «третий Рим», осталась единственной обладательницей и хранительницей христианской истины, что другого «чистого» православия, кроме русского, нет и не будет. На месте вселенского сознания мерилом христианской истины стала национальная церковная старина: дедовское и отцовское предание. Эта косность наложила отпечаток на всю русскую культуру. Вот это-то бред национального самомнения будет сопровождать историю России на протяжении веков, порою непостижимым образом сочетаясь с преклонением перед иностранными нововведениями и самоунижением вообще перед всем иномземным.

В XX в. уже советский нарциссизм отрекся от канонической религии и принял форму коммунистической сверхполноценности, презирающей неполноценный буржуазный мир. К исходу века результаты оказались архиплачевными, весьма похожими на Смутное время. Национальный менталитет поразил комплекс неполноценности, развился массовый депрессивный синдром, охватила жажда не очищения, но реванша. И в полном соответствии с постулатами социальной психологии Синдром социальной исключительности, вступив в самоотрицающую стадию Социальной неполноценности, преодолел ее и диалектически превратился в нечто невиданное: в Комплекс Социальной Сверхнеполноценности. Рефлекс национального самосохранения подсказал единственный выход из депрессивного состояния: заявить, что мы – лучше всех, потому что мы – хуже всех. Ибо таких, как мы, нигде больше нет. Довольно частое детское инфантильное самоутверждение. Как раз им оказался в полной мере наделен пришедшийся ко двору новый «национальный лидер». Ныне российский нарциссизм-путинизм стал болезненно-обидчивым, оскорбленно-агрессивным, он поражен новым комплексом «Страдающего Нарцисса». Эта злокачественная патология не обещает России ничего, кроме новых обид и новых мучений.

Через весь роман проходит история Фатимского чуда – с 1917 по 2017 г. Увы, нет России помощи от Богоматери! Много лет назад что-то очень похожее сказал про нас сегодняшних умнейший человек России, признанный императором Николаем Первым сумасшедшим. Может ли народ, спрашивал Петр Чаадаев, раз осознавший, что он в течение века шел по ложному пути, в один прекрасный день простым актом сознательной воли вернуться по пройденному следу, начать развитие сызнова, воссоединить порванную нить своей жизни? «Басманный философ», как называли Чаадаева, в середине позапрошлого века обрисовал историческую ситуацию, как две капли воды похожую на сегодняшнюю российскую действительность. Но никакого ответа на вызов философа Россия дать не может.

На исторических рубежах романа мы видим Первую русскую революцию и Русско-японскую войну, Первую мировую войну, Февральскую революцию и Октябрьский переворот, Ленина, Троцкого, Сталина, гражданскую войну и ее последствия, начавшуюся советскую экспансию на Запад и на Восток, преддверие Второй мировой войны и неблагоприятную роль Сталина и Советского Союза в ее развязывании, довоенные и послевоенные репрессии, государственный антисемитизм и его жертв, Хрущева и оттепель, Карибский кризис, воцарение Брежнева и «застой», начало перестройки и Горбачев...

Несколько глав о последних днях Иосифа Сталина потрясают своей изобразительной мощью. Автор виртуозно владеет техникой литературного сюрреализма: описание предсмертных кошмаров вождя народов напоминает чудовищные образы с полотен И. Босха и П. Брейгеля. На недавней выставке Сальвадора Дали в Манеже, стоя перед его холстами и графикой, я невольно вспоминал главы романа «Поэт Джугашвили в творческом экстазе», «Приходят ли к убийце убитые?» и «Свободные люди не думают о смерти». Особенно близки этим главам иллюстрации к «Божественной комедии» Данте (часть первая, «Ад»). Что ж, других видений умирающий людоед не заслужил.

В середине первой части романа есть многозначительный эпизод. Лео Силард, один из выдающихся зарубежных физиков-атомщиков (если не самый выдающийся!), предлагает полусерьезно составить открытый заговор умных и честных людей. Его с любопытством слушают Герберт Уэллс и Мура Будберг. Заговорщики могли бы назвать себя «Союзом умных за справедливость». Для начала бы хватило шести-семи участников. В их числе Силард прежде всего видит А. Эйнштейна и З. Фрейда. Ну а в итоге в заговоре должны объединиться сто умнейших людей планеты, готовых мыслить и действовать согласно. Когда-то о ста избранных, способных совершить «культурную трансформацию», мечтал Фридрих Ницше, полагая, что культура Возрождения «выросла на плечах такой сотни». «Возможно, – писал философ-поэт, – путем счастливой изобретательности получить типы великих людей... придет новая раса гениев и талантов...» [см.: Черкасов-Корнющенко 2010]. И Эйнштейн, и Фрейд поддержали идею открытого заговора. Но... Последние страницы книги поясняют, почему этот заговор не удался.

Заключительная глава второй части романа озаглавлена «Бомба для беса». Перед приемом у римского папы Иоанна Павла II (Кароля Войтылы) в 1994 г. встречаются двое престарелых ученых, «осчастлививших» мир сначала атомным,

а затем и термоядерным оружием. После приема Эдвард Теллер и Юлий Харитон продолжают свою беседу. Имя первого было хорошо известно в Советском Союзе, так как в 1960–1970-е гг. не было в стране политических обозревателей и публицистов, которые не награждали бы ученого титулом «ястреб холодной войны». О чем же беседуют два злых гения человечества?

Читая диалог Теллера и Харитона, я вспомнил первый послевоенный роман Лиона Фейхтвангера 1946 г. Вернее, не столько сам роман, сколько его название: «Лисы в винограднике». Для этого названия автор использовал текст библейской Песни Песней Соломона: «Ловите нам лисиц и лисенят, которые портят виноградники, а виноградники наши в цвете» (Песнь Песней 2:15). В книге писателя-антифашиста лисы и лисенята – это французские просветители Века Просвещения, от Вольтера до Бомарше, которые «подгрызали» королевский виноградник и «догрызли» его до Французской революции. «Лисы в виноградниках» бывают всегда и везде, даже если они кормятся с этих виноградников.

Теллер не снимает с себя «смертного греха немислимой тяжести». Вспоминает Эйнштейна, корившего себя за освобождение «фантомного беса», Силарда, который места себе не находил после сожжения японских городов. Мы можем добавить Роберта Оппенгеймера, руководителя атомного проекта, отказавшегося участвовать в создании водородной бомбы, супругов Розенберг, казненных за шпионаж, того же Клауса Фукса, по наивности передавшего секретные документы в ведомство Лаврентия Берии. Можно вспомнить и летчика, участника бомбардировки Хиросимы, сошедшего с ума в результате раскаяния. В метафорической позиции, предложенной Фейхтвангером, все эти люди – «лисы в винограднике», они – несогласные, неконформисты с проснувшейся совестью, пытающиеся сопротивляться хозяевам виноградника.

Теллер пытается убедить Харитона в той простой истине, что они сделали злодейскую штуку, а Харитон вложил эту штуку в руки главному бесу – Сталину. Но советский физик оправдывается: «Мы защищали социальные достижения... нас вынудили... не будь у нас бомбы, история могла бы пойти другим путем, вероятно, более агрессивным». Видя, что переубедить собеседника очевидными и страшными фактами из истории России прошедшего века нельзя, Теллер говорит ему на прощание: «Вот придет у вас к власти какой-нибудь мрачный безумец. И будет бормотать про радиоактивный пепел. У вас по-другому, как я вижу, не бывает. И будет ему умирать одному грустно и скучно. И возьмет он и шандарахнет по кнопке!» «Этого не будет, – сказал Харитон. – У нас этого не допустят».

Остается задать вопрос: почему среди российских, точнее, советских ученых ни до создания атомной бомбы, ни после создания водородной бомбы, ни после их испытаний не нашлось лисиц в винограднике? Кроме, может быть, Л. Д. Ландау и А. Д. Сахарова, пошедших против течения и пострадавших за это? Что, советский виноградник был хорошо защищен от лисенят? Или эти ученые были такими же доверчивыми, как Ю. Харитон, и верили в защиту великой идеи? Какие же они тогда ученые?! Где их мозги, где их раскрепощенная мысль? Или они, как тот же Ландау, верили в то, что атомная бомба сделала войну бессмысленной? Или все проще – в атомном советском винограднике хорошо кормили и хорошо платили? В любом случае, эти выдающиеся люди потеряли чувство реальности.

Невольно вспоминается хлесткая фраза Джона Стюарта Милля: «Недовольный Сократ лучше довольной свиньи».

«Открытый заговор» Лео Силарда под лозунгом «Вольтеры всех стран, соединяйтесь!» (идея А. В. Кацуры), увы, до сих пор не состоялся. Есть культура Вольтера и есть культура фельдфебелей. Может быть, в демократических странах такой заговор уже не столь актуален, но в России, где тон по-прежнему задают фельдфебели, где лисиц сажают, изгоняют и убивают, а лисенят ловят и заключают в клетки, было бы необходимо единение Вольтеров. Сколько их там осталось?

Эпилог романа таинственен, мистичен. На пустынном берегу собраны несколько великих мудрецов XX в. Им задан вопрос: «Готовы ли бежать мы из тесных, как колодки, пространств и времен? Способны ли постичь высшие смыслы бытия? Или все напрасно?» Ответы мудрецов (А. Эйнштейна, П. Тейяра де Шардена, Г. Федотова) напоминают размышления Эриха Фромма о кошмарах ученого, достигшего, казалось бы, самых вершин мысли.

Отстраненно молчит одиноко сидящий в стороне Лео Силард. И только Александр Блок, с чьих слов начался роман, дает свой завершающий ответ:

А пока – в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других...

Литература

Кацура А. В. Наброски к теории чудес. Роман. М. : Радуга, 2007.

Кацура А. В., Мазур И. И., Чумаков А. Н. Планетарное человечество. На краю пропасти. М. : Проспект, 2015.

Кацура А. В. Фантомный бес: Музы и бомбы. Роман-предупреждение. М. : Эксмо, 2020.

Ключевский В. О. Тетрадь с афоризмами. М. : Эксмо-Пресс, 2001.

Спенсер Г. Опыты научные, философские и политические. Пг. : Тип. Минькова, 1921.

Фаулз Дж. Кротовые норы. М. : Махаон, 2003.

Фромм Э. По ту сторону поработающих нас иллюзий. М. : АСТ, 2010.

Черкасов-Корнющенко Д. И. Наброски к роману Александра Кацуры // Вестник РФО. 2008. № 1. С. 140–143.

Черкасов-Корнющенко Д. И. Элитарная концепция пайдеи в философии Фридриха Ницше. М. : Спутник +, 2010.

Черкасов-Корнющенко Д. И. Метафизический полет над Бездной по великому христианскому Кольцу / А. Кацура // Полет над бездной... М. : Проспект, 2018. С. 219–239.

References

Kacura A. V. Nabroski k teorii chudes. Roman [Outline of a Theory of Miracles. Novel]. Moscow : Rainbow, 2007.

Kacura A.V., Mazur I. I., Chumakov A. N. Planetarnoje chelovechestvo. Na kraju propasti [Planetary Humanity. On the Edge of the Abyss]. Moscow : Prospect, 2015.

Kacura A.V. Fantomnyj bes: Muzy i bomby. Roman-preduprezhdenije [Phantom Demon: Muses and Bombs. The Novel-Warning]. Moscow : Eksmo, 2020.

Ključevskij V. O. Tetrad' s aforizmami [Notebook with Aphorisms]. Moscow : Eksmo-Press, 2001.

Spencer H. Opyty nauchnyje, filosofskije i političeskije [Essays: Scientific, Political, and Speculative]. Petrograd : Type. Minkova, 1921.

Fowles J. Krotovjye nory [Wormholes]. Moscow : Mahaon, 2003.

Fromm E. Po tu storonu poraboshhajushhij nas illyuzij [Beyond the Chains of Illusion]. Moscow : AST, 2010.

Cherkasov-Kornushhenko D. I. Nabroski k romanu Aleksandra Kacury. [Outline of the Novel by Alexander Katsura] // Bulletin of the Russian Philosophical Society. 2008. No. 1. P. 143.

Cherkasov-Kornushhenko D. I. Elitarnaja koncepcija pajdeji v filosofii Fridriha Nicshe [Payday an Elitist Concept in the Philosophy of Friedrich Nietzsche]. Moscow : Sputnik+, 2010.

Cherkasov-Kornushhenko D. I. Metafizičeskij polet nad Bezdnoj po velikomu hristianskomu Kol'cu [Metaphysical Flight Over the Abyss along the Great Christian Ring] / A. Katsura // Polet nad Bezdnoj [Flight over the Abyss]. Moscow : Prospekt, 2018. Pp. 219–239.

ВОЗМОЖНА ЛИ МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ? О ВАЖНОСТИ АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Мюнникс Г.*

Статья посвящена проблеме межкультурного взаимодействия и взаимопонимания в условиях все более усиливающихся международных связей и контактов современной глобализации. Автор анализирует проблему, обращаясь к фундаментальным и наиболее авторитетным источникам по данной теме. При этом особое внимание уделяется тонкостям перевода, когда сохранение основных смыслов исходного текста становится делом принципиальной важности. В итоге делается вывод, что знание другого языка, кроме родного, может служить хорошей профилактикой невежества, поскольку это уже само по себе имеет воспитательную и образовательную ценность, а также создает условия для мирного сосуществования народов в глобальном мире.

Ключевые слова: язык, культура, глобальные отношения, межкультурное взаимодействие, философия, глокализация, особенности перевода.

The article is devoted to the problem of intercultural interaction and mutual understanding in the conditions of ever-increasing international relations and contacts of modern globalization. The author analyzes the problem, appealing to the fundamental and most authoritative sources on this subject. At the same time, special attention is paid to the intricacies of translation, when the preservation of the basic meanings of the original text becomes a matter of fundamental importance. As a result, it is concluded that knowledge of a language other than the native one can serve as a good prevention of ignorance, since this in itself has an educational value, and also creates conditions for the peaceful coexistence of peoples in a global world.

Keywords: language, culture, global relations, intercultural interaction, philosophy, glocalization, translation features.

Иностранные языки

Антон Вильгельм Амо (также известен как Энтони Уильям Амо) приехал в Германию в качестве так называемого «каммермора» (нем. *Kammerrath* – придворный слуга с черным цветом кожи, который был практически при всех европейских дворах в XVIII в.) из Западной Африки: в раннем возрасте его продали в рабство, а позднее выкупили. Он служил камергером при немецком дворе, но ему посчастливилось получить покровительство герцога. Он свободно владел немецким и латынью, значительно преуспел не только в изучении философии,

---

* Мюнникс Габриель – доктор философии, профессор Университета Инсбрука (Австрия), президент Международной ассоциации профессоров философии. E-mail: gabriele@muennix.de.

но и в академической сфере. Амо стал первым философом африканского происхождения в Германии и даже публиковался на латыни. Кроме того, он выучил еще три индоевропейских языка и иврит. Через множество философских трудов он изучал новые языки, в дальнейшем помогавшие ему формулировать собственные мысли, которые он излагал в своих работах, например, в одной из своих диссертаций «О праве мавров в Европе» (*De iure Maurorum in Europa*), которая, к сожалению, была утрачена. При этом мысли, опубликованные в работах, относящихся к его ранней просветительской деятельности, он не смог бы сформулировать на своем родном языке.

Таким образом, мы подходим к тому, что более 2000 языков коренных народов Африки, составляющие основу весьма разнообразной культурной идентичности, до сих пор настолько маргинализированы в академической сфере, «что они едва ли рассматриваются в межинтеллектуальных дискурсах» [Mabe 2017: 103]. Помимо этого, речь идет не только о продолжающейся политической маргинализации во времена постколониализма, но и о продолжающейся языковой дискриминации, связанной с ограничениями и препятствиями, чинимыми угнетаемому языку и его носителям [Chumakov 2016: 73].

Речь также идет о самых базовых лингвистических сложностях. Дж. Мэйб дает понять, что «перевод абстрактных терминов на африканские языки <...> представляет собой серьезную проблему для африканских философов» [Mabe 2017: 114], и сам приводит пример, как это могло быть реализовано, например, на его родном языке бассаик, одном из более 500 языков языковой группы банту. Вот некоторые его примеры: *диалектика* = «ngi rodba»: то, что не противоречит самому себе; *метод* = «Li ndpdl»: то, каким путем следует человек; *логика* = «Li ndgd1»: основополагающий принцип понимания; *идея* = «tééhene»: что-то нерелятивное, что человек видит только тогда, когда думает; *бытие, суть* = «Yé, bà»: то, что видно или то, что соответствует нашей идее в объективной реальности; *онтология* = «Bà Pdd1»: доказательство существования чего-либо; *цивилизация* = «Nok nin»: понимание или наслаждение жизнью.

Эти примеры демонстрируют, что ликвидация лингвистических сложностей – только первый шаг на пути к тому, чтобы африканские мыслители могли выражать себя емко и научно на своих родных языках; не только быть услышанными в международной научной среде, но и быть понятыми на их родном языке, чтобы способствовать развитию конструктивного диалога.

Кроме того, речь идет не просто о терминах и понятиях, как у Мэйба, которые ведут к возникновению интересных межкультурных различий, выходящих за рамки простого заимствования слов. Например, японо-китайский термин «Qi»/«Chi» позволяет объединить различные явления в один термин: «некоторые вещи могут быть выражены более просто и в то же время более дифференцированным образом» [Elberfeld 2012: 379, 303–312, 382]. И понятие «культура» в нашей языковой среде выражается по-разному в разных языках, например, как слово «ветер» в японском языке [Ohashi 1983: 79–93].

Конечно, речь идет об основных различиях языковых структур, которые мы бы хотели проиллюстрировать на примере двух других африканских языков, потому что все вышеописанные трудности, связанные с выражением общих понятий, не просто любопытны, а свидетельствуют о невозможности одного языка

выразить что-то помимо основных характеристик называемого объекта или явления, заимствованных из другого языка. (Ранее предполагалось, что такой способ выражения непосредственно связан с отстающим развитием африканских племен, и эта же характеристика присуща грамматике их языков.) Например, в своей работе А. Кагаме обращает внимание на то, что в этих языках происходящее не может быть выражено исключительно грамматическими категориями в отрыве от своего места и других определений [Kagame 1970]. А в эве, одном из девяти языков, официально используемых на родине Антона Вильгельма Амо в Гане, даже не существует глагола «быть». Здесь «понятие бытия, или то, что мы назвали бы этим именем, разделено на несколько глаголов» [Benveniste 1977: 87].

Но Э. Бенвенист, чьи лингвистические исследования отнюдь не устарели, комментирует: «Подобное выражение фактов на языке эве содержит нечто отчасти искусственное. Описание было предпринято с точки зрения нашего языка, а не, как это должно быть, в рамках самого исследуемого языка. Ничто в морфологии или синтаксисе языка эве не связывает эти пять глаголов. Только в отношении наших собственных языковых традиций мы обнаруживаем нечто общее для всех них. Преимущество этого “эгоцентрического” сравнения заключается именно в том, что оно дает нам информацию о нас самих; в этом разнообразии употребления слова “быть” в греческом языке возникает ситуация, характерная для всех индоевропейских языков <...> Мы не можем сказать, какое место занимает “бытие” в метафизике языка эве, но этот термин должен быть сформулирован там совершенно иначе» [*Ibid.*: 89].

Однако в нашей культуре английского языка (индоевропейской языковой семьи) связка глагола «быть», выступающая в качестве связующего звена между субъектом и объектом, имеет по меньшей мере три значения: принадлежность, включение и существование. Но как это происходит в языках, которые вообще не имеют подобного глагола-связки, таких как иврит, русский или арабский [Turki 2017: 69; Derrida 1988: 195–227]?

В противоположность этому Л. Вайсгербер в своей знаменитой работе «Человек в винительном падеже» [Weisgerber 1958] пришел к выводу, что индоевропейские языки имеют иной «подход» к миру, за которым мы можем заподозрить скрытую метафизику.

В этой связи интересно рассмотреть другие лингвистические формы, в которых метафизическое мышление отражается в других языковых семьях. Не отталкиваясь от евроцентрической проекции, возможно, мы найдем что-то похожее и в других культурах. Ибо если мы всегда будем мерить чужое мерилom нашего собственного, то специфика чужих способов мышления неизбежно останется скрытой от нас.

Г. Лейбниц был заинтересован в знакомстве с другими подходами для того, чтобы дополнять и корректировать свой собственный [см.: Münnix 2020: 133]. Разные языки всегда предполагают разное восприятие мира, и разные способы мышления, например мышление о природе, могут обогатить наше собственное. Таким образом, программы онлайн-перевода, которые предлагают нам готовые тексты на нашем языке, не способствуют лучшему пониманию оригинального языка, с которого был осуществлен перевод.

Существует ли универсальная грамматика?

Именно здесь возникает наиболее известный на сегодняшний день антитезис к принципу лингвистической относительности: концепция Ноама Хомского об универсальной грамматике, которая должна лежать в основе всех языков. Данная универсальная грамматика является своего рода логической основой для каждого языка. Для Хомского за всеми языками стоит один и тот же независимый от языка структурированный разум с универсальными правилами. Тогда, конечно, любой перевод, который возвращается к независимому от языка мышлению, не является проблематичным. У Хомского мы находим продолжение идеи Лейбница о логическом универсальном языке, которая, конечно, восходит к декартовской идее врожденного вида генетической предрасположенности, которую Хомский представляет себе как общую языковую компетенцию. Она дана нам априори, аналогично врожденным идеям Декарта, и повлияла на «коммуникативное априори» у Ю. Хабермаса. Хомский обращается к «картезианской лингвистике», которую он выделяет уже во Франции в XVII–XVIII вв. [Chomsky 1971: 71; Karageorgieva 2017: 121]. В отличие от частных грамматик различных языков и языковых условностей, мы говорим здесь об общей грамматике, которая определяет природу мышления, и поэтому она универсальна.

Являются ли релятивистские теории более подходящими?

Универсалисты спорят с релятивистами о связи между мышлением и языком и о взаимовлиянии, которое возникает в результате. Для универсалистов общие и универсально значимые мыслительные структуры доступны априори. Они лежат в основе всех языков, позволяя нам понять тот или иной текст и делая возможным соответствующие переводы. И здесь от Хомского можно провести линию назад к Г. Лейбницу, Р. Декарту, Раймунду Луллию. Мы можем даже провести эту линию к платоновским концепциям идеального существования как источника всей множественности.

С другой стороны, для релятивистов независимое от языка мышление вообще невозможно, оно всегда возникает вместе с языковыми структурами наших родных языков. И даже если позже мы изучаем другие языки, первые впечатления родного языка сохраняются. Сторонники разнообразия и своеобразия языков ссылаются, с одной стороны, на Ф. Ницше [Diagne 2017: 212], а с другой – на тезис Б. Уорфа о лингвистической относительности. Здесь можно провести линию от его учителя Эдварда Сапира, эмигрировавшего из Германии в Америку, к философии языка И. Гердера и В. фон Гумбольдта. И, наконец, постмодернистская оценка множественности и разнообразия, на которую, в частности, повлияли Ф. Ницше и американский прагматизм [см.: Müppich 2020: 24], может быть прослежена до досократиков, которые высоко оценены Ницше. В качестве примера можно взять Протагора.

С другими языками мы неявно узнаем другие способы мышления. А из философии перевода следует, что адекватные переводы между языками обычно существуют только внутри языковых семей со сходными структурами, например, внутри индоевропейской языковой семьи, которую Б. Уорф называет «стандартными средневропейскими» языками. Но даже внутри этих языковых семейств мы находим выражения, которые, как показывает У. Эко [Eco 2014: 111], не могут

быть переведены. Например, следует отметить, что онтологическое различие М. Хайдеггера между бытием «Sein» и сущим «Seiendes» вряд ли может быть понято по-английски; там есть только одно выражение – «бытие». И понятие «гражданство», «citoyenneté», не переводится должным образом на немецкий язык.

Таким образом, искусство перевода заключается в поиске эквивалентных выражений одного и того же значения на разных языках [Ricoeur 2016], а там, где текстуальная точность невозможна, приходится окуна́ться в поиск творческих решений в виде замены, чтобы носители целевого языка могли адекватно понять то, что подразумевалось в исходном тексте. Однако при этом первоначальный смысл может быть искажен, как это можно показать на примерах переводов Библии и Корана [Czajka-Cupico 2017]. Таким образом, переводчики всегда находятся словно на натянутом канате не только между соответствующими языками, но и между текстуальной и адресной ориентацией на языке перевода. Благодаря своим языковым навыкам они представляют собой парадигму межкультурного взаимопонимания: они являются посредниками в общении представителей разных народов и выполняют связующую функцию между различными культурами.

Лингвистические исследования сегодня, кажется, согласуются с последней линией описанной традиции, но ввиду трудностей и опасений релятивизма, который всегда приносит неопределенность, потребность в некоторых лингвистических универсалиях в нашем сознании как своего рода универсальном программном обеспечении кажется огромной. Нам бы очень хотелось верить, что мы всегда можем перевести и понять все, не отказываясь от того, что нам знакомо. Есть ли выход из этой дилеммы? Существует ли позиция, с которой, возможно, обе стороны могут жить?

Перспективы

Есть ли у языков общая субстанциональная сущность, например, общая логическая или грамматическая структура, к которой нужно обратиться, чтобы иметь возможность переводить выражения, сохраняя их первоначальное значение? Или это просто условности, которые заставляют нас видеть мир по-другому? Можно, конечно, предположить, что человек ближе к природе в бессубъектных языках [см.: Такауата 2017: 89]. А каково оправдание использования одних и тех же общих понятий?

Вопрос относится к средневековому спору об универсалиях, в котором развились позиции идеализма (Платон), реализма (Аристотель) и номинализма (Оккам): что есть реально сущее? Обладает ли общее признаками реального бытия или нет? Этот спор продолжается и по сей день и трактуется в англоязычном мире как конфликт между эссенциализмом (субстанциализмом) и конвенционализмом. Но, на мой взгляд, Л. Витгенштейн нашел решение этому разногласию [см.: Vambrough 1961], которое основано не на категории субстанции (вопрос поставлен неверно), а на категории отношения. Языки не имеют общей сущности, которая связывает их всех друг с другом (почему мы называем их языками), но скорее мы можем наблюдать «семейное сходство» (понятие, которое Л. Витгенштейн перенял у Д. Юма). Они образуют когерентную сеть, в которой области общих или сходных явлений могут перекрываться, тогда как в других аспектах они могут казаться очень странными. Кроме того, после обращения Витгенштейна к тео-

рии нормального языка вы должны видеть языки не только морфологически независимыми от соответствующего им мира, где они располагаются, и конкретных речевых контекстов. «Тезис идентичности» Витгенштейна (значение – использование, семантика и прагматика отождествляются) относится не только к целым предложениям в определенном контексте, но и в более общем плане к речевым актам: «да» перед судьей или регистратором будет иметь другое значение, как в случае с термином «группа» в дискуссии среди математиков или социологов. Причем, говоря о более сложном примере, один и тот же термин «картина» может употребляться не только в смысле носителя картины (носителя информации), эталона картины (того, что изображено) или представления и тем самым обозначать различные аспекты. («На картине есть трещина», «на картине изображен мой отец», «предмет картины особенно хорошо выполнен»). Кроме того, термин может иметь различные значения, переплетенные с различными культурно-религиозными концептуальными традициями, такими как реальное присутствие изображаемого (которое должно быть исключено при любых обстоятельствах, вплоть до радикальных запретов изображения). С другой стороны, изображения как указательные знаки или следы могут только намекать на то, что изображено, оставляя возможность для интерпретации даже запретных тем, что имеет место в отдельных культурах [Münix 2019: Teil II].

Здесь вступает в игру не только идея концептуальной истории, но и контекстная чувствительность, связанная с соответствующими «формами жизни» и «языковыми играми», которые порождают смысл. Таким образом, релятивизм Л. Витгенштейна (его последователи даже обсуждают, можно ли вообще назвать эту контекстуальность релятивизмом) отличается от релятивизма Б. Уорфа и был назван «релятивизмом языковой игры». Вопреки положению Уорфа, не грамматика наших родных языков заставляет нас думать именно так, а не иначе. Мы можем и должны следовать определенным правилам, чтобы быть понятыми другими. Но мы можем выйти за пределы этих правил творческим путем. В своем исследовании азиатской философии М. Хайдеггер ясно видел, что наши индоевропейские языки, которые часто склонны к номинальным конструкциям, требуют своего рода мышления против самого языка и деконструкции наших собственных терминологий, чтобы получить больше пространства для процессуальных аспектов. Таким образом, Хайдеггер нашел новые языковые творения для выражения процессуальности бытия и создал глаголы из существительных: the essence – «essences», the wood – «woods», a tear – «tears», a river – «rivers» и т. д.

Для Л. Витгенштейна языки подобны железнодорожным путям, которые привели нас сюда из прошлого и к которым мы были привязаны. Но мы можем и должны продолжать строить их в будущем сами. И для этой цели мы можем использовать структуры и понятия, которые находим в других языках, потому что переходы к пониманию других языковых миров возможны с помощью перекрытий в общих чертах: они не являются полностью чужими.

Нам стоит снова поднять вопрос: определяет ли мышление язык или соответствующий язык определяет наш образ мышления? Концепция Витгенштейна делает возможной диалектическую позицию, в которой наше мышление естественно формируется конвенциями традиционных языковых структур, но тем не менее способно порождать другие формы языка перед лицом других возможностей, ко-

торые, в свою очередь, могут по-новому влиять на наше мышление, чтобы направить его в будущее.

Однако, как показал витгенштейновский «частный языковой аргумент», язык не существует независимо от языка мышления: если мы хотим обозначить внутренние состояния (такие как состояния боли) не только для других, но и для себя, и даже если мы хотим воспринимать их в их специфической природе, нам нужны концептуальные дифференциации, данные в наших языках, так что с этой точки зрения даже различие между внутренним и внешним становится устаревшим или бессмысленным [Тег 1990].

Различные языки предлагают и представляют разные точки зрения на мир, которые могут порождать различные взгляды, которые мы, тем не менее, можем разделять (как это смог сделать Антон Вильгельм Амо). Р. Бэмброу приводит пример жителей островов Южного моря, которые классифицируют деревья не по нашим морфологическим критериям, а по функциональным признакам, которые позволяют им видеть «деревья для строительства домов, лодок, дорожек» и т. д., и «там, где мы увидим смешанную плантацию, они этого не сделают» [Wittgenstein 1968].

Но эти различные точки зрения не приводят к тотальному релятивизму, который сделал бы невозможным любое понимание. В своей концепции мультиперсональности я показала, что различные взгляды могут обогатить нас, расширить и дополнить наше мышление [Münniks 2020: 180].

Именно в этом смысле выразился В. Беньямин, принимая во внимание следующее: даже если мы испытываем неудовлетворенность при переводе иностранных языков, «поскольку никогда невозможно воспроизвести все значения исходного языка в языке перевода», мы должны оставить себе ощущение, что все языки могут в конце концов сойтись, поскольку «в каждом из них в целом может подразумеваться одно и то же, что, однако, не может быть достигнуто одним из них, но только совокупностью их взаимодополняющих намерений» [Benjamin 1973: 187]. Тем не менее мы все еще далеки от такого синопсиса, мы все еще слишком мало знаем о культурных корнях языков мира, хотя сравнительные лингвистические исследования достигли большого прогресса.

И здесь уместна фраза Р. Робертсона о «глокализации»: для адекватного решения глобальных проблем представляется необходимым иметь дело с процессами глобализации, используя «*aliqua franca*» (лингва франка), то есть такие языки, как английский и, в значительной степени, испанский. Но одних этих языков совершенно недостаточно для лучшего понимания перспектив иного мира, из которых мы могли бы узнать другие взгляды, если бы эти особенности не были слишком быстро нивелированы. Поэтому процессы локализации в конкретных языковых мирах всегда необходимы для того, чтобы описывать и реально понимать чужие культуры и соответствующие им языковые миры не только извне, проецируя на чужое, но и на свои собственные схемы интерпретации. Только путем реального изменения перспективы мы можем научиться лучше понимать специфику нашего собственного подхода; и таким образом мы можем понять, что наш собственный культурно укоренившийся языковой фон – и связанные с ним мировоззрения – может иметь слепые пятна: мы не видим того, чего не видим. И только благодаря такому опыту можно было бы осмысленно рассматривать бо-

лее глобальные перспективы на более высоком уровне, не нивелируя естественное многообразие культур и языков.

Связь между культурами

В начале лета 2016 г. федеральное правительство Германии представило официальный документ, в котором говорилось о «вызове», который Россия бросила Украине. Русская пресса перевела это словом «угроза» и с негодованием сообщила о своем несогласии с позицией Германии. Учитывая недавнюю историю, это не только вызвало острую реакцию среди российских политиков, но и подтолкнуло их к словесной агрессии, что привело к значительному ухудшению отношений и дипломатическим трудностям. Преднамеренные или непреднамеренные ошибки перевода могут исказить смысл и затруднить межкультурную коммуникацию. Но трудности выходят далеко за рамки ошибок перевода. Например, бывшая госсекретарь США Мадлен Олбрайт однажды сообщила о разговоре с покойным Ким Чен Ир, в ходе которого она пришла к заключению, что они договорились о моратории на ракетные испытания, тогда как позже выяснилось, что Северная Корея уже проводит программу по производству высокообогащенного урана. В итоге она сказала: «Мы знаем, что они врут». Примечательно, что высокопоставленный дипломат, не зная нюансов, похоже, полагался только на перевод произносимого слова. Однако следует знать, что в корейском языке – как и в японском – произносимое слово воспринимается в перспективе длительностью пауз, что, особенно на конференциях, позволяет сторонам сохранять лицо и является выражением вежливости [Maletzke 1996: 189–192]. Помимо произносимого слова существует невербальный подтекст, который представители экспрессивной культуры часто даже не замечают, потому что они заиклены на произносимом слове.

Но что мы можем понимать под понятием «экспрессивная культура»?

Я остановлюсь на книге о межкультурной коммуникации Фридемманна Шульца фон Туна и Дагмар Кумбир, где в статье «Почему Карл и Кэйдзо нервнируют друг друга» авторы различают две разные концепции действия общения между немцами и японцами. С одной стороны, мы находим (контекстно зависимую) ситуативную ориентацию на стороне японского собеседника, а с немецкой стороны – экспрессивную ориентацию, которая не учитывает ситуативное окружение. Соответствующие типы общения характеризуются «общинным Я» с японской стороны и «индивидуальным Я» с немецкой. Это различие еще более углубляется в «ориентацию на отношения» и «ориентацию на факты», а также в различие между имплицитной и эксплицитной коммуникацией, чтобы пробудить чувствительность к взаимным обвинениям в случае неудачной коммуникации. Японское высказывание «вы много играете на пианино!» ни в коем случае не может быть понято другой стороной как вежливая и неявно упакованная критика чрезмерного шумового загрязнения, а скорее как благодарственное высказывание в смысле «продолжайте в том же духе!» [Rez *et al.* 2009].

В культуре вежливости, ориентированной на отношения и имплицитное общение, «голая правда» часто может быть подчиненной, даже грубой, что совершенно отличается от экспрессивных и эксплицитных стилей общения. (Здесь мы действительно воздерживаемся от извращения внутрикультурной коммуникации

ложными утверждениями, сосредоточиваемся на непреднамеренном и бессознательном.) Вся книга посвящена проблемам понимания, возникающим из-за различий глубинных культурных традиций, но, что довольно странно, здесь не делается акцент на особенностях языковых структур и проблемах перевода. А ведь именно здесь артикулируются специфические культурно-исторические особенности! Об этом говорит Н. Плотников, когда обращает наше внимание на важность различных концептов в разных языковых традициях: помимо принципиально различных грамматических структур, с помощью которых мы постигаем реальность, могут существовать концептуальные категории, которые развивались по-разному и могли нести разные значения. Он иллюстрирует это понятием личности в немецкой и русской традициях: передача идей не допускает передачи один к одному, так как русское понятие личности имеет иную концептуальную историю и показывает только один из трех компонентов, связанных с западным понятием личности в западной истории философии [Plotnikov 2017: 241–249]. Переводчики, не имеющие представления о различных словесных полях и концептуальных традициях (с различными коннотациями), могут вызвать непонимание и раздражение даже за пределами перевода философских текстов, который лучше всего делают только философы, знающие об этих различиях (как вы переведете И. Канта или даже Аристотеля на китайский язык, ориентированный на процесс, где нет понятия «субстанция»?).

Как мы можем понимать не только высказывания или тексты, но и других людей из других культур? Несомненно, знание различных миров и их языковых форм жизни важно для понимания произносимого слова. Мы, конечно, должны использовать внутренние самоописания и интерпретации тех, кто живет в культуре, в качестве основы, ибо наблюдения извне недостаточно [Rehbein 2017: 337–352]. С внешней точки зрения мы можем найти другие вещи, которые являются более релевантными, чем те, которые считаются существенными внутри. Иностранные интерпретации могут содержать слепые пятна и упускать суть, но вы также можете быть слепы к специфике своего собственного языка. Поэтому, на мой взгляд, обе точки зрения должны быть объединены. Но за пределами области рациональности и необходимых языковых исследований неперебиваемое останется, и именно поэтому следует сохранять эмпатию и чувствительность к другим формам жизни и языковым привычкам [Cassin 2014].

Но вернемся теперь к африканскому философу: в деколонизированном мире, согласно Баширу Дианю, ранее колонизированные могут быть в состоянии и должны оторваться от ментальных моделей и нормативных правил мышления колониальных языков, чтобы найти свою собственную идиому для выражения себя. Но у Дианя в этом контексте есть еще одно примечательное высказывание: «Давайте представим себе педагогическую утопию. Мы знаем, что на фронтоне Академии Платона было написано: «Да не войдет сюда никто, не знающий геометрии». Новая академия глобального мира XXI в. может также провозгласить: «Пусть никто, не владеющий другим языком, как своим собственным, не войдет сюда». Утопия? Неужели? Таково положение африканских философов» [Diagne 2017: 218].

Нам следует переосмыслить свой жизненный путь и язык, который мы используем, чтобы уметь в конечном счете адекватно выражать и себя, и свои мыс-

ли. Это тем более важно для нас сегодня, во времена глобализации, когда существует острая необходимость думать за пределами былых ограничений, которые мы не осознавали. Знание радикально отличающегося языка действительно было бы хорошей профилактикой невежества, потому что несет в себе и воспитательную, и образовательную ценность. Мы знали бы, что логика и структура нашего собственного языка не универсальны и что мы никоим образом не можем просто проецировать очевидные для нас факты на иностранный язык, где наши собственные интерпретационные особенности не могут быть приняты как само собой разумеющееся. И это предотвратило бы любой языковой империализм (умышленную языковую дискриминацию, направленную на предоставление власти доминирующему языку и его носителям) и обеспечило бы большее взаимопонимание между культурами, что способствовало бы более мирному сосуществованию народов в глобальном мире.

*Перевод студентов факультета глобальных процессов
МГУ имени М. В. Ломоносова И. Ивлиева, П. Юрченко*

Литература/References

- Bambrough R. Universals and Family Resemblances // Proceedings of the Aristotelian Society XII. 1960–1961. Vol 61. S. 207–222.
- Benjamin W. Die Aufgabe des Übersetzers // Das Problem des Übersetzens / Hrsg. von H.-J. Störig. Darmstadt, 1973.
- Benveniste E. Probleme der allgemeinen Sprachwissenschaft. Frankfurt am Main, 1977.
- Cassin B. Philosophes en langues. Les intraduisibles en traduction. Paris, 2014.
- Chomsky N. Cartesianische Linguistik. Tübingen, 1971.
- Chumakov A. Concerning Human Understanding: Problems of Language in A Global World // Europa Forum Philosophie 65 (Tra-Duire Über-Setzen Trans-Late) / Hrsg. von G. Münnix, B. Rolf. Nordhausen, 2016. S. 68–77.
- Czajka-Cunico A. Übersetzungsphilosophische Bemerkungen zu einer simultanen Lektüre Großer Schriften // Über-Setzen. Sprachenvielfalt und interkulturelle Hermeneutik / Hrsg. von G. Münnix. Freiburg, 2017. S. 276–295.
- Derrida J. Das Supplement der Kopula. Die Philosophie vor der Linguistik / J. Derrida // Randgänge der Philosophie. Wien; Graz, 1988. S. 195–227.
- Diagne B. S. Grammatical Philosophy Versus Philosophical Grammar. Leibniz and Nietzsche on Grammar // Über-Setzen. Sprachenvielfalt und interkulturelle Hermeneutik / Hrsg. von G. Münnix. Freiburg, 2017. S. 205–219.
- Eco U. Quasi dasselbe mit anderen Worten. Über das Übersetzen. 3 Auflage. München, 2014.
- Elberfeld R. Sprache und Sprachen. Freiburg, 2012.
- Kagamé A. La philosophie bantu-Rwandaise de l'Être. Paris, 1970.
- Karageorgieva A. Universal Grammar in Chomsky and the Problem of Translation // Über-Setzen. Sprachenvielfalt und interkulturelle Hermeneutik / Hrsg. von G. Münnix. Freiburg, 2017. S. 119–132.

Mabe J. E. Zum Problem der Übersetzung abstrakter Begriffe in eine Bantu-Sprache // Über-Setzen. Sprachenvielfalt und interkulturelle Hermeneutik / Hrsg. von G. Münnix. Freiburg, 2017. S. 103–118.

Maletzke G. Interkulturelle Kommunikation. Opladen, 1996.

Münnix G. Das Bild vom Bild. Bildsemiotik und Bildhermeneutik in interkultureller Perspektive. Freiburg, 2019.

Münnix G. Zum Ethos der Pluralität. Postmoderne und Multiperspektivität als Programm. 3. Auflage. Münster, 2020.

Ohashi R. Der Wind als Kulturbegriff in Japan // «Kultur»: Begriff und Wort in China und Japan / Hrsg. von S. Paul. Berlin, 1984.

Plotnikov N. Begriffsgeschichte und Übersetzung. Zur Bestimmung der kulturellen Unterschiede in der Philosophie am Beispiel des russischen Personbegriffs // Über-Setzen. Sprachenvielfalt und interkulturelle Hermeneutik / Hrsg. von G. Münnix. Freiburg, 2017. S. 233–252.

Rehbein B. Das Verstehen anderer Menschen in anderen Sprachen und Kulturen // Über-Setzen. Sprachenvielfalt und interkulturelle Hermeneutik / Hrsg. von G. Münnix. Freiburg, 2017. S. 337–352.

Rez H., Kraemer M., Kobayashi-Weinszier R. Warum Karl und Keizo sich nerven, in: Kumbier // Interkulturelle Kommunikation / Hrsg. von F. Schulz von Thun, D. Kumbier. Hamburg, 2009. S. 28–72.

Ricoeur P. Sur la traduction. Paris, 2016.

Takayama M. Das Fehlen der ersten und zweiten Person im Japanischen auf dem Hintergrund von Nishidas Überlegungen zur ‚Reinen Erfahrung‘ // Über-Setzen. Sprachenvielfalt und interkulturelle Hermeneutik / Hrsg. von G. Münnix. Freiburg, 2017. S. 77–90.

Ter H. M. Beyond the Inner and the Outer. Wittgensteins Philosophy of Psychology. Michigan, 1990.

Turki M. Über einige Schwierigkeiten des Übersetzens in die arabische Sprache // Über-Setzen. Sprachenvielfalt und interkulturelle Hermeneutik / Hrsg. von G. Münnix. Freiburg, 2017. S. 60–76.

Weisgerber L. Der Mensch im Akkusativ // Wirkendes Wort. Deutsche Sprache in Forschung und Lehre. 1958. No. 8. S. 193–205.

Wittgenstein: The Philosophical Investigations / ed. by G. Pitcher. London; Melbourne, 1968.

ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ: К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ АППАРАТЕ ВАРИАНТОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Щенникова Н. В.*

Статья посвящена вопросам переосмысления русскоязычного терминологического инструментария для инновационного теоретического осмысления современных общемировых языковых процессов. Предлагается использовать термин «локальный идиом английского языка» для обозначения неаутентичного речевого продукта в целях его изучения дескриптивно-аналитическими методами с социолингвистических позиций. В рамках дескриптивного подхода локальные идиомы рассматриваются как уникальный социолингвистический феномен, как полноправная форма существования английского языка, модифицированная сообразно этнокультурным и этнолингвистическим особенностям коммуникантов. Локальные идиомы демонстрируют ценнейший принцип единства в многообразии, который затребован нынешним миропорядком, и их изучение может помочь спроецировать модель коммуникации глобализующегося мира.

Ключевые слова: английский язык, глобализация, мировое коммуникативное пространство, вариантология, локальный идиом английского языка, идиоэтничность, дескриптивный подход.

The article is devoted to linguistic issues of rethinking the Russian-language terminological tools for innovative theoretical understanding of modern global language processes. It is proposed to use the term “local idiom of the English language” to refer to an inauthentic speech product in order to study it with descriptive-analytical methods from sociolinguistic positions. Within the framework of the descriptive approach, local idioms are considered as a unique sociolinguistic phenomenon, as a full-fledged form of the English language, modified according to the ethnocultural and ethnolinguistic characteristics of communicants. Local idioms demonstrate the most valuable principle of unity in diversity, which is demanded by the current world order, and their study can help project a model of communication of the globalizing world.

Keywords: English, globalization, global communicative space, World Englishes Paradigm, local idiom of the English language, idioethnicity, descriptive approach.

Беспрецедентные процессы международной интеграции и глобализации превращают земной шар в единое информационное пространство. Это пространство нуждается в надежном средстве, способном обеспечить коммуникацию в логике

---

* Щенникова Наталья Владимировна – д. филол. н., профессор Пензенского государственного университета. E-mail: schennikova@list.ru.

общемировых цивилизационных процессов. Английский язык выступает как средство осуществления контактов в межкультурном пространстве. Но саму функцию межкультурной коммуникации выполняет не столько аутентичный англоязычный речевой продукт, сколько многочисленные модификации английского языка, которые стихийно возникают в условиях, когда разные этноязыковые сообщества используют английский язык как инструмент кросс-культурного контакта [см., например: Щенникова 2015].

В последние десятилетия актуальными являются дискуссии о лингвистическом статусе английского языка как инструмента кросс-культурного контакта, о динамике его норм в межкультурном коммуникативном пространстве, о необходимости толерантного отношения к неаутентичной англоязычной речи.

Глобальное распространение английского языка привело к пересмотру некоторых традиционных терминов из области не только теоретической, но и прикладной лингвистики и литературоведения [см., например: Прошина 2015; Schneider 2014]. Привычный терминологический инструментарий теории контактной лингвистики не полностью отвечает нуждам современных исследований вопросов межкультурной коммуникации в условиях глобализации, что косвенно подтверждается общей терминологической разногласицей исследований современных общемировых лингвистических процессов.

Приходится допустить, что имеющийся у лингвистики, этнолингвистики и социолингвистики аналитический аппарат и терминологический инструментарий препятствуют инновационному теоретическому осмыслению современных мировых языковых процессов. Современная наука вынужденно продолжает пользоваться аналитическим аппаратом и терминологическим инструментарием, который она унаследовала у науки прошлого века. Поясним. Понятия *язык*, *вариант*, *диалект* оказываются неудобными для концептуализации современной мировой лингвистической ситуации, поскольку эти социолингвистические категории основаны на эпистемологии XIX–XX вв. Тогда они непротиворечиво вписывались в логику постулатов европейской политической философии XVIII в., согласно которым национальное государство позиционировалось как главная политико-культурная единица внутри своих нерушимых государственных границ. Национальный язык являлся суверенным атрибутом национального государства, что привело к идеализированию национальных языков и укрепило идеологию пуристского отношения к языковым нормам, канонизированным в словарях и справочниках по грамматике. Понятия *язык*, *вариант*, *диалект* соответствовали логике организации социума того периода и были пригодны для описания дискретных языковых образований. Поскольку такая модель социальной организации мирового сообщества претерпевает изменения благодаря беспрецедентным процессам глобализации и интеграции мирового сообщества, понятийный аппарат XIX–XX вв. оказывается малоприспособленным при анализе современной мировой практики вербального общения: разнообразие мировых форм английского языка в связи с его глобальным распространением проблематично описывать в терминах *язык*, *вариант*, *диалект*. Современные исследования часто подчеркивают идеализированную природу этих категорий, но они все же прочно укреплены и в обыденном

сознании, и в онтологических принципах большого количества лингвистических и социолингвистических работ.

В научных исследованиях постоянно наблюдаются понятийная динамика и оправданный пересмотр терминологической парадигмы, поскольку в процессе разработки теорий уточняются объемы понятий, и вырабатывается непротиворечивый терминологический инструментарий для эффективного обслуживания новых научных задач данной области знания.

В течение последних десятилетий предметом исследовательского интереса становится изучение англоязычной речевой практики отдельных социальных коллективов в локальном контексте на фоне глобальности английского языка. Для этого необходимо описать все мировые разновидности английского языка (эндо-нормативные и экзонормативные) на принципах равноправия как инструменты межнационального контакта и установить эффективность этих идиоэтнических инструментов в кросс-культурной среде.

В англоязычном научном дискурсе исследователи вопросов лингвоконтактологии и вариантологии пользуются термином *variety* для означивания речевой продукции всех говорящих на английском языке вне зависимости от их принадлежности к Внутреннему, Внешнему и Расширяющемуся кругу, по широко известной модели распространения английского языка Б. Качру [2010]. Традиционно английскому термину *variety* соответствует русскоязычный термин *вариант*.

В **российской лингвистике** термин *вариант* традиционно фиксирует статус родного языка и второго, официального языка, которому обучают в учебных заведениях и который используется определенным социумом в повседневном общении наряду с родным языком. Поэтому противоречивым видится изменение объема значения термина *вариант* и его использование для фиксации речевой англоязычной продукции всех пользователей, включая неаутентичную речь представителей стран Расширяющегося круга.

Считаем, что российская лингвистика должна иметь общую теоретическую и операциональную базу, построенную на принципах преемственности и непротиворечивости, обеспечивающую проведение дальнейших взаимосвязанных и дополняющих друг друга языковедческих исследований. Поэтому мы предлагаем скорректировать метаязыковой русскоязычный терминологический инструментарий для решения современных вариантологических задач.

По мнению В. Н. Ярцевой, следует отличать английский язык и его национальные варианты в качестве родного языка и второго официального языка от употребления этого языка теми лингвокультурными общностями, для которых он не является родным [Ярцева 2004: 250–251]. Мы солидарны с такой позицией и считаем, что термин *вариант* проблематичен для означивания всех мировых форм английского языка: такое расширение объема значения приведет к непрозрачности этого термина, его многозначности, зависимости от контекста и размыванию границ между разнородными социолингвистическими категориями (родной язык, второй официальный язык, язык для межкультурных контактов в странах, в которых он не является родным или вторым официальным языком).

Разный статус реализуемых норм английского языка в странах Внутреннего и Внешнего кругов (экзонормативность), с одной стороны, и стран Расширяюще-

гося круга (эндонормативность), с другой стороны, диктует необходимость приложения разных критериев при анализе речевого продукта субъектов разных кругов. Отсутствие массового живого англоязычного общения в странах Расширяющегося круга, ограниченная сфера использования английского языка, невысокий среднестатистический уровень владения английским языком в этих странах и отсутствие внутренних кодифицированных норм не позволяют обозначать все мировые формы английского языка единым термином *вариант*.

Английскому термину *variety* также соответствует русскоязычный термин *разновидность*. Он часто встречается в различных лингвистических исследованиях. В частности, в вариантологических исследованиях отечественные лингвисты употребляют его, например *локальные разновидности АЯ, функционально-территориальные разновидности АЯ, географические и социальные разновидности АЯ* [Мележик 2015]. Нам представляется, что термин *разновидность* растражирован в разнородных лингвистических и социолингвистических работах, потенциально семантически мобилен и более подходит для целей генерализации и обобщения, чем для непротиворечивого выделения и фиксации какого-либо специфического концепта. Все это не позволяет считать его адекватным номинатором мировых реализаций английского языка.

В качестве рабочего термина в наших работах используется термин *локальный идиом английского языка* (школа профессора В. М. Савицкого) относительно языковых сообществ стран Расширяющегося круга. Поясним. Термин *идиом* используется в тех случаях, когда определение лингвистического статуса языкового образования затруднено и носит дискуссионный характер [Виноградов 1990: 171], как и в нашем случае, когда происходит переосмысление терминологического инструментария для описания мировой коммуникативной практики посредством английского языка.

Подчеркнем, что термин *идиом* **не** стоит в одном ряду с терминами *вариант, диалект, говор, пиджин* и т. д. Он стоит **над** ними. *Идиом* – это **обобщающее** название для всех форм существования языка. Его можно противопоставлять перечисленным терминам лишь тогда, когда он сопровождается этнонимом – например, *итальянский/японский/русский* (и т. д.) *идиом английского языка*.

С нашей точки зрения, термин *локальный идиом* характеризуется непротиворечивостью и однозначностью, в отличие от терминов *вариант* и *разновидность*. Он указывает на наличие определенных этнокультурных и этноязыковых черт в определенной модификации английского языка: *русский идиом английского языка, немецкий идиом русского языка, французский идиом испанского языка* и пр. К тому же внутренняя форма слова *идиом* говорит о пригодности этого термина для обозначения своеобразных явлений. Слова *идиом, идиома, идиоматичность, идиоэтнолизм, идиолектизм, идиоадаптация* выстраиваются в один ряд. Их объединяет общий корень, они родственны по происхождению – от греч. *idioma* («особое свойство»), *idios* («свой, особый»).

Мы считаем обоснованным в рабочем порядке обозначить модификации английского языка, представленные в языковом сознании и речевом исполнении его пользователей как локальные идиомы английского языка.

В случае если термин *локальный идиом английского* докажет свою номинативную ценность для обозначения разнообразных языковых и речевых явлений, характеризующихся каким-либо структурным своеобразием, он займет свое место в вариантологической терминологической парадигме, пополнив современный понятийно-терминологический аппарат. Или же в результате дискуссий и научного поиска лингвистический статус таких неаутентичных реализаций языка будет окончательно определен и общепризнан, и это рабочее название может быть заменено.

В наших исследованиях локальные идиомы английского языка рассматриваются с **дескриптивно-аналитической** позиции: неаутентичный речевой продукт позиционируется не как недоразвитый английский язык, а как относительно автономная коммуникативная система, которая обладает своим узусом, находится на уровне коммуникативной достаточности и потому приемлема в том виде, в каком она существует. В социолингвистическом и лингвокультурологическом смыслах все идиомы английского языка равны между собой. В англоязычных статьях и монографиях на эту тему употребляются выражения *a legitimate variety in its own right*, *a legitimate language variety* для того, чтобы подчеркнуть, что английский язык в исполнении носителей языка широко применяется в межкультурном и межъязыковом пространстве и не должен больше рассматриваться исключительно с прескриптивных лингводидактических позиций как неполноценный дефектный речевой продукт на фоне аутентичной речи. Локальные идиомы признаются закономерным результатом освоения неродного языка в условиях родной лингвокультурной среды и в рамках отечественной системы языкового образования, полноправным и равноправным субъектом живого языкового континуума планеты, *a legitimate use of English on its own right*. Растет понимание того, что локальные идиомы заслуживают научного изучения с дескриптивно-аналитических позиций как реально действующие в межкультурном пространстве коммуникативные системы.

Разница между традиционным прескриптивным и дескриптивным подходами не предполагает разницы в объектах исследования. Одни и те же отличия неаутентичной англоязычной речи от аутентичной в рамках прескриптивного (лингводидактического) подхода квалифицируются как ошибки и методические недоработки, а в рамках дескриптивного подхода – как особенности речи на локальном идиоме, имеющие лингвокультурное основание и трансферентные черты родного языка и культуры. Проведем аналогию. С позиций биологии жемчужина – это болезненный нарост, опухоль на внутренней стороне раковины моллюска как защитная реакция на проникновение инородного тела внутрь раковины, несмотря на ее герметичность, а с позиций ювелирного дела жемчужина – это чудо природы, великолепное ее творение.

Массированные проявления идиоэтнизма в речи социума не могут быть не приняты во внимание исследователем, который должен попытаться увидеть в реальной речевой продукции пользователей не только методические недоработки, но и лингвокультурное основание этих отличий и трансферентные черты родного языка и культуры. Локальные идиомы рассматриваются нами как уникальный социолингвистический феномен, как полноправная форма существования англий-

ского языка, модифицированная сообразно этнокультурным и лингвокультурным особенностям коммуникантов.

Каждая из таких модификаций обладает рядом специфических идиоэтнических черт по сравнению с аутентичным английским языком, с одной стороны, и по сравнению с другими неаутентичными его модификациями, с другой стороны. Каждая из таких модификаций является особой коммуникативной системой, имеющей массовое распространение и применение, устойчивые закономерности строения и функционирования. Идиоэтничность каждой такой модификации складывается в результате освоения неродного языка в условиях родной лингвокультурной среды. В таких условиях освоения неродного языка нет никаких оснований ожидать утраты исходной этноидентичности, исходного строя мышления, ментальности, так как пользователи идиомы включены в этнолингвокультурный контекст родного языка, и нет достаточных необходимых условий для вытеснения коммуникативно-когнитивных структур русского языка и замещения их англоязычными.

Необходимость выразить себя средствами английского языка, быть услышанным через англоязычный канал связи приводит к насыщению идиомы локально окрашенными реалиями, калькированию идиоматики родного языка; особенности менталитета проецируются в синтаксисе и коллокациях; особенности родного языка отражаются в артикуляции и интонационном акценте. Все это демонстрирует несколько иной взгляд на вещи, чем тот, к которому привыкли носители английского языка; демонстрирует фрагменты родной языковой картины мира и родного когнитивно-коммуникативного кода пользователя идиомы. Трансляция собственной национальной ментальности через англоязычный лингвокультурный код может рассматриваться под новым углом – как одна из форм культурного обмена между нациями.

Рекуррентные идиоэтнические черты локального идиомы устойчиво проявляются в предпочтениях определенных лексических единиц в привязке к определенным коммуникативным сценариям, в особенностях их комбинаторики, в выборе грамматических и синтаксических средств. Сопоставительная и аналитическая работы по локальным идиомам должна основываться на богатом фактографическом материале, чтобы можно было показать многоаспектное системное влияние родного языка и родной культуры на закономерности англоязычной неаутентичной речи пользователей данного локального идиомы.

Идиоспецифичность локального идиомы является относительной величиной и зависит от эталона сопоставления. Можно обнаружить проявления специфических черт относительно аутентичного англоязычного речевого продукта, можно проводить сопоставительные исследования относительно других идиомов английского языка. Серия таких типологических исследований может помочь установить те регулярные черты идиомов, которые не мешают взаимопонятному общению коммуникантов даже при условии их наличия в речи, а также установить те черты идиомов, которые потенциально могут затруднить понимание при общении разноязычных пользователей через англоязычный канал связи.

Отношения между этническим английским языком и его локальными идиомами можно сравнить с отношениями между деривационной базой и дериватами.

Дериваты неразрывно связаны с базой, но и приобретают свои дифференциальные черты. То же верно относительно идиомов. Они неразрывно связаны с этническим английским языком, в основе их лежит его языковая система, что в значительной мере обуславливает взаимопонимание при общении. Но локальные идиомы приобретают и свои дифференциальные черты на уровне узуса, наличие идиоэтнических черт обуславливается различиями когнитивно-культурных пространств разных лингвосоциумов. Разная отражательная способность родных языков пользователей идиомы является источником идиоэтнического речевого поведения при контакте через англоязычный канал связи в кросс-культурной среде. Иными словами, иноязычные языковые коллективы во многом уникальным образом применяют единый инструмент межкультурного общения, осваивая прежде всего системные требования английского языка и демонстрируя ценные примеры альтернативных способов освоения внеязыковой действительности.

Локальные идиомы английского языка позиционируются в наших исследованиях как реально работающая здесь и сейчас коммуникативная система, обслуживающая потребности кросс-культурной коммуникации. Их пользователи вырабатывают свои эталоны и оценочные характеристики средств и способов выражения мысли. Локальные идиомы превращаются в особую норму реализации английского языка; ее можно считать нормой второго порядка относительно первичной нормы этнического английского языка. Они не имеют резких расхождений в структуре плана содержания и плана выражения, но имеют свою определенную совокупность «инвариантных конститутивных признаков» [Швейцер 1971: 17]. Эти идиоэтнические признаки неаутентичной англоязычной речи характеризуются устойчивостью и частотностью в определенном этносоциуме, становятся ожидаемыми атрибутами такой неаутентичной речи и воспринимаются членами этого этносоциума на уровне нормы, превращаясь в своего рода аксиологическую норму. Они характеризуются статистической нормативностью. Статистическая норма является совокупностью наиболее типичных речевых стратегий, рекуррентных схем речевого поведения, предпочтений, стереотипов. То есть речь на идиоме статистически отличается от аутентичной англоязычной речи и от речи на других локальных идиомах. В изосемантических ситуациях носители английского языка и пользователи локального идиомы могут проявлять различные стратегии стандартного, рекуррентного, типичного речевого поведения. Анализ количественных характеристик идиомы (типичных речевых стратегий, статистически преобладающих в определенных ситуациях единиц) помогает выявить статистический компонент в описании нормы локального идиомы [см., например: Щенникова 2013; 2014; 2015; 2018 и др.]

По нашему убеждению, неаутентичный речевой продукт на идиомах английского языка подлежит изучению дескриптивно-аналитическими методами с социолингвистических позиций; локальные идиомы демонстрируют ценнейший принцип единства в многообразии, который затребован нынешним миропорядком, и их изучение может помочь спроецировать модель коммуникации глобализующегося мира, которая позволит разноязычным субъектам мирового космополиса общаться через англоязычный канал связи на равных правах, доносить

до других субъектов культуры и менталитет своего этноса, позволяя им сохранить свою самобытность и идентичность.

Литература

Виноградов В. А. Идиом // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990.

Качру Б. Б. Модели вариантов английского языка, неродного для его пользователей // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. 2010. Т. XII. Вып. 1. № 53–54. С. 175–196.

Мележик К. А. Английский лингва франка в кругу «английских языков мира» // Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры. Коллективная монография. М. : Перо, 2015. С. 144–262.

Прошина З. Г. Терминологическая сумятица в новом лингвистическом ракурсе: метаязык контактной вариантологии // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 1. С. 105–117.

Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. М. : Высшая школа, 1971.

Щенникова Н. В. Русский идиом английского языка: специфика употребления модальных глаголов // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2013. № 2(20). С. 111–125.

Щенникова Н. В. Русский идиом английского языка: специфика употребления медиопассивного залога // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 420–423.

Щенникова Н. В. Языковой фактор глобализации // Век глобализации. 2015. № 2. С. 119–129.

Щенникова Н. В. Структурно-семантические и функциональные характеристики русского идиома английского языка: дис. ... д-ра филол. наук. Самара : Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2018.

Ярцева В. Н. Развитие национального литературного английского языка. М. : УРСС, 2004.

Schneider E. New Reflections on the Evolutionary Dynamics of World Englishes // World Englishes. 2014. No. 33(1). Pp. 9–32.

References

Vinogradov V. A. Idiom [Idiom] // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. Moscow : Sovetskaja Enciklopedija, 1990. P. 171.

Kachru B. B. Modeli variantov anglijskogo jazyka, nerodnogo dlja ego pol'zovatelej [Models of Variants of the English Language Non-Native for its Users] // Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo. Mezhdunarodnyj zhurnal social'nyh i gumanitarnykh nauk. T. XII. Vol. 1. No. 53–54. Pp. 175–196.

Melezhih K. A. Anglijskij lingva franka v krugu "anglijskih jazykov mira" [English Lingua Franca in the Circle of "The World Englishes"] // Sociolingvisticheskie problemy variativnosti jazyka kak celostnoj struktury [Sociolinguistic Problems of Language Variability as an Integral Structure]: collected works. Moscow : Pero, 2015. Pp. 144–262.

Proshina Z. G. Terminologičeskaja sumjatica v novom lingvističeskom rakuře: metajazyk kontaktnoj variantologii [Terminological Confusion in a New Linguistic Perspective: Metalanguage of Contact Variantology] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Series: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. 2015. No. 1. Pp. 105–117.

Shvejcer A. D. Literaturnyj anglijskij jazyk v SShA i Anglii [Literary English in the USA and England]. Moscow : Vysshaja škola, 1971.

Shhennikova N. V. Russkij idiom anglijskogo jazyka: specifika upotreblenija modal'nyh glagolov [Russian Idiom of the English Language: Specificity of Modal Verbs Use] // Nauchnyj vestnik Voronežskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. 2013. No. 2 (20). Pp. 111–125.

Shhennikova N. V. Russkij idiom anglijskogo jazyka: specifika upotreblenija mediopassivnogo zaloga [Russian Idiom of the English Language: Specifics of Passive Voice Use] // Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. No. 2. Pp. 420–423.

Shhennikova N. V. Jazykovej faktor globalizacii [The Language Factor of Globalization] // Vek globalizatsii. 2015. No. 2. Pp. 119–129.

Shhennikova N. V. Strukturno-semantičeskie i funkcional'nye harakteristiki russkogo idioma anglijskogo jazyka [Structural, Semantic and Functional Characteristics of the Russian Idiom of the English Language]: Doctor of Philology dissertation. Samara : Samara State University of Social Sciences and Education, 2018.

Jarceva V. N. Razvitie nacional'nogo literaturnogo anglijskogo jazyka [The Development of National Literary English]. Moscow : URSS, 2004.

Schneider E. New Reflections on the Evolutionary Dynamics of World Englishes // World Englishes. 2014. No. 33(1). Pp. 9–32.

В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ВОСХОЖДЕНИЕ КИТАЯ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ТРАНЗИТА ВЛАСТИ

Дробот Г. А.*

Статья посвящена прикладному использованию теории транзита власти на примере соперничества США и Китая. В начале статьи раскрываются основные положения теории транзита власти, среди которых отмечаются качество населения, уровень экономического развития и политическая зрелость. Опираясь на эти показатели, автор анализирует паритет власти между США и Китаем и приходит к выводу, что КНР значительно отстает от Соединенных Штатов. Внимание уделяется российско-китайским отношениям, где показано, что при усилении международных проблем Китая возможно их силовое решение за счет России.

Ключевые слова: сила, транзит власти, война, американо-китайские отношения, китайско-российские отношения.

The article is devoted to the applied use of the Power transition theory by the example of the rivalry between the United States and China. At the beginning of the article, the main provisions of the Power transition theory are revealed, among which the quality of the population, the level of economic development and political maturity are noted. Based on these indicators, the author analyzes the power parity between the United States and China and concludes that China is way below the United States. The attention is paid to the Russian-Chinese relations, where it is shown that with China's increasing international problems, their possible solution by force may occur at the expense of Russia.

Keywords: power, transit of power, war, US-Chinese relations, Sino-Russian relations

Содержание теории транзита власти

Теория транзита власти возникла в Соединенных Штатах в 1950-е гг. А. Ф. К. Органски, а затем Р. Гилпин были первыми, кто сформулировал основные положения этой теории.

Вводя в научный оборот данную теорию, Органски пытался проанализировать мировую политику как иерархическую систему власти, или государств, в свете распределения силовых ресурсов или способности к ведению войны. Основные аргументы Органски содержатся в его книге «Мировая политика» (1958)

---

* Дробот Галина Анатольевна – д. полит. н., с. н. с. факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: gdrobot@mail.ru.

[Kai 2017], в которой он описывает международную систему как иерархию с доминирующим государством на ее вершине, контролирующим подавляющий объем силовых ресурсов. В ходе истории доминирующие государства меняются, как правило, путем войны.

Дальнейшие теоретические исследования другими теоретиками транзита власти представляют мир не просто как единое целое, состоящее из единственной глобальной иерархической системы, а как иерархическую систему сложной конструкции с региональными или локальными иерархиями. В соответствии с теоретиками транзита власти, региональные иерархии могут быть обнаружены в Южной Америке, на Ближнем Востоке и в Южной Азии [*Ibid.*: 28]. Наш современный мир является иерархической системой с Соединенными Штатами на вершине пирамиды, контролирующими наибольшую часть силовых ресурсов, притом что их потенциальный соперник, Китай, обладает возможностью превзойти их в ближайшие десятилетия, особенно в области экономики. Следовательно, существует вероятность насильственного конфликта (если не большой войны) между США и Китаем, если Соединенным Штатам и другим членам доминантной системы не удастся вовлечь восходящую КНР.

Теоретики транзита власти рассматривают силу сквозь призму трех реалистских подходов: численности населения, которое может работать и воевать, экономического производства и эффективности политической системы [*Ibid.*: 28]. Исходя из этого, мы будем анализировать эти три элемента для сравнения относительной силы Соединенных Штатов и Китая.

Восхождение Китая

Совершенно очевидно, что Китай имеет бесспорное превосходство, касающееся первого элемента транзита власти (населения). В 2020 г. численность населения Китая увеличилась на 7 800 569 человек и в конце года составила 1 443 981 565 человек [Население...]. Прирост населения в Китае происходил даже в то время, когда проводилась политика «одна семья – один ребенок».

Численность населения, по мнению Органски, является важным условием в вопросе транзита власти. Это означает, что малые развитые государства, например страны Западной Европы, не будут участвовать в значимом транзите власти в отношении доминирующего государства, такого как Китай и, возможно, Индия в будущем. Это понятно, так как численность населения, которое страна может мобилизовать для целей экономического развития или военного конфликта, является решающим фактором в обоих случаях. Однако демографическая ситуация Китая имеет уязвимые места по сравнению с США. Это касается прежде всего сепаратистских настроений в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) и Тибете.

В СУАР со времен образования КНР происходят два процесса, способствующие усилению протеста.

Во-первых, заселение территории китайцами. В начале 1950-х гг. исламские народы, прежде всего уйгуры, составляли подавляющее большинство СУАР. Сегодня из 20 млн населения этого района на долю уйгуров приходится 45 %, а на

долю этнических китайцев (ханьцев) – 41 %. Это если не считать армию и спецслужбы, которые почти исключительно состоят из ханьцев.

Во-вторых, не преодолена сегрегация уйгурского и китайского населения. Два народа живут практически изолированно друг от друга. Уйгуры стараются сохранить свою культуру, письменность. Попытки перевести письменность на латиницу ничего не дали, ее носители по-прежнему привержены арабской графике. Это ведет к тому, что уровень образования у них ниже, чем у тех, кто овладел китайской письменностью и учится в китайских школах.

Поэтому уйгуры – наиболее бедная, малограмотная часть населения. Они сегодня живут так же, как и сотни лет до этого: в лучшем случае занимаются торговлей, а в основном – оазисным земледелием в пустынных частях Синьцзяна. Китайцы СУАР, как правило, живут в городах, в современных домах, построенных в последние годы. Здесь небоскребы, банки, отели, рестораны. Уйгуры в основном живут в сельской местности в глинобитных домах, стоящих на пыльных улицах.

КНР догоняет Соединенные Штаты в сфере экономической силы. Например, по данным Всемирного банка, даже в 2008 г., во время глобального финансового кризиса, который серьезно ударил по американской экономике, китайский ВВП в год занял третье место в мире с 4,326 млрд долларов; при этом Китай показывал 9,4 % ежегодного экономического роста, в 2009 г. – 7,5 % и 8,5 % в 2010 г. Это особенно впечатляет на фоне рецессии, охватившей Запад, включая Соединенные Штаты. Вследствие этого китайская экономика продолжала сокращать разрыв с США в экономической силе. Согласно Всемирному банку, китайский ВВП составлял примерно 12 % от американского в 2001 г., но эта цифра выросла до 59 % в 2014 г. Заметим, что, по мнению экономистов, объем экономики определяется не только размером ВВП, но и технико-технологическими параметрами. В этом отношении экономика Китая существенно отстает от американской [Kai 2017].

Китайскую экономику называют «сборочным цехом мира». Инвестировать в КНР выгодно из-за дешевизны рабочей силы, и практически все ведущие компании это делают. Роль китайской рабочей силы – собрать из зарубежных высокотехнологичных деталей готовую продукцию. Это далеко не «мастерская мира», чем была в свое время Великобритания.

В 2014 г. ВВП на душу населения в Китае составлял 7,594 долларов, все еще далеко отставая от аналогичного показателя Соединенных Штатов с их 54 630 долларов и представляя всего лишь 13 % от показателя Соединенных Штатов. Даже если измерять другим методом, китайский ВВП по паритету покупательной способности на душу населения представлял только 8 % от американского показателя в 2001 г. и только 23 % в 2014 г. Отсюда возникает вопрос: насколько в действительности силен и богат Китай?

КНР, действительно, добилась исторически значимого экономического роста за последние несколько десятилетий, который был значительно выше, чем те же показатели у доминирующих Соединенных Штатов; и, хотя будущее неопределенно, представляется неизбежным, что этот экономический рост продлится в обозримом будущем. Между США и Китаем установится силовой паритет,

независимо от того, как он будет измеряться в объемах ВВП. Следует учитывать: большинство сторонников теории транзита власти полагают, что два соперника достигнут паритета власти только тогда, когда претендент достигнет 80 % силовых ресурсов доминирующей нации [Kai 2017: 36]. Пока же Китай все еще находится далеко позади США по показателям ВВП и ВВП на душу населения, количеству военных баз за рубежом и другим качественным показателям типа высоких технологий и промышленной креативности.

Как великая держава, Китай кажется богатым и могущественным, но в то же время страна относительно бедна и слаба. Фактом является то, что КНР – богатая страна с относительно бедным населением. В последние годы в Китае быстро растет число миллионеров, западный мир не перестает удивляться покупательной способности китайских туристов, в Китае больше, чем в какой-либо другой стране мира, небоскребов. Но истина состоит в том, что при огромной территории разные ее регионы развиты по-разному, есть огромные районы, очень бедные в социально-экономическом отношении. В то время как молодежь стремится в новые богатые города на восточном побережье, несметное число маленьких городков и деревень с престарелым населением кажутся забытыми окружающим миром. Местные правительства в центральных и западных регионах борются за достойный образ жизни для своих жителей, с тем чтобы эти территории могли догнать богатые области Востока. Исходя из этого, Китай фактически является существенно *несбалансированной развивающейся страной*.

В целом «китайское чудо» очень отличается от успешного развития других стран, и связано это с уникальной политической системой Китая. Весь мир озабочен восхождением КНР, главным образом потому, что Китай предлагает остальному миру новую модель. Но фактом является то, что экономический успех этой страны никоим образом не доказывает «Пекинский консенсус»; Китай зависел от доминирующей западной системы, которая дала ему возможность инициировать свободные рыночные экономические реформы. Эти реформы предоставили КНР возможность получить не только огромные зарубежные инвестиции, но также технологии и искусство менеджмента. Исходя из этого, «китайское чудо» является комбинацией твердой веры китайцев в свою политическую культуру и традиции и восприятия западной экономической культуры. Таким образом, экономический успех Китая ни в коей мере не может рассматриваться как идеальная модель, которая превалирует в современной финансовой и экономической системе при лидерстве Соединенных Штатов, даже если эта система нуждается в инновациях и реформах.

Что касается США, пожалуй, самая острая проблема в их экономике – это проблема госдолга, который сохраняется и после кризиса 2008–2009 гг. и достиг в январе 2012 г. 100 % от американского ВВП. Огромный госдолг Соединенных Штатов и дефицит федерального бюджета во многом были связаны с военными расходами и в целом с расходами на обеспечение безопасности США.

Как считают А. А. Кокошин и А. Н. Панов, финансовый кризис на Западе, ошибки в кризисном управлении со стороны США и ЕС в глазах КНР (равно как и многих других государств) нанесли ущерб имиджу «западного превосходства» в менеджменте. При этом высокие темпы роста в Китае, а также в Индии и Брази-

лии для многих в Пекине и в целом в мире стали демонстрацией ускоряющегося исчезновения трехсотлетнего доминирования Запада в экономике и политике [Кокошин, Панов 2016].

Независимо от того, как быстро Китай будет развиваться, экспортируя дешевый труд и дешевую продукцию и получая большое количество зарубежных инвестиций, непростая истина заключается в следующем: КНР все еще относительно бедна, слаба, имеет огромное стареющее население. Как было показано выше, население является одним из основных факторов национальной силы. Однако Китай остается на относительно низком уровне по ВВП на душу населения. Это создает дилемму не только для Пекина, но и для Вашингтона. Является ли Китай реальной угрозой, то есть достаточно ли он богат и силен, чтобы подниматься и дальше и на равных конкурировать (или даже догнать) США и доминирующую западную систему без того, чтобы не разорить себя?

Китай еще довольно длительное время будет ориентирован на собственные сложные внутренние проблемы. Все внешние проблемы он и впредь будет рассматривать через внутренние, через призму того, обеспечит ли это экономический рост, поставки ресурсов и т. п. В этом плане позиция Китая напоминает поведение США в конце XIX – первой половине XX в. с их изоляционизмом при бурном экономическом росте. Такое сравнение очень полезно в плане ответа на вопрос, сможет ли Китай повторить путь США и стать главным центром Мир-Системы. При сравнении, однако, выявляется значительная разница в очень важных отношениях.

1. Еще не претендуя на лидерство, США в конце XIX в. стали ведущей экономикой мира, обогнав Англию и Германию по общему объему ВВП и сравнявшись с Великобританией по ВВП на душу населения.

2. Производительность труда в США была очень высокой, в некоторых отношениях – наивысшей в мире. В Китае же производительность труда низкая.

3. США стали признанным инновационным лидером в техническом и организационном плане в начале XX в. (система научной организации труда Тейлора, система конвейерного производства Форда и т. п.), а в ряде отношений и намного ранее. Экономика же Китая в основном развивается на неинновационных и даже устаревших технологиях. Китайцы упрашивают США продать им высокие технологии.

4. Низкий уровень зарплаты – важнейшая часть китайской модели быстрого развития. Между тем уже в конце XIX в. зарплата в США была существенно выше европейской, что и послужило одной из главных причин наплыва туда иммигрантов.

5. Экономика США в отличие от китайской никогда не была экспортно ориентированной.

Поэтому с трудом верится, что в ближайшие десятилетия мир окажется в таком состоянии, чтобы позвать на место лидера Китай [Гринин 2012: 58–60].

Вероятность войны за международное лидерство

Среди всех условий и факторов, которые способны спровоцировать войну между доминирующей державой и ее соперником, силовой паритет является важ-

нейшим. Другим важным фактором возникновения насильственного конфликта между доминирующей нацией и ее соперником является неудовлетворенность последнего существующими правилами функционирования международной системы. Это дает сопернику больше уверенности в противостоянии доминирующей державе. Теоретически в анализе транзита власти между великими державами ключевым пунктом является вопрос, как усилить удовлетворение соперника существующей системой, поскольку силовой паритет весьма относителен.

Степень удовлетворенности

Это один из наиболее дискуссионных вопросов в теории транзита власти. Будучи широко распространенным, данный термин является в определенной степени трудноуловимым.

Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что доминирующая держава в большинстве случаев удовлетворена своим статус-кво, потому что контролирует большую часть силовых ресурсов и лидирует в альянсах, к которым принадлежит. При этом доминирующая держава, конкретно США, способна также притворяться, что удовлетворена существующим статус-кво, одновременно пытаясь изменить международные правила [Chan 2008].

Вопрос, достигнет ли Китай значительной степени удовлетворенности, остается проблематичным и нуждается в регулировании. Как пишут Рональд Таммен и Джейсек Куглер в книге «Транзит власти и китайско-американский конфликт», в 1990-е гг. в отношениях между США и Китаем не было большого различия в степени удовлетворенности; две страны поддерживали относительно стабильные отношения, колеблющиеся между нейтралитетом и кооперацией [Power... 2000]. По мере того как сила Китая продолжает расти, вероятность войны возрастает, однако обе стороны имеют выбор. Неудовлетворенный Китай наверняка усилит свою враждебность по отношению к Соединенным Штатам. США попытаются умерить неудовлетворенность Китая. Это будет стратегия, признающая важность взаимно выгодных связей.

Вопрос в том, будет ли Китай в последующие годы державой статус-кво или *ревизионистской державой*. Китайская концепция угроз очевидно представляет КНР как ревизионистскую державу, которая будет пытаться реконструировать региональную и даже глобальную силовую структуру. Как пишут Рональд Таммен и Джейсек Куглер в книге «Транзит власти и китайско-американский конфликт», в 1990-е гг. в отношениях между США и Китаем не было большого различия в степени удовлетворенности; две страны поддерживали относительно стабильные отношения, колеблющиеся между нейтралитетом и кооперацией [Tammen, Kugler 2006: 215]. Однако в условиях взаимозависимости и глобализации Китаю не удастся бросить вызов возглавляемой США западной системе, которая слишком глубоко внедрилась в современный мир, чтобы Китай мог полностью ее свергнуть.

Китайско-российские отношения как противостояние возможности глобальной войны

Наихудший вариант развития событий заключается в том, что в российско-китайских отношениях произойдет смена стратегических ролей, изменится ситу-

ация на российском Дальнем Востоке, возможно косвенное влияние Китая за борьбу между центром и регионами в России, которое может увеличиваться, а Москвы – уменьшаться [Межкультурное... 2019; Теория... 2020]. Неизвестно отношение в Азии к возможному объединению двух Корей и к дрейфу Тайваня в сторону независимости де-юре. В Центральной Азии нарастают этнические, клановые и религиозные противоречия, а их основой во многом является передел природных ресурсов и границ. В этом случае стратегическая пограничная зона между Россией и Китаем может исчезнуть, так как КНР в условиях внешних проблем наверняка захочет вмешаться в дела богатой полезными ископаемыми России.

Таким образом, в XXI в. Китай будет оказывать большое влияние на российскую внешнюю, внутреннюю, оборонную политику, экономику, демографию, в связи с чем политическим лидерам России надо осознать все это и подготовиться принять вызов Пекина.

Литература

Гринин Л. Е. Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире // Век глобализации. 2012. № 2. С. 43–61.

Кокошин А. А., Панов А. Н. Макроструктурные изменения в мировой политике до 2030 года. М. : URSS, 2016.

Межкультурное взаимодействие России и Китая: глобальное и локальное измерение: коллективная монография / отв. ред. А. Н. Чумаков, Ли Хэй. М. : Проспект, 2019.

Население Китая [Электронный ресурс]. URL: https://countrymeters.info/ru/China#population_2020.

Теория и практика российско-китайских отношений: монография / отв. ред. А. Н. Чумаков, Ли Хэй. М. : Проспект, 2020.

Chan S. China, the U.S., and the Power-Transition Theory: A Critique. New York : Routledge, 2008.

Kai J. Rising China in a Changing World. Singapore : Springer, 2017.

Power Transitions Strategies for the 21st Century / ed. by R. L. Tammen *et al.* New York : Chatham House Publishers, 2000.

Tammen R. L., Kugler J. Power Transition and China – US Conflicts // Chinese Journal of International Politics. 2006. Vol. 1. Pp. 35–56.

References

Grinin L. E. Kitajskaja model' i perspektivy liderstva Kitaja v mire [The Chinese Model and Prospects for China's Leadership in the World] // Vek globalizatsii. 2012. No. 2. Pp. 43–61.

Kokoshin A. A., Panov A. N. Makrostrukturnyje izmenenija v mirovoj politike do 2030 goda [Macrostructural Changes in the World Politics Until 2030]. Moscow : URSS, 2016.

Mezhkul'turnoje vzaimodejstvije Rossii i Kitaja: global'noje i lokal'noje izmerenije [Intercultural Interaction Between Russia and China: Global and Local Dimension] : collective monograph / ed. by A. N. Chumakov, Li Khey. Moscow : Prospekt, 2019.

Naselenije Kitaja [China's Population]. URL: https://countrymeters.info/ru/China#population_2020.

Teorija i praktika rossijsko-kitajskih otnoshenij [Theory and Practice of Russian-Chinese Relations] : monograph / ed. by A. N. Chumakov, Li Khey. Moscow : Prospekt, 2020.

Chan S. China, the U.S., and the Power-Transition Theory: A Critique. New York : Routledge, 2008.

Kai J. Rising China in a Changing World. Singapore : Springer, 2017.

Power Transitions Strategies for the 21st Century / ed. by R. L. Tammen *et al.* New York : Chatham House Publishers, 2000.

Tammen R. L., Kugler J. Power Transition and China – US Conflicts // Chinese Journal of International Politics. 2006. Vol. 1. Pp. 35–56.

**«ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ»
И ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ:
ОСОБЕННОСТИ, ПРЕИМУЩЕСТВА, КОНКУРЕНЦИЯ**

Го Лишуан*

Сотрудничество в рамках «Экономического пояса Шелкового пути» и Евразийского экономического союза, осуществляемое при непосредственном участии лидеров Китая и России, стало новым этапом всесторонних китайско-российских отношений в области стратегического взаимодействия и партнерства. «Экономический пояс Шелкового пути» и Евразийский экономический союз не только пересекаются географически, но и обладают аналогичными функциями и содержанием. В то же время в своей теоретической основе, конечных целях, путях реализации и признании в странах Центральной Азии между ними наблюдаются существенные различия. Таким образом, «Экономический пояс Шелкового пути» и Евразийский экономический союз одновременно стоят перед лицом новых возможностей и новых вызовов: с одной стороны, существует основа для успешного сотрудничества, с другой стороны, конкуренция в области ресурсов, привлекательности и влияния. Как добиться преобладания сотрудничества над конкуренцией, возможностей над вызовами? Ответ на этот вопрос является ключом к пониманию взаимодействия между «Экономическим поясом Шелкового пути» и Евразийским экономическим союзом. Следовательно, анализ ценностных позиций и требований стран, участвующих в данных проектах, имеет важное значение для улучшения сотрудничества между «Экономическим поясом Шелкового пути» и Евразийским экономическим союзом.

Ключевые слова: «Экономический пояс Шелкового пути», Евразийский экономический союз, интересы, право голоса.

The cooperation between the 21st Century Maritime Silk Road and Eurasian Economic Union, which is carried out under strategic surveillance and the plan of the leaders of China and Russia has become an essential symbol of the new stage in China-Russia comprehensive relations of strategic cooperation and partnership. The 21st Century Maritime Silk Road and Eurasian Economic Union not only overlap geographically, but also have similar functions and content. Meanwhile, they significantly differ with respect to their theoretical basis, means of implementation and recognition in Central Asia countries. Thus, the 21st Century Maritime Silk Road and Eurasian Economic Union are simultaneously facing new opportunities

---

* Го Лишуан – профессор марксистской академии Университета Фудань (Шанхай, Китай).
E-mail: guolishuang812@163.com.

and new challenges: on the one hand, there is a basis for successful cooperation, but on the other hand, there exists competition in the field of resources, attractiveness and influence. How one can make cooperation prevail over competition, and opportunities prevail over challenges? The answer to this question is a key to the understating of the interaction between the 21st Century Maritime Silk Road and Eurasian Economic Union. Therefore, the analysis of the value positions and requirements of the countries, participating in this project is important for improving cooperation between the 21st Century Maritime Silk Road and Eurasian Economic Union.

Keywords: *21st Century Maritime Silk Road, Eurasian Economic Union, interests, voting right.*

8 мая 2015 г. Си Цзиньпин и В. В. Путин подписали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и продвижении взаимовыгодного сотрудничества» и «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути». Подписание этих документов стало важным символом нового этапа китайско-российских всесторонних отношений стратегического взаимодействия и партнерства.

Теоретические корни Евразийского экономического союза лежат в позиционировании нового евразийства в отношении российской цивилизации, геополитики и национальной идентичности. В 1992 г. данная идея была впервые выдвинута в качестве политической концепции президентом Казахстана Н. Назарбаевым, и с момента своего третьего президентского срока В. В. Путин использовал различные меры для пропаганды и продвижения Евразийского экономического союза. Так сложилась соответствующая дорожная карта: Евразийское экономическое сообщество (2000 г.); Таможенный союз (2010 г.); Единое экономическое пространство (2012 г.); Евразийский экономический союз (образованный в 2015 г.).

Концепция «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭШПП) была выдвинута китайским президентом Си Цзиньпином во время его выступления в Назарбаев Университете в Казахстане 7 сентября 2013 г. «Экономический пояс Шелкового пути» связывает бурно развивающийся в экономическом плане пояс Азиатско-Тихоокеанского региона. На востоке он проходит через богатые ресурсами страны Центральной Азии и достигает экономически развитого Европейского региона, создавая, таким образом, крупнейший и наиболее перспективный экономический коридор в мире. В настоящее время данная инициатива стала важной стратегией развития Китая, которая является не только инновационной моделью межрегионального экономического сотрудничества, основанной на новой региональной экономической интеграции и экономической глобализации, но и планом по возрождению древнего Шелкового пути в новую эру. Ее основная позиция заключается в создании «сообщества общей судьбы» и «сообщества общих интересов».

«Экономический пояс Шелкового пути» и Евразийский экономический союз не только пересекаются географически, но и обладают близким содержанием и аналогичными функциями. В то же время наблюдаются существенные различия в теоретической основе, конечной цели, путях реализации и признании данных двух проектов в странах Центральной Азии. Таким образом, ЭШПШ и Евразийский экономический союз одновременно стоят перед лицом новых возможностей и новых вызовов: с одной стороны, существует основа для успешного сотрудничества, с другой стороны, конкуренция в области ресурсов, привлекательности и влияния. Как добиться преобладания сотрудничества над конкуренцией, возможностей над вызовами? Ответ на этот вопрос является ключом к пониманию сотрудничества между «Экономическим поясом Шелкового пути» и Евразийским экономическим союзом. Россия и Центральная Азия – это страны, расположенные вдоль ЭШПШ. Оценка и участие этих стран в стыковке ЭШПШ и Евразийского экономического союза является ключевым фактором для конкретной реализации стратегии «Экономического пояса Шелкового пути», а также предоставляет важные рекомендации для наиболее успешной реализации стыковки двух проектов. В данной статье рассматриваются мнения ученых из России и нескольких стран Центральной Азии по этим вопросам, что расширит теоретическую базу и поможет сосредоточиться на ценностях и позициях стран, участвующих в реализации данных проектов.

I. Стыковка между «Экономическим поясом Шелкового пути» и Евразийским экономическим союзом

1. Геополитический контекст и значимость стыковки

Заместитель декана Дипломатической академии МИД России О. П. Иванов в статье «Современные интеграционные процессы в Евразии в условиях геополитического соперничества» придерживается в основном позитивного отношения к стыковке двух проектов. В частности, он проанализировал международный контекст предложения Китая о создании «Экономического пояса Шелкового пути» и значимость стыковки. «Западные страны расширились до Китая через НАТО, пытаясь загнать Россию в угол. Соединенные Штаты и их союзники на востоке оказывают давление на Китай, создавая там серьезную проблему безопасности. Китай должен прорваться через это геополитическое окружение, и он может развиваться только на запад и развиваться в направлении России и Центральной Азии». [Иванов]. Стыковка ЭШПШ с Евразийским экономическим союзом имеет важное стратегическое значение как для Китая, так и для России. Успешное расширение ЭШПШ на запад уменьшит зависимость Китая от западных стран в Южно-Китайском море и по восточному маршруту Малаккского пролива, что позволит КНР успешно прорваться через окружение США. Стыковка освободит Россию от геополитически пассивного положения, в котором она оказалась из-за украинского кризиса, а также поможет уменьшить напряженность в отношениях между Китаем и Россией.

Затем О. П. Иванов проанализировал три сценария развития отношений между российским Евразийским экономическим союзом и «Экономическим поясом Китайского Шелкового пути»:

- 1) полное принятие проекта евроазиатской интеграции Китая и активное участие в нем;
- 2) жесткая конкуренция между Евразийским экономическим союзом и Китаем, что неизбежно приведет к серьезным последствиям для обеих сторон;
- 3) совмещение интересов обеих сторон и углубление интеграционного сотрудничества.

По результатам анализа сделан вывод, что для всех участников третий вариант (стыковка и сотрудничество) является оптимальным выбором.

Наконец, Иванов далее подчеркивает, что «Экономический пояс Шелкового пути» должен обладать совместимостью: «В Евразии существует несколько организаций, таких как Организация Договора о коллективной безопасности, Шанхайская организация сотрудничества, Евразийское экономическое сообщество и Экономический пояс Шелкового пути. Благодаря тому, что этот важный проект охватывает упомянутые выше различные организации, он не только реализует интересы региональных участников, но и реализует преимущества межрегиональных участников. Это означает, что может возникнуть конфронтация или конкуренция. Совместимость должна учитывать интересы всех сторон, участвующих в процессе интеграции» [Иванов].

2. Принятие стыковки странами Европы и Центральной Азии

Директор Центра стратегических исследований при президенте Республики Таджикистан С. Сафаров также положительно оценивает стыковку и считает, что Китай содействует миру и процветанию в Центральной Азии. «Экономический пояс Шелкового пути», опирающийся на развитие ШОС, будет не только способствовать процессу экономической интеграции в Центральной Азии, но и разрешению культурных и социальных проблем. Стыковка двух проектов является важной стратегией китайско-российского сотрудничества, которую поддерживают большинство жителей стран СНГ. В социологическом опросе об отношениях между Россией и Западом, в также Россией и Китаем есть два варианта для выбора: А) Россия переместится с Запада на Восток и создаст союз с Китаем. Б) Россия объединится с Западом для борьбы с «Исламским государством»^{**}. Результаты опроса показывают, что выбор варианта А в 4,5 раза превышает выбор варианта В. Из этого можно сделать вывод, что даже перед лицом самых опасных врагов в мире люди большинства стран СНГ надеются, что Россия будет сотрудничать с Китаем, а не с Западом. Успехи сотрудничества между Китаем и Таджикистаном в экономической сфере также свидетельствуют об успехах стыковки [Сафаров].

Директор Института региональной политики Узбекистана Д. С. Туроева проанализировала позицию Узбекистана в отношении стыковки проектов Китая и Рос-

---

^{**} Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ.

сии с точки зрения геополитических рисков в Центральной Азии и опыта сотрудничества с Китаем. Она отметила, что риск подрыва баланса геополитических сил в Центральной Азии возрастает, а баланс геополитических сил является фундаментальным фактором в обеспечении безопасности и стабильности в регионе. Растущее геополитическое значение Центральной Азии связано с тем, что огромный природно-экономический и ресурсный потенциал Центральной Азии по-прежнему находится в центре пристального внимания крупных соседствующих стран и их стратегических интересов. Предпосылкой международного сотрудничества Узбекистана с другими странами является: открытое международное сотрудничество, независимость от идеологии, приверженность признанным международным нормам и принципам, защита мира и безопасности, равенство и взаимная выгода, уважение суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ, мирное разрешение споров, неприменение силы и угрозы ее применения, невмешательство во внутренние дела других стран.

Сложные тенденции в мировой финансово-экономической системе прямо или косвенно влияют на выбор приоритетов для устойчивого развития в странах Центральной Азии. Одним из приоритетных является сотрудничество Узбекистана с Китаем по основным проектам в области транспорта и коммуникаций. Стабильная транспортно-коммуникационная система коридоров является важной гарантией торговых сделок между европейскими и азиатскими рынками и странами Центральной Азии. Узбекистан привлекает иностранные инвестиции и передовые технологии, а также сотрудничает с Китаем по крупным инфраструктурным, транспортным и коммуникационным проектам, придавая стране новую жизнеспособность во внешней торговле. Железнодорожный туннель, совместно построенный экспертами из Узбекистана и Китая, открыл важную часть международного транзитного коридора Китай – Центральная Азия – Европа. Это модель, которую Китай и Россия могут использовать в стыковке своих проектов. В настоящее время по-прежнему существуют некоторые неопределенности, которые могут подорвать целостность региональной структуры мировых экономических отношений. Хочется надеяться, что российско-китайское сотрудничество в сфере стыковки проектов приведет к улучшению способности центральноазиатских стран реагировать на внешние вызовы и угрозы [Туроева].

В отличие от взглядов ученых из двух стран Центральной Азии профессор А. И. Никитин из Московского государственного института международных отношений считает, что стыковка в Центральной Азии довольно сложна и указывает на низкий уровень ее принятия странами региона. Невозможно, чтобы государства Центральной Азии одновременно входили в евроазиатские стратегические рамки двух стран. «Страны Центральной Азии высказывают возражения в отношении предложений Китая и России: для стран Центральной Азии стыковка между Экономическим поясом Шелкового пути и Евразийским экономическим союзом очень сложна, это так же трудно, как и присоединение Украины и Молдовы к ЕС и СНГ» [Никитин].

Профессор кафедры мировой экономики Московского государственного университета профессор В. Л. Иноземцев в еще большей степени критикует стыковку.

Ученый отмечает, что она не соответствует современной теории экономического развития. Современная развитая экономика – это морская экономика, а не материковая. Евразийский экономический союз, пропагандируемый новым евразийством, является неправильным выбором для России. «Евразийская» концепция за счет большой территории создает иллюзию мощной страны. Данные идеи были признаны российской политической элитой и доминировали на Евразийском континенте. Но то, что Россия может иметь значительные преимущества от своего местоположения – это опасное недоразумение. Китайско-российская стыковка только увеличит стоимость развития РФ. Россия не может и не должна стать транзитной страной, и она не должна участвовать в геополитике Центральной Азии. Напротив, Россия может и должна позиционироваться как развитая морская страна и ее возрождение должно идти по пути Соединенных Штатов.

О. П. Иванов проанализировал, является ли стыковка проектов Китая и России конфронтацией с Европой и Соединенными Штатами. Он отметил, что стыковка и процесс интеграции в Евразийском регионе должны рассматриваться в контексте глобализации. В настоящее время важную роль в международных политических и экономических отношениях играют не старые международные институты и организации (такие как НАТО или Международный валютный фонд), а новые межправительственные организации, такие как ШОС, Евразийский экономический союз и т. д., действующие параллельно с западными организациями. Стыковка зависит именно от продвижения этих новых межправительственных организаций. На Западе существует непонимание процесса евразийской интеграции России – Евразийский экономический союз РФ воспринимается как попытка воссоздать Советский Союз. Украинский кризис нарушил отношения между Россией и Западом, что вызвало новые дискуссии о холодной войне. Хиллари Клинтон публично заявила на встрече на высшем уровне ОБСЕ в Берлине, что Соединенные Штаты не позволят России реализовать новый план холодной войны и возрождения бывшего Советского Союза путем евразийской интеграции. Таким образом, чтобы не переходить к новой холодной войне между Россией и Западом, необходимо прекратить демонизировать друг друга и разработать сбалансированный подход. Хорошим шагом может стать стыковка между Китаем и Россией на практическом уровне. В настоящее время мы видим, что стыковка не привела к конфронтации с Западом на всех уровнях. Она успешно продвигает процесс экономической интеграции в Европе и Азии на основе сохранения сотрудничества между европейским и евразийским проектами [Иванов].

II. Стыковка проектов и вопросы евразийской безопасности

Несмотря на то, что стыковка – это в основном экономическое сотрудничество, в сложном международном контексте трудно однозначно отделить друг от друга экономическую и политическую дипломатию. Следовательно, стыковка также напрямую связана с вопросами евразийской безопасности.

О. П. Иванов считает, что ШОС и Евразийский экономический союз как новые межправительственные организации играют ту роль, которую не могут играть старые международные организации, такие как НАТО. В глобальном контек-

сте эти новые институциональные организации не заменяют существующие западные, но при условии, когда старые организации бездействуют или ошибаются, новые играют дополняющую роль в региональной безопасности и экономических областях. На региональном уровне новая евразийская структура заполняет вакуум безопасности и служит политикой избегания хаоса в Евразии. Вмешательство НАТО или США в дела Евразийского региона нежелательно, поскольку их действия не соответствуют международному праву и не отвечают интересам региональных субъектов международных отношений. В нынешнем геополитически разнообразном ландшафте Евразии имеются разные типы отношений. Первый из них заключается в том, что в рамках процесса региональной интеграции между нациями, сверхэтническими и местными образованиями происходит перераспределение постсовременных суверенных государств. Данная характеристика очевидна для стран Центральной Азии. Конечно, к данному типу относятся также некоторые из государств-членов ЕС.

Второй тип отношений характерен для стран, которые придерживаются современных принципов защиты национального суверенитета. К ним относятся Россия, Китай и Соединенные Штаты. Характер отношений между Западом и Россией находится под влиянием холодной войны. У России, государства – преемника Советского Союза, побежденного Соединенными Штатами в холодной войне, по-прежнему отсутствует основополагающее сходство с Западом. Отношения между Россией и США, основанные на недоверии, ведут к асимметричной поляризации. Например, отказ НАТО установить официальное партнерство с Организацией Договора о коллективной безопасности, использование некоторых старых методов не способствуют разрешению проблем, особенно в сфере борьбы с терроризмом, экстремизмом и контрабандой наркотиков. Таким образом, вопрос безопасности Евразии в значительной степени зависит от соотношений интересов России, Китая и Соединенных Штатов.

А. И. Никитин сосредоточился на анализе характера и функций Шанхайской организации сотрудничества и отмечает:

- ✓ ШОС = экономический союз;
- ✓ ШОС = политико-дипломатический координационный форум;
- ✓ ШОС ≠ военный альянс;
- ✓ ШОС ≠ группа безопасности;
- ✓ конфликты между Организацией Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организацией сотрудничества: у государств-членов есть много проблем, по которым трудно достичь консенсуса:

– нет единой позиции по двум киргизским революциям, конфликту между Таджикистаном, Кыргызстаном и Узбекистаном, войне между Россией и Грузией,

– нет единой позиции по крымскому вопросу и проблеме Донбасса.

Страны Центральной Азии проводят многостороннюю политику, для этих стран (ориентация которых зависит от таких параллельных политических центров, как Пекин, Москва, Тегеран, Анкара, Брюссель и Вашингтон) не пришло время для принятия кардинальных решений. По сути, принципиальная позиция этих стран во многом зависит от России и Китая.

В действительности параллельные и пересекающиеся функции Шанхайской организации сотрудничества и Организации Договора о коллективной безопасности не столь широки: Организация Договора о коллективной безопасности сосредоточена на противодействии «старым» угрозам, в то время как приверженность ШОС социально-экономическим вопросам отсутствует у Организации Договора о коллективной безопасности. Решения некоторых проблем безопасности в России и странах Центральной Азии возможны только при помощи «внешних сил» – Организации Объединенных Наций, ОБСЕ, НАТО, Европейского союза и Организации исламского сотрудничества. Однако между Шанхайской организацией сотрудничества, Организацией Договора о коллективной безопасности и вышеупомянутыми организациями практически нет диалога. Это направление, в котором должны быть предприняты усилия по улучшению сотрудничества. Глобализация, инициированная НАТО и Европейским союзом, вынудила Шанхайскую организацию сотрудничества и Организацию Договора о коллективной безопасности начать переносить первоначальную региональную повестку дня на частичную глобализацию: сохраняя характер региональной деятельности, Шанхайская организация сотрудничества также оказывает влияние на процессы глобализации, зависящие от объединенной силы – имеющих мировое влияние Китая, Индии и России.

В плане характера и функций ШОС мнение С. Сафарова отличается от мнения профессора А. И. Никитина. Сафаров с точки зрения преодоления двойных стандартов международного старого порядка и политики надеется, что ШОС сможет стать новой силой, изменяющей старый порядок международной политики. Он утверждает, что в настоящее время международная политика и международные отношения вступили в эпоху, в которой необходимы фундаментальные изменения, поскольку в настоящее время существуют две группы противоречащих друг другу международных политических систем. Некоторые страны преследуют гегемонизм и придерживаются политических двойных стандартов, санкционируя во имя свободы и демократии другие страны. Но пришло время это изменить. В качестве новой региональной системы сотрудничества ШОС действует не только на региональные экономические отношения, но и играет позитивную и конструктивную роль в международной политике и глобальной системе безопасности. Что касается изменения международной политической структуры, то ШОС предоставила странам Центральной Азии надежду и уверенность в защите своего национального суверенитета, а также в продвижении экономического, социального и культурного развития.

В Узбекистане Д. Туроева отметила конфликт между суверенитетом стран Центральной Азии и привлечением иностранных инвестиций. Нынешний международный политический процесс в мире усугубил напряженность и геополитическую конфронтацию между соседними странами. Страны Центральной Азии сталкиваются с некоторыми внешними вызовами и внутренними угрозами. Основным условием для диверсифицированной структуры экономики является социальная и политическая стабильность, но теперь она неопределенная и неустойчивая, сталкивается с некоторыми внешними вызовами и внутренними угрозами. Это

первое условие иногда противоречит насущной задаче стран Центральной Азии: привлечение иностранных инвестиций для содействия научно-техническим инновациям, модернизация производственных мощностей приводят к конфликту между национальным суверенитетом и интересами. Таким образом, в китайско-российской стыковке уважение и защита суверенитета, прав голоса и интересов малых и средних центральноазиатских стран не только затрагивают вопрос регионально-экономического сотрудничества, но также связаны с безопасностью и стабильностью в Евразийском регионе.

III. Преимущества и недостатки Евразийского экономического союза

1. Влияние нового евразийства на концепцию управления В. В. Путина

Новое евразийство является теоретической основой Евразийского экономического союза. В настоящее время в России данная концепция из культурной идеологии превратилась в политическую практику, что оказало сильное влияние на цивилизационное позиционирование российской национальной идентичности и принятие политических решений. Особенно увеличивается ее влияние на концепцию управления В. В. Путина.

В период социального перехода России новое евразийство сыграло очень важную роль на всех уровнях. Оно стало больше, чем социальная тенденция или социальная идеология. Его влияние проникло глубоко в умы правящей элиты, стало влияющим на национальную политику фактором, прочной теоретической предпосылкой и политическо-психологической основой развития России в новом столетии.

Евразийство активизировалось в современной России, породив новое евразийство. Нынешняя цивилизационная позиция, идентичность, политические идеи и экономическая дипломатия России находятся под все более сильным влиянием этого направления. Вслед за быстрыми преобразованиями российского общества в прошлом великая держава испытала смущение и боль от блокирования в Европе. Путин уделяет большое внимание прагматизму. Из-за геополитики и потребностей национального развития он начал защищать национальную идентичность во время своего второго срока. Новый евразийский подход, новая евразийская тенденция в концепции управления на протяжении третьего срока стала еще более выражена. В это время Путин постепенно разъяснил позицию России в отношении цивилизации и национальной идентичности: «Суть России, история России – быть мостом между Европой и Азией», – а затем четко определил цель национального развития: восстановление мечты о Евразийском союзе [цит. по: Го Лишуан 2017].

Однако понятие евразийства в Евразийском союзе в понимании Путина неясно, а «евразийская» граница также не определена и не выражена конкретно. Она обладает определенной гибкостью и инклюзивностью. В целом понятие «Евразия» имеет три значения: во-первых, Европа и Азия, во-вторых, «постсоветское пространство», а в-третьих, «основа евразийского мышления». Очевидно, что Евразийский союз Путина, по крайней мере в настоящее время, исключает Западную Европу и Восточную Азию и не выступает в роли первого значения. Его ре-

альный смысл – это сочетание второго и третьего значений, то есть путь уникального экономического и политического развития Европы и Азии, основанный на уникальной географии, природе, культуре и истории Евразийского регионального центра, и отличающийся как от европейского пути (атлантизма), так и от собственно российского пути (например, панславизма). Здесь евразийство – это не чисто географическая, а геополитическая концепция. Она и не направлена против Запада, но и не зависит от него. «Евразия» Путина фактически относится к центру евразийского региона (включая центр Евразии и его окрестности). В основном это Россия, Центральная Азия, Восточная Европа и другие страны СНГ. Это также примерно соответствует тому, что Х. Маккиндер назвал «мировым островом». Основная идея Маккиндера: кто командует мировым островом, контролирует Евразийский континент, кто контролирует Евразийский континент, контролирует судьбу мира. Здесь можно увидеть амбиции Путина.

Очевидно, что построенный В. В. Путиным после его 12-летнего возвращения в Кремль Евразийский экономический союз является государственной стратегией. Это не только экономическая стратегия, но и важный фактор внешней политики, который, скорее всего, превратится в политический союз. В данной связи политический экономист А. Ю. Разуваев прокомментировал: «На самом деле новое евразийство – единственная единая концепция, которая может объединить пространство бывшего Советского Союза. Не потребуется много времени, чтобы сбылась мечта Путина о превращении России в великую державу» [Новое... 2012].

«Концепция внешней политики Российской Федерации», обнародованная в марте 2012 г., определила, что «Евразийский экономический союз является приоритетной задачей, Евразийский экономический союз может не только в наибольшей степени мобилизовать взаимовыгодные экономические связи в регионе СНГ, но и стать совместной моделью, определяющей будущее стран СНГ и открытой для других стран. Основанный на широком спектре принципов интеграции, новый союз может стать эффективным связующим звеном между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом». Новая евразийская доктрина была принята российским лидером. Вернувшийся к должности президента в мае 2012 г. Путин был назван А. Дугиным «символом евразийства».

Евразийское интеллектуальное наследие и его активизация в современную эпоху породили соответствующие идеи у профессора Московской юридической школы И. Исаева, профессора кафедры социологии Московского государственного университета А. Дугина, профессора философии Московского государственного университета А. Панарина и иных мыслителей нового евразийства. В их взглядах присутствуют некоторое крайности:

1. Намеренное ограждение Российской империи от участия в процессе построения европейской цивилизации, завоевания Азии и мира своим оружием и религией, что привело к упадку древних цивилизаций Азии в борьбе с современными цивилизациями.

2. Из-за сильного чувства патриотизма они не могут адекватно оценить колонизаторский призыв евразийства. Приверженцы евразийства прагматично при-

знают тот факт, что советский режим установил более мощную империю в *территориальном отношении*, высоко оценивают роль большевистского режима в прекращении процесса вестернизации, с помощью которого *можно было* избежать риска, подобного краху европейской колониальной системы. *Коммунистическая риторика* успешно предотвратила процесс деколонизации. Прекращение тенденции европеизации в России позволило РФ и Советскому Союзу перестроить свою дипломатию на Востоке: Китай, Индия и Северная Корея были включены в ее восточный лагерь в попытке создать буфер безопасности на Востоке.

3. Новые евразийцы совершенно не задумываются о сущности деазиатизации евразийского культурного наследия: русификация – это европеизированная трансформация Азии в Россию, европеизированное создание Российской империи с так называемой современной цивилизацией, *не признающей* независимую восточную идентичность. Азиатская часть империи никогда не имела равного статуса с европейской. Такая точка зрения нашла положительное отражение в академическом сообществе, образовалась академическая атмосфера для защиты идеологии стратегии Евразийского экономического союза в Российской Федерации.

Удивительно, но знаменитый русский философ Н. А. Бердяев увидел опасность евразийства почти сто лет назад. Это широкомасштабное наследие российской интеллектуальной истории Бердяев в произведении «Евразийцы» (1925 г.) прокомментировал так: «Евразийцы улавливают какое-то широко распространенное настроение русской молодежи, пережившей войну и революцию, идеологически облагораживать “правые” инстинкты. Их идеология соответствует душевному укладу нового поколения, в котором стихийное национальное и религиозное чувство не связано с ложной культурой, с проблематикой духа. Евразийство есть прежде всего направление эмоциональное, а не интеллектуальное, и эмоциональность его является реакцией творческих национальных и религиозных инстинктов на происшедшую катастрофу. Такого рода душевная формация может обернуться русским фашизмом» [Бердяев 1925: 135].

2. Критика российским научным сообществом Евразийского экономического союза и нового евразийства

Профессор А. Кнобель из Российской школы экономики и политических наук в статье «Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия» особо отметил, что Евразийский экономический союз – это перераспределение доминирования, основанное в целом на стандартах производительности России, Белоруссии и Казахстана.

Он проанализировал проблемы, существующие в интеграции Евразийского экономического сообщества, а также взаимодействие с другими странами СНГ и периферийными странами. Его вывод: основная проблема в интегрированном евразийском экономическом сообществе – перераспределение доминирования в соответствии со стандартами производительности. Например, цена на российскую нефть и природный газ превратилась в уровень налогообложения партнеров Евразийского экономического союза. Кроме того, обязательство Евразийского экономического союза не отражает в его текущей деятельности положительных

эффектов, указанных в соглашении. Также еще не создано больше ресурсов и возможностей, не повышена эффективность. Эти факторы в значительной степени зависят от перераспределения ресурсов «большой тройки»: России, Белоруссии и Казахстана.

А. Н. Никитин считает, что новая евразийская доктрина вызвала конфликт между Россией и Украиной, но Крым невозможно сейчас вернуть Украине. Россия строит супермост, соединяя Европу и Азию, и инвестирует в Крым. Однако понятие «русский мир» было расширено таким образом, что Россию обвинили в империалистической экспансии, и она оказалась в вихре санкций, что является негативным фактором конфликта между Россией и Украиной. Но Крым был неожиданным эпизодом конфликта и не является его главной темой.

В. Л. Иноземцев, профессор факультета мировой экономики Московского государственного университета, еще более резко критиковал Евразийский экономический союз, пропагандируемый новым евразийством, как неправильный выбор для России. В своей статье «Евразийский экономический союз: потерянные в пространстве», опубликованной в журнале «Политические исследования», он отметил, что теория мирового острова Маккиндера относится только к XIX и XX вв., а XXI в. – это век морской экономики, что уже доказано теоретически и практически. Таким образом, стратегия России в отношении Евразийского экономического союза не имеет будущего в XXI в. и станет серьезной пространственной ошибкой развития РФ. Евразийский экономический союз стал одним из самых привлекательных событий в настоящее время. Радикальные сторонники постсоветской интеграции, приверженцы нового евразийства, являются сторонниками его теории и практики. Сторонники нового евразийства в своих статьях о геополитической ориентации постсоветского пространства некритически используют теорию центрального региона, принижают значимость морской экономики и безосновательно преувеличивают пространственную ценность материковой экономики, полностью воплощая иллюзию «создателя империи». Названный «мозгом Путина» А. Дугин выступает за восстановление миссии России, возвращение к традиционной геополитике, пропаганду исторической миссии геополитического «восстановления утраченной земли» в Евразии, новую экономическую и политическую интеграцию новой империи в бывших советских республиках. Будущее России позиционируется как геополитический и геоэкономический центр мира, а Евразийский экономический союз станет носителем его глобальной экспансии [Иноземцев 2014].

По сравнению с ожесточенной критикой В. Л. Иноземцева Ю. А. Ковалев, профессор факультета политологии Московского государственного университета, дает более мягкую критику неоевразийства, но с более глубокой философской точки зрения. В декабре 2015 г. в известном журнале «Вопросы философии» он опубликовал статью «Россия: снова перед выбором пути», что вызвало пристальное внимание в политических и академических кругах России. Причина в том, что он критиковал радикальность неоевразийства, неправильные концепции «глобальной миссии», «создания нового мира», «русского мира», «высокого чувства ответственности России» и «защиты мышления России», которые в итоге привели

к утрате кода российской цивилизации и спровоцировали конфликт между Россией и Украиной, поставив РФ перед дилеммой. Он отметил, что в настоящее время выбор Россией позиции евразийства для выхода из тупика противостояния вестернизации и славянофильства является правильным, но необходимо не это радикальное новое евразийство, представленное А. Дугиным, а «мягкое» новое евразийство Л. Гумилева, новое евразийство как часть великого евразийства. Кодексом для российской цивилизации *должны быть* великое евразийство Л. Гумилева и мировое сознание В. Соловьева, сочетание этих двух концепций будет уникальным третьим мировым порядком в России [Ковалев 2015].

Новое евразийство России тесно связано с Евразийским экономическим союзом, это важная политическая тенденция, которую нам необходимо продолжать изучать.

Краткое заключение

«Экономический пояс Шелкового пути» и Евразийский экономический союз пересекаются не только географически, но и обладают аналогичными функциями и содержанием: 1) с точки зрения географии оба проекта охватывают по большей части одни и те же страны, находящиеся в центре Евразии; 2) с цивилизационной точки зрения оба проекта обладают характеристиками межцивилизационного диалога; 3) с точки зрения основного содержания оба посредством региональной экономической интеграции стремятся к развитию экономики и улучшению уровня жизни людей, очевидны геоэкономические факторы; 4) с точки зрения истории и реальности, в прошлом у Китая был Великий шелковый путь, в настоящем – ШОС; в прошлом России – история объединения в рамках царской России и СССР, в настоящем – концепция евразийства и практика Организации Договора о коллективной безопасности.

В то же время в своей теоретической основе, конечных целях, путях реализации и признании в странах Центральной Азии и т. д. между двумя проектами наблюдаются существенные различия.

1. С теоретической точки зрения Евразийский экономический союз основан на российской политической идеологии нового евразийства, подчеркивает уникальность российской цивилизации, расположенной между Европой и Азией, и геополитическое значение центрального положения России в Евразийском регионе, что демонстрирует российскую великодержавность и неудержимое желание территориального расширения при воплощении Евразийского экономического союза. «Экономический пояс Шелкового пути» в своей теоретической основе не имеет политического стремления к восстановлению великодержавия, а напротив, рассматривает «взаимное доверие, взаимную выгоду, равенство, консультации, уважение многообразия культур, стремление к общему развитию» в качестве основы для построения системы сотрудничества и подчеркивает достижение взаимовыгодного сотрудничества и совместного развития при условии равного статуса всех стран. Таким образом, по сравнению с Евразийским экономическим союзом «Экономический пояс Шелкового пути» является более всеобъемлющим.

2. С точки зрения конечной цели Евразийский экономический союз стремится к экономической и политической однополярности в мире, подчеркивая единство ценностей всех стран и реализуя мечту о возрождении России как великой державы; дойдя до определенного уровня, экономическая интеграция может трансформироваться в политический альянс и в конечном счете Евразийский экономический союз может превратиться в возглавляемый Россией наднациональный субъект и стать сильным полюсом в противовес ЕС и США. «Экономический пояс Шелкового пути» направлен на содействие торговле и упрощению инвестиций, на энергетическое сотрудничество, культурный обмен и связи, а также на гармоничное развитие всех стран, не акцентирует «политический пояс», отражая экономическую уверенность, политическую сдержанность и поиск общих позиций при сохранении различий [Ли Син 2015].

3. С точки зрения пути реализации модель Евразийского экономического союза представляется типичной моделью международной организации. Ее механизм является жестким, устанавливающим обязательные правила для создания высокоинтегрированной международной организации, аналогичной ЕС и направленной на борьбу с контролируемой Западом экономической системой. «Экономический пояс Шелкового пути» не является международной организацией, не имеет жесткого механизма и не является субъектом, а представляет собой гибкий и «мягкий» механизм, направленный на создание более свободно структурированной и всеобъемлющей симбиотической системы посредством прагматичного и гибкого многостороннего сотрудничества.

4. С точки зрения степени признания из-за политической окраски и «оборонного» характера Евразийского экономического союза в сочетании с негативным влиянием украинского кризиса большинство стран Центральной Азии проявляют выжидательную позицию. А поскольку Китай не ищет единой сферы влияния и лидерства, «Экономический пояс Шелкового пути» более приветствуется в странах Центральной Азии [Чжан Яньлу 2015].

Из вышесказанного можно увидеть, что в сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и «Экономическим поясом Шелкового пути» имеются как точки соприкосновения, так и существенные различия. Между Китаем, Россией и иными евразийскими странами имеются основания как для успешного сотрудничества, так и для конкуренции в сфере ресурсов, привлекательности и влияния, а также различные интересы, ценности и требования. Таким образом, в условиях сотрудничества и конкуренции, возможностей и вызовов необходимо уважать и уравнивать права и интересы всех сторон, своевременно отслеживать ценностные позиции и требования стран, участвующих в проектах, с целью лучшего понимания друг друга и избегания неудач.

Литература

Бердяев Н. Евразийцы // Путь. 1925. № 1. С. 134–139.

Го Лишуан. Теоретическая конструкция и политическая практика российского неоевразийства // Современный мир и социализм. 2017. Вып. 4.

Иванов О. П. Современные интеграционные процессы в Евразии в условиях геополитического соперничества // Доклады участников Международного симпозиума по Китаю и Евразии «Новые возможности и новые вызовы» (на кит. яз.).

Иноземцев В. Л. Евразийский экономический союз: потерянные в пространстве // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. С. 71–82.

Ковалев Ю. А. Россия: снова перед выбором пути // Вопросы философии. 2015. № 6 (Июнь). С. 201–209.

Ли Син. Сравнительный анализ Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза // Общественные науки в вузах Китая. 2015. № 6.

Никитин А. И. Тенденции изменения архитектуры безопасности Евразии // Доклады участников Международного симпозиума по Китаю и Евразии «Новые возможности и новые вызовы» (на кит. яз.).

«Новое евразийство»: Оглядываясь на мечту Путина о сильной нации. [Электронный ресурс] : China Youth Daily. 2012. 25 июля. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2012-07/25/c_123463938_4.htm (на кит. яз.).

Сафаров С. Новые факторы влияющие на изменение архитектуры международной политики связанные с расширением ШОС // Доклады участников Международного симпозиума по Китаю и Евразии «Новые возможности и новые вызовы».

Туроева Д. С. Вызовы и угрозы региональной безопасности и устойчивому развитию Центральной Азии: подходы Узбекистана // Доклады участников Международного симпозиума по Китаю и Евразии «Новые возможности и новые вызовы» (на кит. яз.).

Чжан Яньлу. Анализ сложного симбиоза между Евразийским экономическим союзом и Экономическим поясом Шелкового пути // Международные перспективы. 2015. № 2.

References

Berdyayev N. Yevraziitsy [Eurasians] // Put'. 1925. No. 1. Pp. 134–139.

Guo Lishuang. The Theoretical Construction and Political Practice of Russian Neo-Eurasianism // Contemporary World and Socialism. 2017. No. 4 (in Chinese).

Ivanov O. P. Modern Integration Processes in Eurasia in the Context of Geopolitical Rivalry // Presentations of the Participants of the International Symposium on China and Eurasia: New Opportunities and New Challenges (in Chinese).

Inozemtsev V. L. Yevraziyskiy ekonomicheskiy soyuz: poteryannyye v prostranstve // Polis. Politicheskiye issledovaniya. 2014. No. 6. Pp. 71–82.

Kovalev Yu. A. Rossiya: snova pered vyborom puti [Russia: facing choosing a path again] // Voprosy filosofii. 2015. No. 6 (June). Pp. 201–209.

Li Xing. Comparative analysis of the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union // Social Sciences in Chinese Universities. 2015. No. 6 (in Chinese).

Nikitin A. I. Trends in Changes in the Security Architecture of Eurasia // Reports of the Participants of the International Symposium on China and Eurasia: New Opportunities and New Challenges (in Chinese).

“New Eurasianism”: Looking at Putin's Dream of a Strong Country // China Youth Daily. 2012. July 25 (in Chinese). URL: http://news.xinhuanet.com/world/2012-07/25/c_123463938_4.htm.

Safarov S. New Factors Affecting Changes in the Architecture of International Politics Associated with the Expansion of the SCO // Presentations of the Participants of the International Symposium on China and Eurasia: New Opportunities and New Challenges (in Chinese).

Turoyeva D. S. Challenges and Threats to Regional Security and Sustainable Development of Central Asia: Approaches of Uzbekistan. Presentations of the participants of the International Symposium on China and Eurasia: New Opportunities and New Challenges (in Chinese).

Zhang Yanlu. Analysis of the Complex Symbiosis Relationship between the Eurasian Union and the New Silk Road Economic Belt // International Outlook. 2015. No. 2.

ТРЕНДЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

АСФАТРОНИКА КАК НОВЫЙ КОНСТРУКТИВНЫЙ ПОДХОД К СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Пфаненштиль И. А., Яценко М. П.*

В статье исследуются основные тенденции в мировой системе безопасности. Авторы с социально-философских позиций анализируют ведущие научные концепции в этой области. Особое внимание уделяется комплексному подходу к проблеме социальной безопасности, который максимально полно раскрывается в новой книге И. Ф. Кефели «Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности». Фундаментальный охват автором всех проявлений проблемы безопасности свидетельствует о новом направлении в науке и философии, изучающем безопасность современного мироустройства.

Ключевые слова: глобалистика, глобальная безопасность, аксиологическая шкала, альтернативные модели глобализации, социокультурной идентичности народа.

The article explores the main trends in the global security system. The authors analyze the leading scientific concepts in this area from a socio-philosophical position. Particular attention is paid to the comprehensive approach to the problem of social security, which is revealed as fully as possible in I. F. Kefeli's new book "Asfatronics: On the Road to the Theory of Global Security". The author's fundamental coverage of all manifestations of the security problem shows a new direction in science and philosophy, studying the security of the modern world order.

Keywords: globalism, global security, axiological scale, alternative models of globalization, sociocultural identity of the people.

Проблема социальной безопасности носит комплексный и междисциплинарный характер, что подразумевает необходимость расширенного подхода к определению ее атрибутивных свойств и методов разработанности. «Наша цивилизация достигла впечатляющих достижений в области науки, техники, образования, здравоохранения. <...> Но эта цивилизация породила глубочайшие глобальные кризисы, поставившие под сомнение само существование человечества. Преодоление этих кризисов требует смены прежней стратегии цивилизационного развития <...> придется пересматривать прежнюю систему ценностей и мировоззренческих установок, на которой базировался прогресс техногенной цивилизации»

---

* Пфаненштиль Иван Алексеевич – д. ф. н., профессор, заведующий кафедрой глобалистики и геополитики Сибирского федерального университета.

Яценко Михаил Петрович – д. ф. н., доцент, профессор кафедры глобалистики и геополитики Сибирского федерального университета. E-mail: mikhailyatzenko@yandex.ru.

[Степин 2006: 16–17]. Обращает на себя внимание новая тенденция: усиление взаимозависимости стран и народов, где ведущую роль начинают играть транснациональные субъекты. Они начинают трактовать международные отношения как постмеждународные или транснациональные отношения, решающим образом воздействующие на создание нового мирового порядка [Бабурин 2011: 27].

В условиях качественных изменений, происходящих на всех уровнях развития цивилизации, проблема безопасности настоятельно требует обновления, теоретико-методологического осмысления категории «социальная безопасность», уточнения принципов научного исследования, понятийно-категориального аппарата и определения философии безопасности в контексте нового геополитического, геосоциального, геокультурного миропонимания. Социокультурный вектор безопасности может включать в себя три основных уровня рассмотрения: концептуальный (онтологический и гносеологический аспекты), практический (выражение жизненных потребностей) и ценностный (философия безопасности, культура безопасности, идеология безопасности) [Викторов 2010: 145].

Феномен безопасности приобретал различные, адекватные конкретному времени формы реагирования на возникавшие опасности, угрозы и риски, поскольку является неотъемлемой составляющей всех этапов государственного социогенеза. Цели, содержание и значение безопасного существования общества зависели от специфических факторов политической, экономической и культурной жизни государств, поэтому переход на каждый последующий качественно-системный уровень требовал обновления системы безопасного развития. Подобные этапы всегда вызвали особое состояние неопределенности, нестабильности, порождая появление новых опасностей и угроз.

Первые десятилетия XXI в. являются для человечества новой переходной ситуацией, в которой формируется жизненно важная потребность активного поиска безопасного пути сохранения и дальнейшего развития цивилизации. На смену прежним идеологическим парадигмам отдельных государств, нередко провозглашавших нормой конфронтацию в отношениях, приходит осознание необходимости разработки общемировой глобальной системы безопасности на основе гуманизации [Капица и др. 2003]. По справедливому замечанию М. И. Дзлиева, «надежды на то, что при таком мировом порядке и распределении богатств планеты удастся избежать конфликтов между богатыми и менее благополучными странами, весьма слабы» [Дзлиев 2011: 160], причем не исключены войны регионального и глобального масштабов. Однако «война – это могучий фактор изменения поведения, который прививает населению рефлексы убийства, разрушения, обмана, насилия, возводя их в доблесть и заслугу... Мирная жизнь развивает продуктивную работу, творчество, а всякая длительная и жестокая война деградирует людей в морально-правовом отношении. Она биологизирует людей и представляет школу преступности и фактор криминализации людей. <...> Любая война безжалостно уничтожает в биологически-расовом отношении самых лучших, оставляя выживать и размножаться второсортный материал» [Сорокин 1992: 720–724]. Проблема сохранения полезного с точки зрения обеспечения и продолжения жизни имеющегося потенциала является важнейшей для человеческой цивилизации в целом. «Все это подтверждает необходимость новой концепции безопасности,

изменение философии социума, нового видения расширяющихся возможностей человека» [Янжул 2005: 317].

Особая роль в формировании нового универсального представления о безопасности, включающего в себя все проявления общественных рисков, противоречий и конфликтов, отведена государству. Вполне справедливо А. М. Старостин подчеркивает, что именно государствообразующий процесс способствовал становлению глобальной демократии посредством ускоренного развития новых крупных государств и образования новых государственных союзов, которые не связаны с геополитическими и геоэкономическими мотивами и интересами, сложившимися под влиянием стран Запада [Старостин 2020]. Важно подчеркнуть, что государство являлось доминирующим элементом в социуме до начала процессов глобализации, поскольку объединяло в одно целое все элементы, оставаясь при этом основным субъектом самосохранения. Философское осмысление безопасности не только ориентировано на выяснение конкретных источников различного рода опасностей, угроз и рисков, но также связано с раскрытием значимых структурных элементов системы, обеспечивающих ее самосохранение и развитие в изменяющихся, нестабильных условиях. Современная мировая ситуация свидетельствует о том, что для безопасного цивилизационного развития социума государство должно обеспечить открытую обратную связь со структурами гражданского общества, кардинально изменить систему управления и контроля над средствами массовой информации. Подобные меры, ориентирование на обновление уровня и качества общественных отношений, смогут вывести человечество на новый виток его безопасного развития.

Философия социальной безопасности ориентирована на ценностное предпочтение социальной практики и предполагает не только определенный уровень осознания сущностных противоречий бытия, но и конкретное понимание онтологических основ социальной реальности. При онтологическом подходе социальная безопасность реализуется через особые чувства и состояние доверия к постоянству природного и социального мира, с которым люди себя идентифицируют [Гладышев 1999: 499]. Для современного мироустройства характерно расширение диапазона потенциальных угроз, что в контексте теоретических рассуждений и обоснований предполагает формирование нового научного направления в исследовании проблем глобальной безопасности, которое включало бы в себя существование во всех его проявлениях. Например, развитие и функционирование информационного общества предполагает учет многих новых явлений, которые могут представлять угрозу для традиционных обществ. Ситуация, сложившаяся в современном мире, обусловлена тем, что было обнаружено новое фундаментальное противоречие дальнейшего развития, которое необходимо будет разрешить для выживания и дальнейшего существования человечества [Урсул А. Д., Урсул Т. А. 2020].

Возникает насущная необходимость создания интегрированного научного направления, включающего в себя все существующие на данный момент опасности и риски, а также пути их предотвращения, обусловленная кризисом вестернистского миропорядка, в контексте которого формировались традиционные представления о современных угрозах. Действительно, господствующий на про-

тяжении последних веков вестернизм, который претендовал на мировую цивилизационную однополярность, все чаще проявляет свою несостоятельность. Тем не менее определенные силы, одержимые убеждением в превосходстве своих ценностей, оказались не в состоянии осознать и принять новую реальность. Попытки навязывания своей аксиологической шкалы, которая преподносится в качестве «общечеловеческих ценностей», не только требуют развенчания сущности концепций, которые порождают конфликты и войны, но также вызывают к жизни подобные научные труды, которые в состоянии аккумулировать социальный иммунитет для действенного сопротивления реальным и потенциальным угрозам. Именно поэтому представляет интерес характерная тенденция современности, которая «состоит в том, что в мировой исторической науке изменяется также соотношение между социальной и ментальной историей» [Яценко 2009: 108]. Смена парадигмы и, как следствие, аксиологической шкалы высветила новые грани проблемы социальной безопасности в Российской Федерации.

На данном этапе развития человеческих цивилизаций все больше актуализируется проблема сущности безопасности современного мира, а также теоретического обоснования статуса новой дисциплины, которая аккумулировала бы в себе различные представления о безопасности. Эту роль, как убедительно показал известный ученый Игорь Федорович Кефели в своей монографии «Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности», может и должна выполнять асфатроника как новое направление глобалистики, предметом которого «выступает глобальная безопасность, отвечающая на вызовы, связанные с наступлением новой геологической эпохи – антропоцена и промышленной революции 4.0» [Кефели 2020: 5]. Важно подчеркнуть, что истоки аргументации, которую использует И. Ф. Кефели для обоснования асфатроники, берут свое начало в античной философии и науке.

В этой работе анализируются экологические, геополитические, экономические, социальные и технологические риски, являющиеся важной характеристикой современного глобального мироустройства. Большое значение имеет авторское толкование нового научного направления глобалистики – асфатроники, предметом которой выступает глобальная безопасность, которая охватывает все сферы человеческой деятельности. В условиях становления шестого технологического уклада, как убедительно показано в монографии, императивы глобальной безопасности выходят за пределы международных отношений, претендуя на управление ведущими глобальными рисками промышленной революции. В контексте асфатроники автором рассматривается наступление новой геологической эпохи в истории Земли – антропоцена. Именно поэтому «любые рассуждения о глобальной безопасности должны, так или иначе, опираться на выявление необычайно сложной диалектики связи риска и безопасности как неперменных атрибутов биосферы, атмосферы, гидросферы и литосферы (в современном их состоянии), с одной стороны, и современной цивилизации, которой присуща “общая судьба” ввиду ее “хрупкости” – с другой» [Там же: 38].

И. Ф. Кефели в своей книге говорит о необходимости уточнения категориального аппарата, потому что в условиях информационной войны потеряли изначальную наполняемость многие традиционные понятия, которые помогали

не только ориентироваться в современном политическом пространстве, но также вырабатывать действенную систему противодействия глобализационному давлению. Особая ценность научного труда И. Ф. Кефели проявляется также в том, что он обосновывает необходимость пересмотра многих традиционных понятий, обслуживающих традиционные представления об угрозах. Например, актуальность исследования потенциальных угроз обусловлена отсутствием четкой наполняемости понятия «военная угроза» как на научном, так и на бытовом уровне, что провоцирует многообразие научных подходов к его толкованию и выделению существенных характеристик. Комплексное исследование безопасности позволяет выработать новые подходы к решению целого ряда актуальных и многозначимых задач, выдвигаемых на передний план современной социальной практикой, к примеру, проблемы войны и мира. Кроме того, указанная тематика обладает важным прагматическим качеством и имеет тесную связь с общечеловеческим прогрессом и общественной практикой.

Актуальность монографии, представленной И. Ф. Кефели, обусловлена недостаточной защищенностью российской социальной системы от рисков и угроз, отсутствием целостной философской концепции безопасности социального пространства в условиях усиления решающей роли системы безопасности в инновационном развитии страны и обеспечении ее национальной идентичности. Ситуация, как справедливо подчеркивает автор, значительно обостряется ростом потребностей человека и общества в связи с масштабностью и сложностью социальных трансформаций и решаемых задач в современном мире. Современная социальная реальность является атрибутивной сферой общественной жизни, национальным приоритетом и приобретает ключевое значение для сохранения суверенитета и укрепления безопасности любого государства. Безопасность является базовым элементом социокультурной идентичности народа, основным инструментом достижения стабильности общества, богатства его духовной сферы. Безопасность – залог эффективности и устойчивого развития социальной системы. Состояние безопасности страны обуславливает успех реализации инновационных стратегий в развитии страны, ее продвижения на международном рынке труда, новейших технологий и образования. В то же время целевые установки государства на формирование системы безопасности как важнейшего ресурса обеспечения свободы и благосостояния граждан еще далеки от воплощения.

Современное состояние безопасности РФ характеризуется воздействием широкого спектра негативных факторов угрожающей направленности всего общественного прогресса. Именно поэтому полноценная безопасность является условием успешного самоутверждения общества, достижения им практически значимых целей, обеспечения его устойчивого развития и благополучия. Наличие в обществе таких негативных явлений, как социальная апатия, правовой нигилизм, системная коррупция, цинизм и безнравственность, свидетельствует о глубокой деформации его духовной сферы, несущей серьезные угрозы национальной безопасности России. Это создает трудности в формировании патриотических ценностей служения Отечеству, выработке иммунитета к враждебным идеологическим воздействиям, воспроизводит опасности и риски, подрывающие устойчивость функционирования всего социального пространства. «При рассмотрении

комплекса вопросов информационной безопасности в контексте безопасности глобальной необходимо в первую очередь обратиться к выявлению потенциальных угроз, обусловленных применением ИИ в различных сферах человеческой деятельности. Укажем на некоторые из них. Угрозой для человека может представлять интеллект не обязательно сильный, общий, человеческого или сверхчеловеческого уровня, так как достаточно иметь автономную систему, оперирующую большими объемами информации с большими скоростями» [Кефели 2020: 47].

Значение безопасности неизмеримо возрастает в связи с системным кризисом цивилизации и углублением противоречий, увеличением количества серьезных внешних угроз для России. Социум все больше теряет свою инерционность и устойчивость, все глубже опускается в критическую область смены или самоуничтожения цивилизации. Актуализируются проблемы выживаемости общества, а также обеспечения его безопасности, что во многом обусловлено неравномерностью мирового развития, порождая все новые противоречия, глобальные, региональные и национальные риски. Важно подчеркнуть, что автор опирается в своей монографии на целый ряд важнейших международных мероприятий, которые задавали и во многом задают вектор развития международных отношений. В этом плане особую роль сыграли международные конференции в Мюнхене по безопасности (2007, 2016 г.) и заседания клуба «Валдай» (2014 г.), где была отмечена опасность западной стратегии сдерживания в отношении России, а также четко определены границы национальных интересов России и стремление их отстаивать.

Нейтрализация и преодоление существующих рисков в условиях «управляемого хаоса» динамичного и взаимозависимого мира становятся важнейшими факторами не только развития, но и выживания общества. В этих условиях очевидна необходимость философской рефлексии путей и средств нейтрализации и преодоления глобальных, региональных и национальных рисков для образования и общества. Разработка и реализация современной парадигмы обеспечения безопасности общества и государства становятся велением времени. Наличие ядерного потенциала гарантирует возможность интенсивного воздействия государства на другие страны и систему международных отношений самим фактом его существования, угрозой использования средств вооруженного насилия, демонстрацией политической воли и решительности руководства вести в случае необходимости вооруженную борьбу. Необходим комплексный подход к формированию системы всеобщей безопасности, как неоднократно подчеркивает И. Ф. Кефели, и в этом плане он солидаризируется с коллегами из МГУ: только совокупность установлений (военная доктрина, доктрина национальной безопасности, концепция государственной внешней политики, официальные заявления и поведение политических лидеров государства, отношение общественного мнения к возможностям применения силы и др.), институтов и средств, определяющих военную силу как главное орудие политики данного государства, формирует статус державы как военного полюса [Ильин 2010: 181]. И. Ф. Кефели развенчивает распространенное заблуждение, согласно которому глобальные войны с использованием оружия массового уничтожения якобы утрачивают свою реальность из-за того, что его применение губительно не только для участников подобного ядерного конфликта, но и для мирового сообщества в целом. «Осознание этого не ведет, однако, к ис-

ключению региональных или локальных войн из социальной реальности» [Кефели 2020: 90].

Чрезвычайно важным и во многом новым направлением в исследовании реальных и потенциальных угроз является разработка региональных аспектов безопасности. Например, в Сибири скептически относятся к настойчиво декларируемому Западом тезису о пресловутой «китайской угрозе», не только потому, что в значительной мере избавлены от давления вестернистской аксиологической шкалы и намного ближе к пониманию конфуцианской модели мира. Сибиряки понимают, что более реальными являются угрозы, которые несет в себе нерешенность демографических и экологических проблем, что вынуждает многих из них оставлять огромную территорию без присмотра. Суть настоящей угрозы – это ЛГБТ- и прочие антисемейные ценности, снисходительное отношение к которым не только значительно усугубит демографическую проблему в нашей стране, но также нанесет мощный удар по всей системе ценностей и традиций, что создаст условия для захвата пустующих территорий России.

Большое внимание И. Ф. Кефели уделяет реальным и мнимым угрозам, которые несет в себе НТП. Свою позицию автор довольно четко определяет в следующей цитате: «Анализ глобальных социальных рисков целесообразно, на мой взгляд, осуществить, сопоставив научно-фантастические представления о роботах, которые первоначально зародились в художественной литературе, с научными разработками в области роботостроения и социальной реальностью настоящего времени... При рассмотрении комплекса вопросов информационной безопасности в контексте безопасности глобальной необходимо в первую очередь обратиться к выявлению потенциальных угроз, обусловленных применением ИИ в различных сферах человеческой деятельности» [Там же: 60]. По нашему мнению, Кефели довольно убедительно обосновал новый взгляд на геополитические угрозы, которые сформировались в последние десятилетия: «Геополитическое противостояние в современном мире, оставаясь актуальным на земле и в космосе, на океанских просторах и в воздушной среде, активно осваивает информационное пространство. В первую очередь это получило воплощение как противостояние (в том числе информационно-психологическое) в киберпространстве» [Там же]. И так, резюмирует Игорь Федорович, «“пятым измерением” войны стало выступать киберпространство (глобальное информационное пространство) как ключевое звено гибридной войны» [Там же: 76]. И далее автор более подробно раскрывает свой подход: «Мы явно или неявно переживаем все детали информационно-психологических операций в реальном масштабе времени и только спустя какое-то время начинаем осмысливать их геополитические и социальные последствия» [Там же: 79].

Автор монографии детально анализирует опасность новых угроз, которые явились побочным следствием взрывного развития новейших информационных технологий. На этом фоне все более перспективными выглядят «моделирования геополитической динамики на основе методов теории игр (в частности, теории кооперативных игр)», а также «своевременность включения в геополитический дискурс представлений о глобальном информационном поле (пространстве), которое выступает сферой не только военного, но и информационно-психологического противостояния» [Там же: 80].

Убедительно раскрыв несостоятельность различных западных проектов, в основе которых лежит идея любой ценой сохранить вестернистскую модель мира, запятнавшую себя двумя мировыми войнами и множеством послевоенных конфликтов, Игорь Федорович убедительно доказывает, что «в основу предлагаемого проекта Большого Евразийского партнерства необходимо закладывать не только геополитические и геоэкономические параметры коалиционного взаимодействия, но и ценностные и смысловые ориентиры партнерства, объединяющие интересы народов разнородного цивилизационного социума Евразийского континента» [Кефели 2020: 142]. Значение подобных проектов, которые придавали бы устойчивость Евразийскому континенту и гарантировали бы его дальнейшее существование на фоне минимизации внешних и внутренних угроз, во многом обусловлено особенностями протекания современных гибридных войн. В этом плане в монографии Игоря Федоровича находим очень важный тезис: «Особенность гибридной войны в поведенческом плане состоит в том, что никаких сдерживающих факторов морального или правового порядка в этой войне для акторов-агрессоров нет. Главное – результат (то есть разрушение геополитических пространств соперника), а не соблюдение каких-либо моральных или правовых норм. Основным геополитическим пространством в настоящее время является информационно-идеологическое» [Там же: 148].

Еще один довольно важный аспект, детально раскрываемый в монографии И. Ф. Кефели, посвящен проблеме идеологии, рассматриваемой в контексте реальных и потенциальных угроз: «Хорошо известны концепции технотронного, информационного общества и тому подобные, утверждающие принципы технократической идеологии или призывающие к деидеологизации» [Там же: 153]. Более того, любые рассуждения, аналитические разработки и прогнозы теряют смысл, если они избегают рассмотрения аксиологических и идеологических характеристик глобальных преобразований современного мироустройства. Вот почему Кефели много внимания уделяет проблеме незащищенности граждан России перед чуждыми угрозами, причем не только констатирует этот факт, но также предлагает вполне реальные пути укрепления безопасности России и ее граждан не только в военно-техническом, но и в духовном плане. Серьезным предупреждением является следующий призыв И. Ф. Кефели: «Особенно фатальным отсутствие официальной (государственной) идеологии становится в ситуации информационно-идеологической войны: агрессор в качестве оружия активно использует конструкты, сформированные в рамках его собственной доминирующей идеологии, а общество-жертва, провозгласившее “мировоззренческую нейтральность”, лишается какой-либо возможности адекватного и скоординированного ответа на агрессию. Иначе говоря, в системном противостоянии агрессивной идеологии должна противодействовать идеология, мировоззренчески и организационно обеспечивающая духовную безопасность российского общества, его исторические и цивилизационные устои» [Там же: 158]. Межклассовые противоречия никто не отменял, и в эпоху глобализации они стали глобальными. Вместе с ними происходят серьезный рост социально-экономической поляризации в мире и выбрасывание целых регионов в бездну нищеты и недоразвитости [Ильин 2020].

Рассматривая основы будущего сообщества, которое будет избавлено от большинства современных угроз, И. Ф. Кефели в своем фундаментальном исследовании не останавливается на множестве утопических проектов, а приводит аргументы в пользу вполне реальных разработок, которые характеризуют отечественную социально-философскую мысль. В этом отношении особый интерес представляет следующая цитата автора: «В интерпретации глобализма необходимо четко различать теоретический, идеологический и аксиологический аспекты. В анналах отечественной философской и культурологической мысли существовали два течения – космизм и евразийство, представляющие собой во многом схожие варианты глобального мировидения. Эти два столь ярких феномена отечественной философской и культурологической мысли с полным основанием могут быть включены в современное научное мирозерцание, предметом которого выступает глобализм. Причем в нем следует достаточно четко различать подлинный глобализм, представленный гуманистической классикой (вера в социальный прогресс, справедливость, величие человеческого духа и т. п.), и глобализм, в контексте которого утверждаются “конец истории”, столкновение цивилизаций, монополия “золотого миллиарда”» [Кефели 2020: 155].

Значительное место в монографии занимает дискуссии по поводу Большой Евразии. Дело в том, что «со стороны России и ряда евразийских организаций Евразийского партнерства», «интеграции интеграций» и др. эти предложения были инициированы творческим наследием отечественных евразийцев, теоретико-мировоззренческими работами современных авторов и, наконец, официальными документами. Правда, на пути обустройства встречается разночтение сложившейся в последние годы ситуации среди ряда отечественных авторов [Там же: 130]. И. Ф. Кефели дискутирует с теми отечественными учеными, которые скептически рассматривают новое геополитическое объединение: «...ни теория “большой Европы”, ни концепт “большой Евразии” не могут являться действенными платформами для позиционирования России в глобальной политике XXI в., и потому “будет печально, если оно (время утверждения идеи всестороннего союза с Западом ради того, чтобы само это понятие исчезло за ненужностью, никогда не ставилась в центр российских «больших стратегий») придет и застанет российских интеллектуалов внешней политики за собиранием новых конструкций из тех же кубиков, какими баловались еще их деды”. Что же касается кубиков, какими баловались “деды российских интеллектуалов”, то к последним, надо полагать, Иноземцев относит основателей отечественного евразийства – упомянутого выше П. Н. Савицкого, а также С. Н. Трубецкого, Г. В. Вернадского, Н. Н. Алексеева и др. Здесь, как говорится, комментарии излишни...» [Там же: 131]. Здесь позиция И. Ф. Кефели совпадает со взглядами сторонников междисциплинарного подхода, рассматривающих процесс глобализации как космогеофизический феномен, где все остальные социальные и геополитические события есть реализация более сложной космобиосоциальной эволюции нашей планеты в системе Вселенной [Ловецкий и др. 2020]. Выработка принципиально новой концепции безопасности автором ведется с опорой на традиции русской философии. Игорь Федорович Кефели уверен, что «автотрофно-ноосферная концепция создает предпосылки

не только для экономического роста и удовлетворения потребностей социума, но и ориентируется на сохранение равновесия исторически сложившихся экосистем. На идеях Вернадского базируется стратегия устойчивого развития, реализация которой предполагает разрешение тех же проблем. «В их основе – удовлетворение рациональных потребностей социума и сохранение устойчивости биосферы» [Кефели 2020: 99–100]. И. Ф. Кефели вполне резонно отмечает, что современные «философские и теоретико-научные проблемы взаимодействия общества и природы затрагивают не только концепцию форм организации живого, но и планетарно-биосферный и космологический контекст научного исследования» [Там же: 100]. По мнению А. Д. Урсула, дисциплинарное утверждение безопасности как категории, выражающей способ относительно «спокойного» бытия того или иного объекта, существенно отстает от проблемно-поисковых разработок. Тем не менее может быть поставлен вопрос о становлении уже в ближайшее время общенаучной дисциплины, предметом изучения которой окажется проблема обеспечения безопасности в ракурсе устойчивого развития, о чем уже высказывались определенные соображения [Урсул 1998].

Сущность нового подхода к безопасности состоит в следующем: субъект управления обществом должен осознавать естественное состояние данного общества и помочь ему развернуть такую модель жизни, которая позволит ему самостоятельно встать на путь совершенствования, противостоять росту социальных энтропий. В связи с этим концепция управления обществом является образом действительности общественной жизни России. Это положение является фундаментальным для изучения проблемы антиэнтропийного управления обществом [Чуринов 2007: 21].

Создавая свой фундаментальный труд, И. Ф. Кефели вполне осознает, что «теоретический статус асфатроники может быть признан лишь при условии, что она обретет способность выявлять закономерности становления, функционирования и развития функций и структур, обеспечивающих безопасность. Проблема состоит в том, что объекты, находящиеся в компетенции современной науки безопасности жизнедеятельности, представляют собой только часть вполне реальных угроз, которые в состоянии порушить относительную устойчивость современного мироустройства. Естественно предположить, что подобный комплекс проблем становится непреодолимым для футурологов. Трудно не согласиться с автором монографии в том плане, что «пришло время смены парадигмы глобальной безопасности, онтологические основания которой следует выявлять, с одной стороны, в структурах, процессах и механизмах наноуровня, с другой – в масштабе глобальной эволюции, очередным этапом которой начинает признаваться антропоцен. Такая смена парадигмы самым непосредственным образом касается и критических технологий, которые, несомненно, должны в своем развитии быть ориентированы на конструктивное воплощение представлений о генах безопасности и аналого-цифрового дуализма» [Кефели 2020: 168].

Известно, что проблемами безопасности занимается множество научных направлений, однако асфатроника И. Ф. Кефели представляет важный шаг к формированию теории глобальной безопасности социальных и больших технических

систем, которым присущи общие закономерности и соответствующие нанотехнологические решения. Этот капитальный труд будет востребован в различных слоях общества, поскольку эта монография помогает познать и сохранить современность со всеми ее рисками и конфликтами, а также способствует предвидению будущих угроз. «Из того, что мировое сообщество обрело и “общий дом”, и общую судьбу, и общую ответственность за то, что происходит в мире, еще не следует, что демократические ценности и принципы организации общественной жизни, по которым живет пока что меньшая часть человечества, автоматически будут восприняты остальным мировым сообществом. По крайней мере, тот напор и активность, с которыми демократические ценности зачастую внедряются в другие, не приспособленные для этого культуры, нередко вызывает недовольство, недоумение, а то и вовсе обратную реакцию» [Чумаков 2018: 33].

Литература

Бабурин С. Н., Мунтян М. А., Урсул А. Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. М. : Магистр: ИНФРА-М, 2011.

Викторов А. Ш. Социокультурные основы философии безопасности (теоретико-методологические аспекты) // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 145–166.

Гладышев В. И. Компенсаторное общение. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1999.

Дзалиев М. И. Национальная безопасность в глобализирующемся мире // Глобализационные процессы и устойчивое развитие: сб. ст. / отв. ред. А. Д. Урсул. М. : Изд-во РГТЭУ, 2011.

Ильин И. В. Глобалистика в контексте политических процессов. М. : Изд-во Московского университета, 2010.

Ильин А. Н. Результаты неолиберальной глобализации: пространство для дискуссии // Век глобализации. 2020. № 2(34). С. 18–32.

Капица С. В., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. 3-е изд. М.: УРСС, 2003.

Кефели И. Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности: монография. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020.

Ловецкий Г. И., Косушкин В. Г., Самылов П. В. А. Л. Чижевский и О. Шпенглер о периодизации всемирно-исторического процесса: развитие идей и глобалистика // Век глобализации. 2020. № 1(33). С. 41–56.

Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4.

Старостин А. М. Новая философия глобального полицентричного мира // Век глобализации. 2020. № 1. С. 28–40.

Степин А. С. Наука, религия и современные проблемы диалога культур // Наука и религия. Междисциплинарный и кросс-культурный подход. Научные труды / под ред. И. Т. Касавина. М., 2006.

Урсул А. Д. Безопасность и устойчивое развитие: От концепций к научным дисциплинам // Экономическая безопасность: вопросы реализации государственной стратегии. М., 1998.

Урсул А. Д., Урсул Т. А. Глобальные исследования и концепция устойчивого развития // Век глобализации. 2020. № 2(34). С. 3–17.

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные исследования: их роль и ценность в глобальном мире // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2018. № 1. С. 30–44.

Чуринов Н. М. Совершенство слова и дела // Теория и история. 2007. № 1. С. 3–10.

Янжул И. И. Экономическое значение честности. Забытый фактор производства / И. И. Янжул // Избр. труды. М. : Наука, 2005.

Яценко М. П. Глобализация как форма организации исторического процесса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 111. С. 103–110.

References

Baburin S. N., Muntian M. A., Ursul A. D. Globalizacija v perspektive ustojchivogo razvitija [Globalization in the Perspective of Sustainable Development]. Moscow : Master: Infra-M, 2011.

Victorov A. S. Sociokul'turnye osnovy filosofii bezopasnosti (teoretiko-metodologicheskie aspekty) [Sociocultural Foundations of the Philosophy of Security (Theoretical-Methodological Aspects)] // Herald of Moscow University. Sociology and Political Science. 2010. No. 3. Pp. 145–166.

Gladyshev V. I. Kompensatornoe obshhenie [Compensatory Communication]. Ekaterinburg : UrSU, 1999.

Dzliev M. I. Nacional'naja bezopasnost' v globalizirujushhemsja mire [National Security in a Globalizing World] // Globalizacionnye processy i ustojchivoe razvitie [Globalization Processes and Sustainable Development] / ed. by A. D. Ursul. Moscow : RGTEU, 2011.

Il'in I. V. Globalistika v kontekste politicheskikh processov [Globalistics in the Context of Political Processes]. Moscow : Moscow University Publishing House, 2010.

Il'in A. N. Rezul'taty neoliberal'noj globalizacii: prostranstvo dlja diskussii [Results of Neoliberal Globalization: Space for Discussion] // Vek globalizatsii. 2020. No. 2(34). Pp. 18–32.

Capica S. V., Kurdyumov S. P., Malinetsky G. G. Sinergetika i prognozy budushhego [Synergy and Forecasts of the Future]. Moscow : URSS, 2003.

Kefeli I. F. Asfatronika: na puti k teorii global'noj bezopasnosti [Asfatronica: On the Way to the Theory of Global Security]: monograph. St. Petersburg : CPI SZIU RANHIGS, 2020.

Loveckij G. I., Kosushkin V. G., Samylov P. V. A. Chizhevskij i O. Shpengler o periodizacii vseмирno-istoricheskogo processa: razvitie idej i globalistika [V. A. Chizhevsky and O. Spengler on the Periodization of the World-historical Process: the Development of Ideas and Globalism] // Vek globalizatsii. 2020. No. 1(33). Pp. 41–56.

Sorokin P. Sovremennoe sostojanie Rossii [Modern State of Russia] // Novyj mir. 1992. No. 4.

Starostin A. M. Novaja filosofija global'nogo policentrichnogo mira [New Philosophy of the Global Polycentric World] // Vek globalizatsii. 2020. Pp. 28–40.

Stepin A. S. Nauka, religija i sovremennye problemy dialoga kul'tur. Nauka i religija. Mezhdisciplinarnyj i kross-kul'turnyj podhod [Science, Religion and Contemporary Problems of Dialogue of Cultures. Science and Religion. Interdisciplinary and Cross-Cultural Approach] / ed. by I. T. Kasavin. Moscow, 2006.

Ursul A. D. Bezopasnost' i ustojchivoe razvitie: Ot koncepcij k nauchnym disciplinam [Security and Sustainable Development: From Concepts to Science] // Ekonomicheskaja bezopasnost': voprosy realizatsii gosudarstvennoj strategii. Moscow, 1998.

Ursul A. D., Ursul T. A. [The Global Studies and the Concept of Sustainable Development] // Vek globalizatsii. 2020. No. 2(34). Pp. 3–17.

Chumakov A. N. Kul'turno-civilizacionnye issledovanija: ih rol' i cennost' v global'nom mire [Cultural and Civilization Studies: Their Role and Value in the Global World] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 27. Globalistika i geopolitika. 2018. No. 1. Pp. 30–44.

Churinov N. M. Sovershenstvo slova i dela [Perfection of Words and Deeds] // Teorija i istorija. 2007. No. 1.

Yanjul I. I. Ekonomicheskoe znachenie chestnosti. Zabytyj faktor proizvodstva [Economic Importance of Honesty. Forgotten Factor of Production] / I. I. Yanzhul // Izbrannye Trudy [Selected Works]. Moscow : Nauka, 2005.

Jacenko M. P. Globalizatsija kak forma organizatsii istoricheskogo processa [Globalization as a Form of Organization of Historical Process] // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Herzena. 2009. No. 111. Pp. 103–110.

МИРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сабден О. С.*

Мир переживает сложности, грядет новая цивилизация. В условиях глобального кризиса встает вопрос: в каком направлении идет мировое развитие? Автор излагает свое видение изменившегося мира, мировой цивилизации, а также предлагает конкретные проекты. По его мнению, с изменением мировой цивилизации переход на новую, седьмую формацию может осуществиться на основе построения интегрального общества, конвергентного пути развития мира. Общественное развитие приобретает новый статус гуманистическо-ноосферной цивилизации. Опираясь на эволюцию развития Тюркской империи, автор предлагает безальтернативный путь прорыва в развитии тюркской цивилизации, основанный на духовно-исторических и культурных ценностях, которые находятся на более высокой фазе по сравнению даже с развитыми странами.

Ключевые слова: цивилизация, глобализация, тюркская цивилизация, гуманизация, конвергентное развитие.

The world is going through difficulties and a new civilization is coming. In the conditions of the global crisis, there arises the following question: what is the direction of the global development? The author expresses his vision of the changing world, world civilization, and presents specific projects. In his opinion, with the change of world civilization, the transition to a new seventh formation can be realized on the basis of creating of an integral society and convergence path of the global development. The development of society is moving to a new status of humanistic-noospheric civilization. Basing on the evolution of the Türkic empire, the author offers a non-competitive way of breakthrough in development of the Türkic civilization, based on spiritual, historical and cultural values, which are at a higher stage than even in the developed countries.

Keywords: civilization, globalization, Türkic civilization, humanization, convergent development.

Мировая цивилизация

Сегодня благодаря Интернету, цифровизации, высоким технологиям мир, с одной стороны, прозрачен, а с другой – очень быстро меняется, и порою не знаешь, что ожидает нас завтра. В мире много неурядиц: это изменение климата,

---

*Сабден Оразалы Сабденович – д. э. н., профессор, заведующий отделом глобализации и экономической политики Института экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Алматы). E-mail: osabden@mail.ru.

продовольственный кризис, нехватка воды, голод, миграция, коронавирус и др. Мировой кризис углубляется небывалыми темпами. Главные последствия данного кризиса могут быть весьма плачевными и продолжительными. Видя положение дел в мире, приходишь к выводу, что человечество блуждает и находится на перепутье. Происходят ошибки в формационном развитии мирового сообщества. Все известные нам сценарии развития капитализма и социализма исчерпали свои потенциальные возможности. Ошибки обеих систем привели нас к системному кризису.

Происходит интернет-революция, создаются новые технологии, искусственный интеллект, роботизация и др. – на все эти явления общество реагирует с запозданием, а мировые институты (государства, правительства, парламент, ООН, НАТО, ЕС, ШОС, БРИКС и др.) не могут создать адекватную систему мер их использования для мирного развития цивилизации. Некоторые страны, наоборот, начинают совершать провокации, иницируя разные политические и военные интриги. Создается жуткое впечатление, что они хотят развязать третью мировую войну. Вообще самой страшной опасностью для человечества могут стать различные биологические болезни, что в настоящее время ощущается в связи с пандемией коронавируса.

Одно ясно: мир идет к новому укладу жизни, многое меняется, и это ощущают миллионы людей, находясь дома, оказавшись запертыми в четырех стенах. Трудно увидеть дорогу, которая выведет нас на светлый путь. Да, мы прошли несколько формационных укладов жизни. Это первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, азиатская формация, капиталистическая, социалистическая. По мнению ведущих ученых мира, предстоящая седьмая формация будет *интегральным обществом* [Гэлбрейт 1969]. Вопрос: каким будет строительство нового общества? Ясно, что новое интегральное общество впитает все положительное, что человечество приобрело в прежних формациях, особенно плюсы капитализма и социализма. Этот путь на Западе считается конвергентным путем развития, то есть симбиозом лучших черт капитализма и социализма, что является наиболее подходящим сценарием общественного развития в XXI в. И создание такого «гибрида» капитализма и социализма – процесс долгий и весьма сложный.

Если говорить о Казахстане, то мы, стараясь подражать соседям, а также находясь в центре пристального внимания зарубежных советников международных банков и фондов и прислушиваясь к ним, сами не заметили, как оказались в системе координат бюрократическо-олигархического капитализма. Все развивающиеся страны тоже должны принять конвергентный путь развития, так как цивилизация мирового сообщества должна развиваться по одному спиральному пути. Можно отметить, что, используя это путь, такие государства, как Китай, Вьетнам, Скандинавские страны, а также Эстония, достигли на начальном этапе довольно неплохих результатов. Однако у некоторых из них демократия – не самая сильная сторона, например в КНР.

Цивилизация представляет собой единство исторического процесса, протекающего на платформе совокупности материально-технических и духовно-исторических достижений человечества. Понятие цивилизации известно еще со

времен Античности, когда некая форма и порядок жизни противопоставлялись варварству.

В локально-историческом смысле цивилизациями называют качественно различные уникальные этнические или исторические образования, ограниченные пространственно-временными рамками; согласно этому подходу предполагается, что у каждого народа своя собственная уникальная цивилизация. Например, ученые насчитывают более 20 видов цивилизаций: *античная, арабская, китайская, египетская, иранская, индийская, сирийская, минойская, шумерская, тюркская, хеттская, вавилонская, андская, мексиканская, юкатанская, майя и др.*

В нашей статье рассмотрены некоторые личности и учтен их вклад в общемировую цивилизацию, для удобства с разделением по материкам (Азия, Африка, Северная и Южная Америка, Европа, Австралия). Классификация проведена *по семи приоритетным направлениям* деятельности, важным для цивилизации.

1. Прежде всего нельзя отрицать влияние *мировых религий* на развитие человеческой цивилизации. Здесь, несомненно, необходимо акцентировать внимание на основных представителях мировых религий, таких как Будда, Конфуций, Иисус Христос, пророк Мухаммад. Духовные представители мира всегда в первую очередь выдвигали идеи, способствующие пробуждению сознания, освобождению его от стереотипов, и лишь потом рекомендовали применять технологии, совершенствующие физическое тело, без которого сознание не может полностью реализовать себя и существовать в материальном мире. К сожалению, данную истину даже представители развитых стран не понимают или не хотят понять: в большинстве случаев вначале думают об обогащении, а лишь потом уделяют внимание разуму и духовному развитию. *В XXI в., в эпоху глобализации, для гуманизации общества и возрождения духовно-исторических ценностей необходимы единение конфессиональных систем, планетарная кооперация народов, наций и этносов.*

2. Все научные направления берут свое начало с *философии*. Развитие мышления и сознания является основой мировой цивилизации. В связи с этим необходимо отметить следующих великих мыслителей человечества: Сократ, Аристотель, Платон, Архимед и др. Сегодня мировая философская наука находится в стадии стагнации. Многие новые процессы, происходящие в окружающем мире, нуждаются в принципиально новом философском осмыслении вчерашней, сегодняшней и завтрашней человеческой цивилизации. Сейчас мир как экотенциальная система опутан глобальной сетью, информационными потоками и сетевой экономикой, Интернетом и др. Тем не менее необходимо отметить, что понятие «информация» до сих пор не признано как философская категория. С философской точки зрения мир сегодня следует понимать как глобальную самоорганизующуюся систему, которая живет по нелинейным и диалектическим законам, законам живой природы и управления циклическим развитием. *Отсюда перед философской наукой как интегрирующим центром в системе наук стоят новые задачи – рассмотрение ряда нововведений, разработка новой парадигмы, новой философии спасения в понимании научной картины многополярного мира, в условиях перехода к гуманистической ноосферной и планетарной цивилизации нового*

типа. По теории эволюции, человечество должно пройти через точку сингулярности к новой цивилизации без глобальной катастрофы.

3. Цивилизация как достаточно высокая ступень овладения силами природы, несомненно, содержит в себе мощный потенциал науки и научно-технического прогресса и способствует повышению качества и уровня жизни людей, более комфортному их существованию. Здесь следует отметить следующих ученых с мировым именем: Абу Али ибн Сина, аль-Фараби, Исаак Ньютон, Чарльз Дарвин, Адам Смит, Карл Маркс, Эрнест Резерфорд, Альберт Эйнштейн, Галилео Галилей, Михаил Ломоносов, Дмитрий Менделеев, Владимир Вернадский, Мария Кюри, Томас Эдисон, Никола Тесла, Роберт Оппенгеймер и др. Наука – как обоюдоострый меч. Все зависит от того, как государственные мужи будут использовать ее результаты – для уничтожения или для развития цивилизации; примеров этому предостаточно. Теперь она имеет глобальный характер, и один неверный шаг может уничтожить как целые регионы, так и все человечество. Некоторые ученые с мировым именем, говоря о кризисе науки, утверждают, что великие открытия учеными уже сделаны. Не оспаривая данный тезис, а также учитывая то, что нам еще предстоит жить в новой ноосферной цивилизации, надеемся, что ученые умы могут дать человечеству еще не одно великое открытие. *Этого мы ждем в новых направлениях цивилизационного развития, в таких областях, как взаимодействие общества с природой; производство продуктов шестого-седьмого технологических укладов; нано- и биотехнологии, геновая инженерия, информатизация, космическая технология, искусственный интеллект, роботизация, солнечная и водородная энергия, телепортация атомов, магнетизм и др.* Наука остается решающим фактором преобразования окружающего мира в XXI в. На основе интеграционных преобразований, возможно, естественных и гуманитарных наук, при осуществлении междисциплинарных исследований и проектов в мире появятся новые открытия. Вслед за эрой цифры, возможно, наступит эра разума, то есть человечество достигнет высшего уровня мышления, интеллектуального и культурного развития, в результате чего откроется путь к новой цивилизации ноосферного развития.

4. Один из признаков цивилизации – появление государственного устройства и права. Здесь стоит вспомнить имена «пассионарных» исторических личностей и правителей, которые по-разному повлияли на ход истории, основали империи, отдельные государства и были реформаторами и великими государственными деятелями: Цинь Шихуанди, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Бейбарыс, Чингисхан, Юлий Цезарь, Аттила, Томирис, Александр Македонский, Тамерлан, султан Сулейман Великолепный, Мустафа Кемаль Ататюрк, Наполеон, Петр I, Владимир Ленин, Иосиф Сталин, Адольф Гитлер и др. Образно говоря, в большой семье есть личности как положительные, так и отрицательные.

5. Ценности прогрессивного типа развития во всем мире признаются как общечеловеческие. Это результат развития рынка, правового демократического государства, гражданского общества, прав человека. В данном направлении следующие личности внесли свой огромный вклад: Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон, Авраам Линкольн, Джон Кеннеди, Махатма Ганди, Джавахарлал Неру,

Кофи Аннан, Патрис Лумумба, Нельсон Мандела и др. К великому сожалению, из нынешних правителей, руководителей государств мира весьма трудно кого-либо отнести к перечисленным лидерам; накапливается слишком много проблем, препятствующих дальнейшему развитию. Когда мир находится в турбулентном движении и нельзя ничего предугадать, весьма важна роль государственных правителей и деятелей. Здесь лидеры развитых стран, входящих в G7, G20, ООН, ЕС, и международных общественных организаций должны задавать тон в деле интеграции, доверия мирному соглашению и решению острых мировых проблем, которые постоянно беспокоят человечество. *В этом аспекте мировое сообщество должно выявить новых лидеров, личностей своего времени, как и прежде в истории развития человечества, объединяющих людей в целях спасения нашей планеты и будущего поколения от грядущих климатических изменений, катаклизмов, катастроф, войн и т. п.*

Отдельно необходимо отметить первооткрывателей и мореплавателей, таких как Христофор Колумб и Джеймс Кук. Из современных можно упомянуть первого в мире космонавта Юрия Гагарина, полет которого в космос всколыхнул весь мир. В ближайшем будущем новые открытия ожидаются прежде всего в области освоения космоса, межпланетных пространств и в других областях знаний. Тогда человечество станет свидетелем появления новых героев, открывателей планет в ноосферной цивилизации. Наступает эра сотрудничества.

6. В большинстве случаев культура рассматривается как неотъемлемая часть цивилизации. Конечно, можно привести очень длинный список имен, но ограничимся только некоторыми представителями: Вольфганг Амадей Моцарт, Марк Твен, Эрнест Хемингуэй, Оскар Уайльд, Теодор Драйзер, Лев Толстой, Чарли Чаплин и др. Если говорить о будущем культуры, то все представители самых разных культур, национальностей понимали необходимость справляться с теми задачами, которые возникают в эпоху новой цивилизации. *На наш взгляд, стержнем этой эпохи может быть духовно-технологический прорыв к новой цивилизации. Главное, чтобы искусственный интеллект, роботизация человечества, то есть все новые технологические изменения, не «покушались» на традиционные источники смысла жизни и быта человека, становление социокультурного строя. Катализатором может служить культурный ренессанс, объединяющий исторические ценности прошлого, настоящего и будущего. Он основан на движении человечества вверх, к новому коллективному и моральному сознанию, основанному на единении, сотрудничестве всех религий, общественных организаций и других международных структур мирового сообщества.*

7. Человечество пережило разные стадии общественного развития. Сегодняшний этап характеризуется постиндустриальным типом общества. Современная жизнь немыслима без компьютерных технологий и цифровых средств связи. Здесь необходимо отметить основателей новых информационных технологий – Билла Гейтса, Стива Джобса и др. *Самое главное, чтобы будущие технологические изменения, информационные технологии служили лишь важными средствами для создания благ общечеловеческой цивилизации в XXI и в последующих веках. В конечном итоге все зависит от разумного взаимодействия человеческого фактора (потенциала) самых умных в мире людей.*

В целом научно-технический прогресс ведет к глобальному сотрудничеству, созданию общепланетарных систем информации, связи, транспорта, торговли, стиранию архаичных различий между странами. Появление в XX–XXI вв. глобальных проблем, связанных с выживанием человечества на планете Земля, – угроза ядерной, экологической катастрофы, демографические проблемы и т. п. – служит дополнительным аргументом в пользу единства человеческой цивилизации, а также формирования единого цивилизационного пояса в мире.

Цивилизация часто ассоциируется с урбанизацией, наукой, техникой и технологией. По оценкам ученых, в указанных направлениях многие открытия и находки уже сделаны, вопрос заключается в общедоступности их, например, для отдельных стран мира. Тем не менее интеллект человека в состоянии постичь еще многие тайны. Возможно, следующие открытия и ноу-хау будут связаны с космосом, другими планетами Солнечной системы и т. п. Таким образом, мировая цивилизация уже вступила в новый этап своего развития, то есть переход к гуманистической, ноосферной и нового типа планетарной цивилизации.

Также стоит отметить, что прогресс цивилизации и науки не всегда идентичен культурно-духовному развитию, последний включает в себя нравственные, эстетические, религиозные измерения и составляет самостоятельный и активный пласт в жизни социума. В связи с этим на пути развития цивилизации человечество не должно забывать и про духовное развитие, так как оно является прочным фундаментом жизнестойкости любой цивилизации.

Человечество сейчас находится на перепутье. Либо мы найдем новый путь, кардинально меня направление развития в сторону ноосферной цивилизации, формирования биосферного сознания, либо нас настигнет угроза исчезновения. Мы ограничены и в пространстве, и во времени. Наступает момент истины, то есть – быть или не быть новой цивилизации.

Эволюция и обновление тюркской цивилизации

Общеизвестно, что древней тюркской родиной были Алтай и Средняя Азия, в эпоху неолита и бронзового века – Южная Сибирь, а также в древние времена (в 7-м тыс. до н. э.) – Иерихон, и тогда же люди начали осваивать землю и заниматься земледелием.

В целом древние тюрки в истории считаются скифами, саками, хунну, гуннами, усунями и канлы. Что касается потомков тюркского происхождения рода Ашина, лидерами гуннов в истории (в их числе Модэ, Томирис, Аттила, Эртонга, Тонкок, Бумын, Мукан, Эстеми, Иолигтегин, Чингисхан, Амир-Темир, Хубилай, Бейбарс, Улугбек, Сулейман) были и десятки других глав государств, каганы и ханы.

Возникает большой вопрос. В то время тюркский народ не был многочисленным, но, несмотря на это, завоевал полушарие. Вопрос заключается в том, откуда у них такая могущественная сила. Тюркский каганат имеет более чем 3000-летнюю историю и охватывал территорию начиная от Тихого океана, включая Корею, Китай и империю Сун, а также Вьетнам, Бирму, Камбоджу, Индию, Иран, Пакистан, Афганистан, Среднюю Азию, Сибирь, Волгу, Каспий, Кавказ, Крым

и Средиземноморье, Вену, Тунис, Дамаск, Каир, Константинополь, Багдад, Алжир. И если рассматривать побежденные народы, то можно убедиться, что их было в десятки, сотни раз больше. Возникает вопрос: «В чем заключается феномен тюркского народа?» [Груссэ 2006]. Конечно, это головоломка, которую трудно решить, и связано это со многими факторами.

Тюрки завоевали почти весь материк и завладели всем Евразийским континентом. О тюркском населении арабский историк Абу аль-Ала ибн-Хассул в своей «Книге о превосходстве Тюрков над другими воинами» (1252 г.) сказал: «...в мире нет людей более стойких и более настойчивых в достижении целей. В подтверждение их всемогущества, величия, гордыни и неиссякаемой мощи достаточно вспомнить слова благословенного посланника Аллаха: не трогайте тюрков, пока они не трогают вас...»

Потомки тюркских шангюев (386–550 гг. н. э.), становясь во главе китайских династий, считали, что тюркские племена должны быть раздроблены, изолированы друг от друга, в ином случае они могли «перевернуть с ног на голову весь Китай» [Паркер 2008].

Оглядываясь на действия Чингисхана и его потомков в XII в., можно убедиться в том, что это правда. Например, внук Чингисхана Хубилай-хан со своими потомками управлял гигантским Китаем с империей Сун, включая Пекин (1256–1360). Он внес значительный вклад в процветание и цивилизацию экономики Китая, построил новый город Даду, который назывался Великая Столица, создал систему снабжения населения рисом, также завоевал Вьетнам, Бирму, Камбоджу и т. п. Чингисхан совершил мощный боевой поход, захватив Корею и Китай, и поручил своей правой руке Мукали «держат их как вассалов».

Если Римская империя (Рим, который в свое время платил налог Аттиле) находилась в состоянии войны в течение девяти веков, то тюркский воин был с мечом на коне в течение 13 веков, и никто не мог противостоять Тюркской империи.

Свидетельством тому является Китай: его император Цинь Шихуанди (221–210) годами строил Великую китайскую стену для защиты от гуннов. Выдающийся французский историк и востоковед Рене Груссэ в своей книге «Империя степей» пишет: «Аттила, Чингисхан, Тамерлан... Великие Варвары, они возникали в самом сердце истории цивилизации и молниеносно, в течение нескольких лет, превращали римский, иранский, китайский миры в груды руин» [Груссэ 2006].

Здесь Рене Груссэ подразумевает «варвара» в положительном смысле слова. Но утверждения евроцентристов, будто кочевой народ – дикари, не соответствуют истине. Если обратиться к истории, то можно убедиться в том, что тысячи лет назад у кочевых народов имелись: руническое письмо, религия, одомашненная лошадь, ботайская культура, плавка металла, изготовление оружия, развитие ремесел и уникальная воинская культура. В VI–V вв. до н. э. противостояние Тюркского каганата и одной из крупнейших армий в мире, царей Кира II и Дария, в VI–V вв. завоевание Европы, в XIII в. – всего полушария, 100-летнее правление в Китае Хубилая и его потомков и т. д. я бы назвал «тюркским феноменом».

Томирис, Модэ, Буме, Мукал, Бейбарс и другие тюркские каганы, ханы, которые произошли из тюрков, потрясли мир своей храбростью, контролировали тер-

ритории всех четырех сторон света – можно вообразить влияние могущественной империи.

Предки тюркоязычных народов – скифы, саки, гунны, жившие в бескрайних степях Евразии тысячи лет – оставили четкий след в человеческой истории. Известны их огромные курганы, найденные в них ювелирные изделия представлены в музеях и по сей день. Тумар (Томирис), царица (570–520 гг. до н. э.), которая защищала свою страну от Кира II, пытавшегося вторгнуться в земли саков; принц саков, который умер в раннем возрасте и был похоронен с золотом, часто называемый «золотым человеком» (V–IV вв. до н. э.); Аттила (434–453 гг.), король гуннов, который потряс Европу и Римскую империю, – остаются широко известными личностями в мировой истории.

Чингисхан и эмир Тимур сформировали большую империю на Евразийском континенте, от побережья Тихого океана до Европейской равнины. Основное богатство заключалось в этом пространстве. Это была самая мощная сила в мире. Европа, которая боялась этой разрушительной армии, оказалась в отчаянном положении и была вынуждена с ней бороться. Если бы не географическая отдаленность от Европы, холодный климат и инфекционные заболевания (чума), кто знает, возможно, тюркская армия захватила бы Западную Европу. Как тогда развивалась бы евразийская цивилизация?

Историческая судьба добавляет новые ветви развития Европы. Беспорядки, волнения, продолжающиеся войны на Ближнем Востоке и в Африке ускоряют процесс миграции. В будущем миллионы людей (в основном мусульмане) из этих стран будут мигрировать в Европейский союз и ускорять процесс международной интеграции. Что ожидает Европу, пока неизвестно.

Возникает второй вопрос: почему тюркский мир рассеялся после того, как стал сверхгосударством, подобным Римской империи? Способны ли современные тюркоязычные страны возродиться и каков потенциал их развития с использованием новой цивилизационной спирали? Данные вопросы глубоко волнуют многих.

Их нельзя рассматривать в одностороннем порядке, как показала история. В мире было много империй. Они просуществовали десятилетия, сотни лет, заняли свое место и послужили глобальной цивилизации, придав импульс развитию. Однако с развитием истории, и особенно с быстрым научно-техническим прогрессом, тюркский этнос трансформировался, появлялись новые объединения и государства, многие национальные государства и некоторые племена были в конечном счете уничтожены. Тюркская империя, когда-то бывшая одной из шести мировых империй, шла по аналогичному историческому пути. Жизнь показала, что тюркские народы внесли значительный вклад в цивилизацию человечества. Подтверждением служат исследования ученых. Тюркский ученый К. Маршан одним из первых доказал существование тюркской цивилизации. Ученые, изучавшие тюркскую цивилизацию: Кадрали Бек, Н. М. Ядринцев, Е. Паркер, Суян Су, М. Х. Дулати, Ш. Уалиханов, В. В. Бартольд, С. П. Толстов, А. З. Уали, Л. Н. Гумилев, Ю. Гроус, М. Аджи, А. Дж. Тойнби, Л. Р. Кызласов, Н. Эдвард, Г. Файзрахманов, Т. Рыскулов, С. С. Асфендиаров, А. Х. Маргулан,

Б. Е. Кумеков, О. Смагулов, С. Ахматнуров, С. Ш. Аязбекова, Н. Амрулеков и др. [Ахматнуров 2015; Осборн 2018; Рахманалиев 2015; Аджи 2014].

Общее количество тюркоязычного населения сейчас превышает 200 млн человек. Если бы они не были разбросаны по всему Евразийскому континенту, если бы не сражались друг с другом, а вместе завоевывали обширные территории Евразии, могли бы тюркские народы объединиться и основать крупнейшее и наиболее развитое в мире государство, как США и Китай? Вполне возможно, что наши предки не смогли воспользоваться этой возможностью по причине вражды между собой. Сейчас существует множество предположений, но мы полагаем, что в то время у Тюркской империи не было многолетнего стратегического плана.

В настоящее время бывший древнетюркский каганат представляет собой территории шести тюркоязычных государств (Турция, Казахстан, Узбекистан, Азербайджан, Киргизия, Туркменистан), крупные автономные округа (Татарстан, Башкортостан, Саха, Тыва, Хакасия, Чувашия, Алтай, Синьцзян-Уйгурский автономный район и др.). Следующая цель в XXI в. – соединиться и интегрироваться на новой основе, поскольку тюркские народы имеют близкие корни. Какие в этом плане имеются идеи и проекты? На мой взгляд, необходимо осмысливать и реализовывать идеи в этом направлении.

В древние времена существовала легенда о тюрках, гласившая: «Тюркский язык похож на бесценную жемчужину, временно находящуюся под морями. Но когда она выходит из моря, то приобретает большую ценность, превращаясь в королевскую корону...» [Рахманалиев 2015].

Сегодня мы должны конкурировать с развитыми капиталистическими странами, поднимая наши «алмазы» со дна этого исторического моря, объединяя тюркоязычные народы и используя наши духовные ценности для стимулирования их развития. Примерно в середине этого века тюркский мир должен занять свое место в мире. Если мы не сможем этого сделать, развитые капиталистические страны оттолкнут нас от цивилизационного пути. Только установив амбициозные цели, тюркский мир может стать самым передовым на планете. Главы государств, ученые, интеллектуалы играют в этом особенную роль.

Исследуя экономический потенциал современного тюркского мира, можно заметить, что, согласно индексу глобальной конкурентоспособности ежегодного Давосского экономического форума, мы находимся в худшем положении. Азербайджан занимает 37-е место в индексе глобальной конкурентоспособности. Казахстан на 53-м месте, Турция на 55-м, а Киргизия – на 111-м. Если смотреть глубже, то тюркоязычные страны значительно отстают в инновациях, развитии здравоохранения, образования, науки и техники, финансовой системы и особенно бизнеса (80–100-е место). Нам необходимо уделять больше внимания этим показателям, особенно новому образованию, науке и технике.

На мой взгляд, нет другого пути ускоренного развития для стран тюркского мира, чтобы «сесть в последний вагон цивилизационного поезда XXI в.». Необходима одна интеграционная идея, которая объединит тюркские народы. Если рассматривать мировую цивилизацию в процессе глобализации, в том числе путь

развития стран G7, очевидно, что мы не можем конкурировать с ними в областях экономики, новых технологий, экологии, безопасности, освоения космоса.

Есть только один способ, с помощью которого тюркский мир сможет конкурировать с развитыми нациями – возродить и укрепить наши духовные, исторические и культурные ценности.

Мир развивается по спирали, подобно ДНК. Человек так же, как гибкая спираль, быстро приспосабливается к жизни, борясь со сложностями, находит новый путь развития и т. д. Что касается текущей ситуации, мы быстро развиваемся благодаря научно-техническому прогрессу, и есть много инноваций: нанобиотехнология, генетика, информационные и коммуникационные технологии, космические технологии и Интернет. С другой стороны, мир резко меняется, и порой трудно понять, что будет завтра. Это вызывает сомнения относительно того, что угрожает человечеству. Оглядываясь вокруг, можно сказать то же самое: пожары, войны, экология, потепление климата, миграция. Похоже, человечество нуждается в устойчивом направлении своего развития.

В последние годы мир сталкивается с новой цивилизацией на фоне политических, экономических и глобальных изменений. Теперь стало ясно, что когда развитые страны достигают кульминации цивилизации, их интересует только проблема обогащения и потребления. К сожалению, духовные ценности и мораль уступили материальным нуждам. Лучше поздно, чем никогда: пришло время обратить внимание на человеческий капитал, если даже уже действительно поздно. Признав это несколько лет назад, миллиардер Б. Гейтс стал заниматься меценатством. Сейчас сложно предсказать, что ждет впереди. Однако тюркоязычные страны находятся на очень высоком уровне своего духовного потенциала. В этом заключается наше превосходство над капиталистическими странами.

История – это то же самое, что и политика, как говорит Г. Уилсон, «искусство возможного». Особенно нам, тюркским народам, из-за отсутствия древних источников некоторые аспекты развития общества и культуры того времени казались загадочными. Поэтому тенденции развития тюркской цивилизации, особенно в древние века, остаются для нас неизвестными. Используя раздробленность тюрков после распада Золотой Орды, Россия колонизировала Центральную и Восточную Азию и сдерживала тюрков более 300 лет. 70 лет пребывания в составе Советского Союза не дали нам возможности написать правдивую историю. Дж. Неру сказал: «Историю колониальной страны пишут колонисты». Благодаря последним достижениям науки и техники новые технологии открывают новые горизонты для археологических исследований, космоса, вывоза артефактов из-за границы. Мы надеемся, что они окажутся в руках достойных представителей современной молодежи. Чтобы восстановить историческую справедливость, мы обязаны искать, пополнять и национализировать истинную историю казахского народа. Чтобы стать независимым государством, Казахстану для научного исследования понадобятся государственный грант, большой грант для проекта «История Казахстана» и значительное финансирование.

Наша миссия состоит в том, чтобы проанализировать нынешнюю ситуацию на планете относительно тюркского мира, изучая письменные источники, в част-

ности, внести вклад в развитие гуманитарного сообщества в ближайшем будущем и представить наши проекты. Вероятно, судьба дала нашим современникам возможность сделать этот шаг, чтобы конкурировать с развитыми государствами, придав импульс развитию тюркского мира в XXI в.

Предлагаем следующие проекты и мероприятия по возрождению тюркского мира в XXI в.:

1. Шесть тюркоязычных государств вместе с другими тюркоязычными народами должны принять «Стратегическую концепцию и программу модернизации тюркской цивилизации до 2050 г.». Было бы неплохо назвать этот мегапроект «Алға Түркілер – Ашина 2050», имея в виду наше древнее происхождение.

2. Необходимо принять интегрированную, совместно финансируемую программу «Импульс к духовному развитию тюркского мира» (история, образование, наука, здоровье, культура, религия, языки и т. д.). Нужно снять 30-серийный исторический документальный фильм о трехтысячелетней истории Тюркской империи. Этот фильм мог бы стать новой идеологией, чтобы поднять дух тюркских народов.

3. Создание мирового уровня историко-культурного, географического музея-панорамы в Туркестане: от династии Гуннов до наших дней. Музей-панораму необходимо создать в двух аспектах: один – в закрытом помещении, а другой – на открытом пространстве в виде города на Великом шелковом пути времен древнетюркской цивилизации. В этом открытом музейном городке будет логистический хаб с древними историческими реликвиями и макетами старых городов (Суяб, Тадж-махал, Баласагун, Отрар, Самарканд, Тараз и др.), ботайской культурой, пантеонами, мавзолеями (Модэ, Томирис, Аттила, Бумын, Иоллигтеги, Аль-Фараби, Чингисхан, Эмир Тимур, Кубылай, Бейбарс, Улугбек, Сулейман I, Ататюрк и др.), создана панорама крупных исторических сражений. Музей будет единственным в мире, представляющим панорамно великое сражение в течение трех дней и трех ночей вдоль Сырдарьи 700-тысячной кавалерии Чингисхана с армией султана Мухаммеда, всего 1,5 млн человек [Аджи 2014]. Эта битва была крупнейшим сражением из когда-либо происходивших в истории. Если будут воспроизведены Великий шелковый путь, карты кочевников и др., люди всего мира будут посещать музей и получать от этого удовольствие.

4. Нам нужно разработать программу, которая обеспечит тюркским государствам 5–6 % ежегодного роста экономики, включая проекты по новым технологиям, искусственному интеллекту, робототехнике и эффективному использованию интернет-ресурсов. В каждом государстве должны быть мегапроекты, духовно-логистические хабы, которые дадут мощный импульс возрождению Великого шелкового пути.

5. Модернизация села с приоритетом в развитии сельского хозяйства. Тюркский мир способен накормить ряд стран мира, используя свои огромные земельные ресурсы и способность производить продовольствие. Тюркский мир в будущем может стать продовольственной державой. Для этого в каждой стране необходимо разработать и реализовать программу «Сельский кластер тюрков в XXI в.»

6. Необходимо создать научный центр по планированию будущего и планированию развития тюркского мира (Алматы, Стамбул). Предусмотреть открытие различных научных лабораторий. Например, открытие «генетической лаборатории тюркского мира», открытие научных центров по запросу новой цивилизации. Ученые из тюркских стран должны совместно исследовать, писать и распространять «три тысячи лет тюркской истории» по всему миру.

7. Для обсуждения и утверждения всего вышесказанного необходимо организовать Саммит глав шести государств и других автономных республик. Также необходимо провести съезд народов тюркского мира. Затем должна быть создана «Всеобщая декларация Великой тюркской цивилизации» и приняты все решения и действия для ее осуществления.

8. Процесс глобализации никто не остановит. Есть единственный путь – это объединение народов. Главная цель – по типу Евросоюза создать союз тюркоязычных народов и государств «Түркі тегі» (ТТ). В будущем такой союз ТТ, имея необходимый контингент армии и вооружения, охватит тюркский мир. Только в таком случае его будут признавать богатые государства.

Если прогнозировать будущее, в обозримом будущем тюркский мир, с его глубокой исторической цивилизацией и имеющимся потенциалом, в XXI в. может совершить прорыв во второй раз в мировой истории. Это зависит от единства тюркского народа и от того, насколько эффективно будут использоваться новые технологии в будущем. Стоит также отметить, что тюркские народы способны объединить народы древней Евразии. Перед тюркскими народами стоит возможность нового пути развития по спирали.

Литература

- Аджи М. Азиатская Европа. М. : АСТ, 2014.
- Ахматнуров С. Распад тюркского каганата VI–VIII вв. М. : Алгоритм, 2015.
- Груссэ Р. Империя степей. Атилла, Чингизхан, Тамерлан. Алматы : Санат, 2006.
- Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М. : Прогресс, 1969. С. 452–455.
- Осборн Р. Цивилизация. Новая история западного мира. М. : АСТ, 2018.
- Паркер Э. Татары. История возникновения великого народа. М. : Центрполиграф, 2008.
- Рахманалиев Р. Империя тюрков. История великой цивилизации. М. : РИПОЛ классик, 2015.
- Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992.

References

- Adzhi M. AziatskajaEvropa [Asian Europe]. Moscow : AST, 2014.
- Ahmatnurov S. Raspad tjurkskogo kaganata VI–VIII vv. [Disintegration of the Turkic Kaganatein 6th – 8th Centuries]. Moscow : Algoritm, 2015.
- Galbraith J. K. Novojeindustrial'noje obshchestvo [The New Industrial State]. Moscow : Progress, 1969. Pp. 452–455.

Grousset R. Imperijastepej. Atilla, Chingizhan, Tamerlan [The Empire of the Steppes. Atilla, Genghis Khan, Tamerlane]. Almaty : Sanat, 2016.

Osborn R. Civilizacija. Novaja istorija zapadnogo mira [Civilization. The New History of the Western World]. Moscow : AST, 2018.

Parker E. Tatory. Istorija vznikovenija velikogo naroda [The History of the Emergence of a Great People]. Moscow : Centrpoligraf, 2008.

Rahmanalijev R. Imperijatjurkov. Istorija velikoj tsivilizatsii [The Empire of the Turks. The History of a Great Civilization]. Moscow : RIPOL klassik, 2015.

Sorokin P. A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo [Person. Civilization. Society]. Moscow : Politizdat, 1992.

РЕЦЕНЗИИ, ПОЗДРАВЛЕНИЯ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ БОЛЬШОЙ ИСТОРИИ

Шестова Т. Л., Арискина Ю. Э.*

Zinkina J., Christian D., Grinin L., Ilyin I., Andreev A., Aleshkovski I., Shulgin S., Korotayev A. A Big History of Globalization. The Emergence of a Global World System. Cham : Springer, 2019. 284 pp.

Историзм как один из основополагающих принципов научной рациональности открывает значительные возможности для углубления наших представлений о глобализации. В конце XX столетия историческое измерение глобализации открыли «мир-системники». И. Валлерстайн, А. Франк, Дж. Арриги, Дж. Модельски и другие авторы, работавшие в мир-системной парадигме, методологически выросшей из трудов Ф. Броделя, показали системное развитие экономических, политических, социокультурных взаимосвязей человечества в исторической динамике. Почти не используя до середины 1990-х гг. термин «глобализация», эти авторы описали и выявили ряд существенных закономерностей данного процесса на основе исторического и системного подходов. После окончания идеологического противостояния двух систем и последовавшего кризиса обществознания концепт глобализации стал центральным звеном новых социальных теорий. В первом десятилетии XXI в., на которое пришелся самый мощный всплеск работ по глобализации, в новом ключе были переосмыслены положения многих обществоведческих теорий и реформирована структура многих социальных дисциплин. Не осталось без внимания и историческое измерение глобализации. Предваряя один из лучших сборников по историческим аспектам глобализации, Б. Гиллс и У. Томпсон в 2006 г. писали: «Требуется много больше исследований для дальнейшего раскрытия исторического процесса создания глобальных (и глобализирующихся) сетевых структур. Не сомневаемся, что такие работы последуют» [Globalization... 2006: 15]. И они не ошиблись. К концу 2010-х гг. были глубоко проанализированы многочисленные аспекты глобализации. В историографических обзорах, книжных и журнальных публикациях неоднократно отмечалось, что сегодня трудно найти ракурс, в котором еще не была бы рассмотрена глобализация. Тем ценнее и интереснее представляется выход в свет рецензируемого издания.

---

* Шестова Татьяна Львовна – д. ф. н., профессор МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: tshestova@mail.ru.

Арискина Юлия Эдуардовна – к. и. н., старший преподаватель МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: ariskina_julie@mail.ru.

Монография «A Big History of Globalization. The Emergence of a Global World System», опубликованная в 2019 г. в издательстве «Springer» представительным коллективом авторов в составе Ю. Зинькиной, Д. Кристиана, Л. Гринина, И. Ильина, А. Андреева, И. Алешковского, С. Шульгина, А. Коротаева, открывает совершенно особый взгляд на глобализацию – взгляд сквозь призму двух относительно новых научных направлений – Большой истории и глобалистики. Первая, как указывают сами авторы, позволяет рассмотреть глобализацию как главу в истории Универсума, раскрывающую глубинные механизмы формирования связей и структур нашего мира («... глава глубокой истории (deep history), охватывающей всю историю нашей Вселенной, в которой мы видим, как существующие объекты соединяются, создавая новые структуры, новые формы сложности и даже новые формы красоты»). Глобалистика предоставляет уникальные возможности для междисциплинарного синтеза, с помощью которого создается многомерная модель динамики глобализации.

Отметим, что монография «A Big History of Globalization. The Emergence of a Global World System» открывает серию изданий «Springer» по макроэволюции и исторической макродинамике. В 2020 г. вышла написанная в близкой парадигме коллективная монография «The Twenty-First-Century Singularity in the Big History Perspective: An Overview» под редакцией А. В. Коротаева и Д. ЛеПуара [The 21st... 2020].

«A Big History of Globalization. The Emergence of a Global World System» – оригинальная книга, выстроенная в ключе, отвечающем интеллектуальным вызовам XXI в. Именно методологическая основа монографии составляет ее главную ценность. Попытка найти новый путь в науке всегда заслуживает уважения, тем более попытка удачная. Авторам удалось выделить «полезный продукт» из экспериментального исторического нарратива, сочетающего традиционный детерминистский текст с квантитативными включениями, не только поддерживающими и иллюстрирующими заключения, но и имеющими самостоятельную аналитическую ценность.

Данный подход вполне оправдал себя в макроисторических исследованиях и исследованиях глобализации. В подобном ключе выстроены многие работы Дж. Модельски, Б. Гиллса, У. Р. Томпсона, К. Чейз-Данна, П. О. Брайена, Дж. Абу-Люгод, Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, С. Ю. Малкова и других известных авторов. Предисловие к монографии «A Big History of Globalization. The Emergence of a Global World System» написал один из авторитетнейших в современной социально-исторической теории авторов, классик мир-системного анализа Кристофер Чейз-Данн. Он пишет: «“Большая история глобализации” – объемная и важная книга. Она строго аргументирована и великолепно написана. Несомненно, эта работа углубит и обогатит обсуждение чрезвычайно важной темы глобализации... Она помещает понятие глобализации в гораздо более широкий научный контекст, чем обычно» [Chase-Dunn 2019: v].

Главным «полезным продуктом» книги можно назвать выделенные авторами тренды исторической макродинамики, представленные в контексте современных подходов к пониманию механизмов формирования структурных основ институциональных взаимодействий в человеческом обществе от неолитической револю-

ции и до начала XX в. В монографии рассмотрены экономические, политические, социокультурные тренды исторической макродинамики, в совокупности раскрывающие общую логику глобализации и позволяющие смоделировать структуру социального развития в перспективе.

Еще одним значимым результатом исследования является предложенная авторами периодизация, а точнее, ее критерий. Как известно, периодизация является основой любой исторической концепции. Через периодизацию и ее критерий выявляются изменения в объекте исследования, определяется их направленность, раскрывается не только содержание, но и суть исторического процесса. В качестве критерия авторами монографии выбран уровень организации мир-системных структур, отражаемый в масштабе институтов, характерных для определенных периодов истории глобализации. Периоды Большой истории глобализации — это крупные фазы расширения и сжатия мир-системных структур, основной тенденцией которых является повышение уровня взаимозависимости социума. При этом особое внимание авторы уделяют так называемым фазовым переходам, рубежным эпохам в состоянии мир-систем [Grinin, Korotaev 2009].

«Мы постараемся не только проследить количественный рост мировой связанности и хронологию охвата системой новых территорий и регионов, но также выделить крупномасштабные качественные изменения – фазовые переходы Мир-Системы», – пишут авторы [Zinkina *et al.* 2019: 16]. Концепт, а точнее, метафора фазовых переходов является интересной и продуктивной находкой, позволяющей раскрыть содержание многих конкретных глобально-исторических процессов через понятия типогенезиса и типостазиса мир-систем. Типогенезис – это формирование институтов системных взаимодействий, а типостазис – их стагнация, застой.

Авторы выделяют пять крупных исторических периодов (макропериодов) глобализации, началу каждого из которых соответствует фазовый переход в организации системных социальных связей, то есть переход на новый уровень и масштаб взаимозависимости.

Первый период глобализации – архаический (Archaic Globalization) – относится к становлению системы обменов каменного века и эпохи древних цивилизаций.

Второй макропериод – протосовременный (Protomodern Globalization) – эпоха формирования средневековых систем, достигшая своего пика в XIII в. с формированием Монгольской империи.

Третий макропериод (Early Modern Globalization) начинается с периода Великих географических открытий и продолжается в течение всего раннего Нового времени.

Четвертый макропериод – современный (Modern Globalization) – приходится на «долгий XIX век». Пиком современного этапа является Эра прогресса, называемая авторами «Первым Золотым веком глобализации» (конец XIX – начало XX в.).

Пятый макропериод глобализации – постсовременный (Postmodern Globalization) – протекает сегодня, являя невиданные темпы ускорения процессов, направленных на формирование единого в рамках планеты социума.

Каждый из этих макропериодов делится на этапы. Четче всего авторы определяют этапы первого, архаического, макропериода.

Начало архаической глобализации авторы связывают с неолитической революцией (8–4-е тыс. до н. э.), объясняя выбор этого рубежа началом системных взаимодействий между сообществами ранних аграриев.

Следующий этап – эпоха первой городской революции (конец 4-го – середина 3-го тыс. до н. э.), ознаменовавшаяся радикальными изменениями социума, которые возвели человечество в состояние цивилизации (типогенезис основ бронзовых цивилизаций).

Третий этап архаической глобализации, по мнению авторов, относится к фазе типостазиса, когда достижения первой городской революции распространяются по территории Афроевразии, теряя при этом темпы динамики инноваций. Хронологически это середина 3-го – 2-го тыс. до н. э.

Фазовым переходом к следующему этапу архаической глобализации (1200-е гг. до н. э. – 150-е гг. н. э.) является распространение металлургии железа, за которым следует формирование крупных экономических пространств, трансконтинентальных торговых маршрутов, таких как, например, Великий шелковый путь.

За этим этапом следует «потерянное тысячелетие» (150–1000 гг.), типостазис аграрных империй.

Здесь стоит обратить внимание, что понятие «потерянное тысячелетие», возможно, не совсем удачно. Авторы вслед за многими исследователями полагают, что в течение почти тысячи лет, начиная с середины II в. н. э., не происходило демографического роста и увеличения суммарного ВВП. Такая установка является наследием европоцентричной историографии XIX–XX вв., опирающейся преимущественно на европейские источники. В контексте глобальной истории 1-е тысячелетие н. э. – формирование новой высокопродуктивной экономики – классического кочевнического хозяйства, сложившегося в условиях средневекового климатического пессимума и обусловившего бурный демографический рост, приведший к перестройке всей социально-экономической и этнополитической структуры Афроевразии во второй половине 1-го тыс. н. э. Поэтому период раннего и начала зрелого Средневековья в глобальном масштабе вряд ли можно назвать «потерянным тысячелетием».

Таким образом, в макропериоде архаической глобализации авторами «A Big History of Globalization. The Emergence of a Global World System» выделено пять фазовых переходов и пять этапов (подпериодов).

Четыре других макропериода глобализации пока не получили столь же обоснованного разделения на этапы, как архаический макропериод, хотя определенные вехи обозначены авторами.

В целом намеченная в книге периодизация и «фазовый подход» позволяют раскрыть суть многих глобально-исторических изменений, пока не получивших в науке убедительной трактовки.

Высоко оценивая монографию «A Big History of Globalization. The Emergence of a Global World System» как оригинальное, эвристически богатое, интересное исследование, тем не менее позволим себе обратить внимание на некоторый эклектизм, мешающий воспринимать работу как концептуально целостное законченное произведение. Надеемся, что выход второго тома книги позволит испра-

вить это впечатление, возможно, вызванное сложностями восприятия таких авангардных разработок, какой, безусловно, является данная монография.

Присоединяясь ко мнению многих специалистов, высоко оценивших монографию, поздравляем коллектив авторов с выходом книги в свет и желаем дальнейших творческих успехов.

Литература/References

Chase-Dunn C. 2019. Foreword / J. Zinkina, D. Christian, L. Grinin, I. Ilyin, A. Andreev, I. Aleshkovski, S. Shulgin, A. Korotayev // A Big History of Globalization. The Emergence of a Global World System. Cham : Springer, 2019.

Globalization and Global History / ed. by B. Gills, W. Thompson. London; New York : Routledge, 2006.

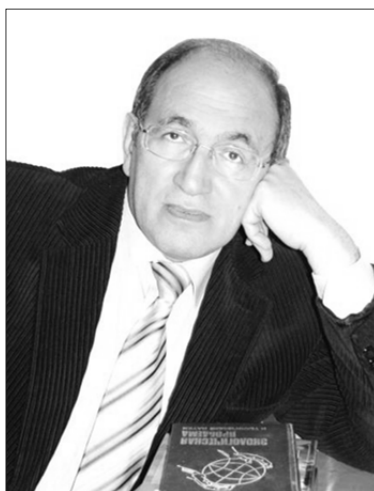
Grinin L., Korotayev A. Social Macroevolution: Growth of the World System Integrity and a System of Phase Transitions // World Futures. 2009. Vol. 65 (7). Pp. 477–506.

The 21st Century Singularity and Global Futures. A Big History Perspective / ed. by A. V. Korotayev, D. LePoire. Cham : Springer, 2020. Pp. 599–620.

Zinkina J., Christian D., Grinin L., Ilyin I., Andreev A., Aleshkovski I., Shulgin S., Korotayev A. A Big History of Globalization. The Emergence of a Global World System. Cham : Springer, 2019.

НИЗАМИ МУСТАФАЕВИЧУ МАМЕДОВУ – 75 ЛЕТ

Доктор философских наук, профессор, член редколлегии и постоянный автор журнала «Век глобализации», действительный член Российской экологической академии, Российской академии естественных наук, эксперт ЮНЕСКО Низами Мустафа оглы Мамедов отметил свое 75-летие. Низами Мустафаевич хорошо известен научной и педагогической общественности не только России, но и многих других стран своими работами в области философских вопросов моделирования, технических наук, социальной экологии, экологического образования, теории устойчивого развития. Его перу принадлежит более 400 публикаций, в том числе монографии: «Моделирование и синтез знаний», «Экологическая проблема и технические науки», «Экология и техника», «Основы социальной экологии», «Экология и устойчивое развитие» и др. По данным Российской электронной библиотеки, Низами Мустафаевич относится к числу наиболее цитируемых авторов. Под его руководством защищены более 40 кандидатских и докторских диссертаций. Подготовленный им учебник по экологии для старших классов вот уже 25 лет является одним из основных в школах России и стран СНГ. Низами Мустафаевича отличают не только выдающиеся результаты творческой деятельности, научная добросовестность и особая работоспособность, но и замечательные человеческие качества: доброжелательность, принципиальность, ответственность, обязательность. Он также увлекается написанием эссе о выдающихся деятелях науки и культуры, а недавно был избран членом Международного союза писателей и публицистов.

Редколлегия и Редсовет нашего журнала искренне поздравляют Низами Мустафаевича с юбилеем, желают ему крепкого здоровья, новых достижений и творческих успехов!

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Alexander B. Weber. Ecological imperatives and claims of hegemonism (pp. 3–18).

Nizami M. Mamedov. The development of humanistic ideas as a global process (pp. 19–31).

Humanitarian aspects of Globalistics

Alexander N. Chumakov. The global world in terms of literature (by the example of M. I. Weller's works) (pp. 32–44).

Dmitry I. Cherkasov-Kornyushchenko. "The worm-holes" of the novel "The phantom devil": A global reflexion (pp. 45–58).

Gabriele Munnix. Is the international communication possible? On the importance of an appropriate translation in the world of global relations (pp. 59–69).

Natalya V. Shchennikova. The unity in diversity: To the issue of the research vocabulary of world Englishes paradigm (pp. 70–78).

In the world of global relations

Galina A. Drobot. The rise of China in terms of the Power transition theory (pp. 79–86).

Go Lishuan. "The economic belt of the Silk Road" and the Eurasian Economic Union: peculiarities, advantages, and competition (pp. 87–102).

The global developmental trends

Ivan A. Pfanenshtil, Mikhail P. Yatsenko. Asfatronics as a new constructive approach to the global security system (pp. 103–115).

Orazaly S. Sabden. Global civilization and modernization of social development (pp. 116–128).

Review, congratulations

Tatyana L. Shestova, Yulia E. Ariskina. Globalization in the Big History lens (pp. 129–133).

The 75th anniversary of Nizami Mustafaeovich Mamedov (p. 134).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14); сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

В списке *Литература*: Кляйн Н. Доктрина шока. М. : Добрая книга, 2011.

В списке *References*: Klyain N. Doktrina shoka [The Shock Doctrine]. Moscow : Dobraya kniga, 2011.

В списке *Литература*: Лукьяненко В. И. Homo Consúmens – человек потребляющий // Век глобализации. 2009. № 2. С. 149–159.

В списке *References*: Lukanenko V. I. Homo Consúmens – chelovek potrebyayushchiy [Homo Consúmens – A Consuming Man] // Vek globalizatsii. 2009. No. 2. Pp. 149–159.

В списке *Литература*: Шишков Ю. В. Мирохозяйственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 25–47.

В списке *References*: Shishkov Yu. V. Mirohozyaistvennyj mehanizm: dvizhenie k globalizatsii [TheWorld-Economic Mechanism: A Move to Globalization] // Mirovaya ekonomika: globalnye tendencii za 100 let [World Economy: Global Trends for the Century] / ed. by I. S. Korolyov. Moscow : Ekonomist, 2003. Pp. 25–47.

В списке *Литература*: Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

В списке *References*: Beck U. Kosmopoliticheskoe obschestvo i ego vragi [Cosmopolitical State and its Enemies] : Jurnal sotsiologii i sotsialnoy antroploghii. 2003. Vol. VI. No. 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (accessed: 14.03.2011).

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации». 1(37), 2021. – 136 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*
Корректор *Н. В. Самсонова*
Верстка *О. И. Вереницыной, М. И. Кухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 9.03.2021. Дата выхода: 25.03.2021

Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,05.

Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»
Полиграфкомбинат «Офсет»
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10